

КИЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

на правах рукописи

ПАСТУХОВ Александр Гавриилович

**ИДЕОЛОГИЧЕСКИ МАРКИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА
В НЕМЕЦКОМ ПОДЪЯЗЫКЕ ФИЛОСОФИИ**

Специальность 10.02.04 – германские языки

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор С.Д.БЕРЕСНЕВ

К И Е В – 1996

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ПРИНЦИПЫ СТРАТИФИКАЦИИ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ.	
1.1. Общие принципы системности в языке	13
1.2. Функциональные стили и подъязык философии	17
1.3. Природа идеологической маркированности в языке и речи.	22
1.4. Характеристика материала и методика исследования	29
Выводы	46
ГЛАВА 2. ИДЕОЛОГИЧЕСКИ МАРКИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА В СЛОВАРНОМ СОСТАВЕ НЕМЕЦКОГО ПОДЪЯЗЫКА ФИЛОСОФИИ /АНАЛИЗ ЧАСТОТНОГО СЛОВАРЯ/	
2.1. Части речи и классы слов в подъязыке философии	48
2.1.1 Служебные части речи	51
2.1.2 Знаменательные части речи	63
2.2. Стилистическая стратификация лексики подъязыка	72
2.3. Тематические группы и семантические поля в подъязыке	81
2.4. Терминологическая лексика в структуре семантических полей	91
2.5. Синонимия и антонимия	100
2.6. Идеологически маркированная лексика в подъязыке и ее квантитативные характеристики	105
Выводы	108

ГЛАВА 3. ИДЕОЛОГИЧЕСКИ МАРКИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА КАК СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

3.1. Стилистические средства выражения идеологической маркированности

111

3.2. Отражение дивергентных и конвергентных процессов в лексике изучаемого подъязыка

128

Выводы

140

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 142

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 147

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ 166

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ВЫБОРКИ 168

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. БАЗОВЫЙ ЧАСТОТНЫЙ СЛОВАРЬ НЕМЕЦКОГО ПОДЪЯЗЫКА ФИЛОСОФИИ

2. СПИСОК ИДЕОЛОГИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫХ ЛЕКСЕМ

ВВЕДЕНИЕ

Изучение языка как общественного явления относится к числу центральных проблем современной науки о языке. Нынешнее состояние лингвистической науки характеризует повышенный интерес к исследованию социальных факторов развития и функционирования языковых единиц. Характерно, что большинство работ посвящено описанию разговорного и публицистического стилей речи /Швейцер 1976, Никольский 1976, Дешериев 1977, Белл 1980, Große, Neubert 1982, Hymes 1974/, акцентирующих внимание на дивергентном развитии немецкого языка в период существования двух немецких государств /Ивлева 1986, Розен 1991, Dieckmann 1975, Domaschnew 1989, Hellmann 1990 /.

Вышеизложенное определяет *актуальность* темы исследования, которая заключается в отсутствии полного лингвистического описания лексики немецкого подъязыка философии и необходимостью иметь в распоряжении зарубежного читателя лексикон данного подъязыка как основы для автоматического реферирования и перевода текстов по данной специальности. *Актуальным* является также изучение в рамках подъязыка идеологической и социально релевантной лексики как особой низкочастотной зоны базового подъязыка и классификации этих единиц по основным типам образования.

Функциональное изучение подъязыков науки получило развитие лишь за последние десятилетия. Рассмотрению общих характеристик функциональных стилей посвящены работы многих отечественных и зарубежных ученых /Гальперин 1965, Кожина 1968, Скребнев 1975, Цвиллинг 1986, Sandig 1977/. Вопросы лексики, морфологии и сочетаемости в отдельных подъязыхах освещаются в публикациях Н.Д.Андреева /1967/, С.Д.Береснева /1974/, Р.Г.Пиотровского /1975/.

П.М.Алексеева /1975/, В.С.Перебийніс /1985/ и др. Немецкий подъязык философии как относительно замкнутая система (лексики, синтаксиса, словосочетаемости) до сих пор не изучался. Об идеологически маркированной лексике в данном подъязыке имеются лишь фрагментарные замечания /Зайцева 1981, Харитонова 1992/.

Настоящая работа представляет собой *первое* исследование, посвященное анализу идеологически маркированной лексики (далее ИМЛ), особенностям ее возникновения, становления и функционирования.

Основная *цель работы* заключается в создании лексической модели базового немецкого подъязыка философии, в выделении из состава частотного словаря философии идеологически маркированной лексики, изучении основных закономерностей ее образования и функционирования.

После получения частотного словаря на основе выборки немецких текстов из философских журналов 1989-1992 гг. и выделения базового подъязыка, вся ИМЛ подвергается каталогизации и описанию с учетом материалов текстов научных журналов бывшей ГДР и ФРГ. В связи с этим особенно актуальным представляется анализ социолингвистических процессов до и после объединения Германии, а также функционирование изучаемых языковых единиц на протяжении указанного отрезка времени.

Для достижения основной цели необходимо решение следующих частных *задач*:

- определить место и роль узкопрофильной лексики подъязыка философии в лексико-семантической системе немецкого языка, представляющей совокупность слов и словосочетаний для выражения специальных понятий,
- выявить и описать корреляцию языковых единиц изучаемого подъязыка с понятием и именуемым *объектом* в процессе ее создания и развития,

- описать лексико-семантические особенности рассматриваемой лексики, отличающие ее от других отраслевых терминосистем и от общелитературного языка в целом,
- определить место и роль подъязыка философии и его семантическое пространство,
- инвентаризовать и систематизировать выборку исследуемых единиц с учетом их хронологической информации,
- создать частотный словарь лексики подъязыка философии,
- выделить из полученной лексической модели идеологически маркированные единицы,
- осуществить всесторонний анализ изучаемых единиц и разработать их классификацию.

П р е д м е т о м исследования является идеологически маркированная лексика (ИМЛ) немецкого подъязыка философии, извлеченная из словаря подъязыка философии как отражение связи и взаимоотношений значений ИМЛ, а также идеологической конфронтации философских наук в период существования двух дивергентных немецких государств. В круг нашего рассмотрения входит также продолжающийся и по настоящее время процесс интеграции идеологических установок и философских концепций и связанного с этим движения лексики.

М а т е р и а л о м исследования послужили тексты из философских журналов ГДР и ФРГ (см. список источников выборки). Из материалов текстов (а в последствии из полученного ЧС) в качестве лингвистических объектов были извлечены 417 ИМЛ, а также ряд других стилистически маркированных лексем, имеющих общественную значимость. (Список ИМЛ дается в приложении).

Н а у ч н а я н о в и з н а работы заключается как в привлечении оригинального лингвистического материала (уже упомянуто, что ИМЛ не

была в подъязыках науки темой отдельного исследования), так и в использовании статистического анализа для ее выделения. **Н о в о й** является постановка отдельных лингвистических проблем, в частности, классификации ИМЛ с точки зрения теории мотивации и определения ее места в структуре изучаемого подъязыка (морфолого-синтаксическая и стилистическая стратификация лексики).

М е т о д о л о г и ч е с к о й б а з о й исследования является понимание языка как социального явления и как необходимого условия обобщающего мышления. В ходе исследования мы опираемся на принцип отражения и принцип социальной природы языка, связанного, с одной стороны, с мышлением, с другой – с объективной действительностью и обществом через знаковую соотнесенность. Особую значимость для настоящего исследования приобретает понимание языка как функционирующей и диалектически развивающейся системы.

М е т о д ы исследования обусловлены целями и задачами работы, а также спецификой изучаемого материала:

статистический анализ,
структурно-семантический анализ,
функциональный анализ,
контекстуальный анализ,
компонентный анализ,
дистрибутивный анализ,
метод словарных дефиниций,
элементы социолингвистического анализа.

Т е о р е т и ч е с к а я з н а ч и м о с т ь работы заключается в разработке вопросов создания частотного словаря немецкого подъязыка философии и выделения на его основе базового подъязыка, охватывающего наиболее частотную, а значит, и самую употребительную

лексику. При этом ИМЛ выступает как образование, объединяющее в своем значении денотативные, сигнификативные и специфические коннотативные компоненты.

Подтверждается наше предположение о принципиальных различиях естественно-научных и гуманитарных подъязыков. Общественным наукам в большей мере свойственны завуалированность форм и высокая степень прагматической направленности на адресата. На этом основании философские тексты относятся к идеологическим, сравнимым по своим характеристикам с реализационными образцами средств массовой информации и пропаганды.

П р а к т и ч е с к а я ц е н н о с т ь работы заключается в возможности использования ее результатов в качестве источника для рационального отбора и организации учебного материала, а также при составлении учебных текстов и упражнений для студентов философских факультетов, изучающих немецкий язык. Некоторые выводы исследования могут послужить основой для спецкурса по стилистике научной речи и статистической лексикографии.

А п р о б а ц и я р а б о т ы. Основные теоретические положения и выводы, содержащиеся в диссертации изложены и обсуждены на конференциях "Основные направления научных исследований в педвузе" в Горловском госпединституте иностранных языков имени Н.К.Крупской 6 февраля 1992 г., "Реализация языковых единиц грамматической и лексико-фразеологической систем германских и романских языков" 26 марта 1992 г. и "Контекстуальное взаимодействие языковых единиц различных уровней", организованных кафедрой немецкой филологии Киевского государственного пединститута иностранных языков, на II-ой международной конференции "Язык и культура" в Киевском государственном университете им. Т.Шевченко 23 июня - 3 июля 1993 г.,

на конференции "Теоретические и прикладные аспекты преподавания иностранных языков в технических вузах" 25 июня 1993 г. в Одесском политехническом университете, а также на учебно-теоретическом семинаре "Deutsche Lexikographie von den Anfängen bis Gegenwart" 28 апреля 1994 г. в Гейдельбергском университете (Германия).

Результаты исследования отражены в 8 публикациях, в том числе, сборниках научных конференций "Дискурс и аргументация" /Пятигорск 1992/, "Язык и культура" /Киев 1993/, "Принципы функционального описания языка" /Екатеринбург 1994/, "Семантико-стилістична будова тексту та функціонування одиниць різних мовних рівнів" /Київ 1995/ и в ряде других.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав с выводами по каждой главе, заключения, списка использованной литературы и приложения. Такая структуризация работы обусловлена основной целью и задачами исследования.

Во введении обосновывается выбор темы исследования, ее актуальность, научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность, определяется основная цель, задачи и методы исследования, объект и методы анализа, а также формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе рассматриваются принципы стратификации лексики по данным современной лингвистики. На основании основных принципов системности в языке делаются попытки определения особенностей научного функционального стиля и подязыка философии. Рассматриваются также вопросы природы идеологической маркированности, дается характеристика материала и методов исследования.

В т о р а я г л а в а полностью посвящается анализу результатов частотного обследования текстов немецкого подъязыка философии. Основные лексико-грамматические категории рассматриваются здесь как с точки зрения их реального функционирования, так и в плане определения зависимостей между дейктической лексикой – основным строительным материалом научного текста и знаменательными частями речи. Важным моментом этого раздела является выделение тематических групп и семантических полей, функционирующих в изучаемом подъязыке, включающих большей частью терминологические образования. Контрарные семантические связи показаны на примере отношений синонимии и антонимии в семантических полях. Отдельный раздел главы раскрывает особенности функционирования идеологически маркированной лексики как особой низкочастотной зоны словаря.

В т р е т ь е й г л а в е идеологическая маркированность в речи раскрывается как проблема мотивации, что позволяет выделить основные морфолого-синтаксические модели образования ИМЛ. Здесь же дается также анализ дивергентных и конвергентных процессов и связанных с ними изменений в словарном составе идеологических текстов в период до и после объединения Германии.

В З а к л ю ч е н и и обобщаются результаты проведенного исследования ИМЛ, отмечаются основные особенности прагматических механизмов их образования, а также причин устаревания и исчезновения отдельных ИМЛ.

В п р и л о ж е н и и помещены базовый частотный словарь немецкого подъязыка философии, включающий в себя 1994 единицы (в пределах частот от 6114 до 10 включительно), отражающие наиболее продуктивные лексические средства построения научного высказывания и декодирования специального текста. Далее предлагается список ИМЛ, где

исследуемые единицы объединяются в соответствии с их структурно-стилистическими функциями.

Результаты проведенного исследования могут быть сформулированы в виде **п о л о ж е н и й**, выносимых на защиту:

1. Идеологически маркированная лексика (ИМЛ) представляет собой особую подсистему немецкого языка – подъязыка философии. Это низкочастотный слой, которому свойственны как общие качества языкового знака, так и специфические. В ИМЛ объединяются такие компоненты значения, среди которых доминируют стилистическая окрашенность и экспрессивность, отражающие и регенерирующие языковую ситуацию в условиях научного философского текста.
2. Идеологическая маркированность лексики свойственна не только философской терминологии, но и словам общенаучного обихода. Терминологическая лексика в подъязыке представлена специфическим слоем, включающем в себя элементы терминосистем многих гуманитарных и некоторых естественно-научных дисциплин. Собственно философская терминология в изучаемом подъязыке тесно взаимодействует с общественно-политической терминологией и лексикой, характерной для других стилей речи: официального и газетно-публицистического.
3. ИМЛ является отражением "политической семантики", т.е. она аккумулирует в себе комплекс факторов, оказывающих влияние на развитие языка. На уровне нейтральной и терминологической лексики происходит процесс преимущественного движения лексических единиц бывшей ГДР в сторону словаря ФРГ, что обусловлено более высоким уровнем развития экономики и техники, западноевропейской интеграцией, спецификой культурного и образовательного аспектов.

4. Специфика семантических изменений как перехода немаркированных слов в единицы речи и их актуализация связывается с нерегулярным характером ИМЛ, проявляющемся в том, что ни одна из проанализированных единиц не вошла в состав базового подъязыка. Иначе говоря, явление идеологической маркированности в изучаемом подъязыке свойственно только единицам низкочастотной зоны словарного списка.

ГЛАВА 1. ПРИНЦИПЫ СТРАТИФИКАЦИИ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ.

1.1. Общие принципы системности в языке

Небезызвестно, что полноценное описание языковых единиц возможно только при учете всего комплекса факторов, порождающих ту или иную языковую единицу. С этой целью необходимо смоделировать или реконструировать процесс речевой деятельности во всем его объеме и разнообразии, хотя господствующим стилем мышления в настоящее время следует признать функционально-системный /Арнольд 1991; 6/.

Рассматривая эволюцию взглядов на принципы системности в языке, необходимо отметить, что современные подходы к изучению единиц языка ведут свой отсчет от предметоцентризма, базировавшегося на чисто эмпирическом воздействии, в центре внимания и наиболее распространенной единицей описания которого было слово, его элементы и их информационный потенциал в условиях полной независимости друг от друга.

В системоцентризме Соссюра языковые единицы рассматриваются уже как часть целого, элемента или компонента. Входя в состав системы, слово облечено не только значением, но и, главным образом, значимостью /Соссюр 1977; 148/. Языковые явления рассматриваются при этом в двух ипостасях как "процесс" и как "результат", отражая при описании элементов и их внутреннюю структуру.

Современные методы анализа языкового материала носят динамический характер. Если предметоцентризм и системоцентризм являются "родственными" принципами, имеющими в качестве основы систему и носящие системный характер, то полицентризм как

гносеологическая категория оперирует генезисом языка. Однако, основываясь на какой-либо одной интерпретационной системе, невозможно получить однородные и адекватные параметры.

Более того, онтологические принципы построения системы представляются здесь также весьма значимыми. Применительно к языку, каждый ее элемент может являться носителем ее предметных, функциональных и интегративных качеств /Галахов 1980; 61/. Предметно-структурные качества касаются свойств материи во всем ее многообразии, функциональные – определяются через отношение к человеку, взаимно дополняя друг друга.

В современной науке о языке утвердилось мнение, что смысловые связи внутри языка настолько разнообразны, что их трудно свести к некоторой общей модели. Слово как центральная единица языка обладает широкими семантическими и лексико-грамматическими потенциями, что в значительной степени затрудняет задачу стратификации лексики, особенно при выделении семантических категорий и лексических микросистем. Рассмотрению вопросов, связанных с дифференциацией лексики, посвящены работы многих отечественных и зарубежных лингвистов /Виноградов 1953, Смирницкий 1956, Уфимцева 1962, Степанова 1968, Денисов 1980, Левицкий 1988, Васильев 1990/. Способность быть элементом системы, занимать место в какой-либо иерархии – это свойство характерно многим языковым единицам разной сложности /Солнцев 1971; 81/, что предполагает их линейное расположение по вертикали и горизонтали.

Одним из определяющих исходных теоретических предпосылок является четкое определение уровня рассмотрения. Слово как минимальная языковая единица способна образовывать вокруг себя парадигму, оставаясь при этом неделимой единицей.

Представления о реальных свойствах языка можно получить, если совершать взаимнообратимый процесс, подчиняя семантику структуре и рассматривая семантику как структуру, а, с другой стороны, объединяя семантику и структуру в комплекс /Степанова 1968, Никитин 1983/.

Особый интерес с учетом основной цели предлагаемого исследования будут представлять *семантическая и стилистическая* классификации. Семантическая классификация – это группировка слов по их корневым самостоятельным значениям. При этом лексическое значение выступает не как научное, а как "житейское" понятие о соответствующей вещи, осложненное различными культурно-историческими и эмоцио-нальными ассоциациями. Эмоционально-экспрессивные и другие аналитические ассоциации слова и обертоны его отдельных ЛСВ являются предметом стилистического рассмотрения.

Такое понимание помогает приблизиться к характеру собственно лингвистических особенностей строения лексико-семантического уровня языка, т.е. уровня лексико-семантических вариантов слова, репрезентирующих его лексическое значение в системе языка, уровень значений отдельных слов.

Проблема стратификации лексики теснейшим образом связана с функциональной стратификацией языковых единиц. Функционально-стилистическое варьирование обусловлено употреблением лексем в разных коммуникативных сферах. Информация, передаваемая реципиенту, относится, не в последнюю очередь, и к эмоциональному расположению носителя языка.

Функциональная стратификация лексики во многом определяется действием внешних факторов. Здесь могут быть выделены два аспекта социальной детерминированности: 1) преимущественная закреплённость единиц языка за соответствующими коммуникативными сферами и 2) их

соотнесенность с речевой практикой известных социальных групп /Гухман 1985; 5/. Для любого хронологического отрезка в истории языка функциональные страты связаны с конкретными сферами общения. Изменения в укладе жизни носителей языка и общественном устройстве языковой общности вносят изменения в соотношение соответствующих компонентов функциональной парадигмы. Социальная маркированность функциональной стратификации языка отнюдь не проявляется в изоморфизме социальной структуры общества и функционального членения языка. Реальные отношения являются значительно более сложными, хотя социолингвистические процессы и продолжают оказывать влияние на развитие языка.

Разновидности функциональной стратификации языка обусловлены количественным составом компонентов или страт функциональной парадигмы, статусом каждого из них и их отношениями внутри системы. Функциональное членение языка – категория исторически изменчивая, и изучение закономерностей изменений является одним из важных направлений в настоящем исследовании, в частности, при изучении стратификации лексики научных текстов в синхронном плане. Наша задача состоит в разбиении единиц лексемного уровня на непересекающиеся подмножества – классы слов. При этом очевидно нельзя учесть все основания, равно как это невозможно сделать с учетом одного принципа /Береснев 1970; 15/. Это является очень сложной задачей еще и потому, что ни части речи, ни члены предложения не являются системами, прикрепленными "наглухо" к каким-либо интерпретациям. Иными словами, мы подходим к вопросу о существовании объективных систем отсчета, образований, групп или классов слов, сложившихся в языке формально, но необходимых с точки зрения нашего исследования и дополнения теории текста новыми характеристиками.

1.2. Функциональные стили и подъязык философии

В эпоху возрастающей роли науки, ее язык приобретает все большее значение. Научный функциональный стиль (далее НФС) является одним из динамично развивающихся функциональных стилей, направленный на отражение явлений языковой действительности, вызванных современным развитием общества во всех его проявлениях.

Под функциональным стилем в современной лингвистике понимается один из стилей, дифференцируемых в соответствии с основной функцией языка – общением, сообщением, воздействием. Функциональный стиль – это общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общества, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа /Виноградов 1961; 73/.

Научный функциональный стиль как одна из разновидностей функциональных стилей привлекает к себе постоянный интерес исследователей. В лингвистической литературе можно встретить различные обозначения того, что мы называем научным функциональным стилем : "научно-технический стиль", "стиль научной прозы", "стиль научного изложения"/Ахманова 1958, Будагов 1967, Пумпянский 1981/, "язык научно-технической литературы" /Митрофанова 1973/, а также "научный стиль", "научная проза" /Venes 1969/, "научная литература" /Гальперин 1965, Кодухов 1979, Троянская 1982, Сенкевич 1984/ и т.д. Подобное разнообразие терминов говорит о различии взглядов и подходов

лингвистов на продолжающую оставаться актуальной проблему дефиниции научного стиля речи.

Одним из важнейших и актуальных проблем современной лингвистики представляется осмысление роли и функции научно-технической терминологии как проводника стиля и важного элемента научного общения. Многочисленные исследования отечественных и зарубежных языковедов привели к формированию концепции стилей /Скребнев 1969, Гальперин 1973, Береснев 1973, Виноградов 1981, Цвиллинг 1986, Брандес 1988, Riesel 1963, Fleischer 1970, Drozd, Seibicke 1973, Gläser 1974, Sandig 1977, Scharnhorst 1981/. Работы других ученых посвящены разработке НФС и затрагивают его специфику, связанную в конечном итоге со стратификацией лексики научных текстов /Левковская 1960, Мансуров 1971, Алексеев 1971, Шубова 1974, Нелюбин 1974, Бертельс 1982, Митрофанова 1985, Федорова 1986, Fleischer 1973, Erk 1975, Wüster 1991/.

Однако, говоря об изучении научного функционального стиля по отдельным отраслям науки, важно отметить, что объектом исследования чаще других становились подязыковые системы точных и естественных наук, а также подязыки техники /Кравченко 1990, Комарова 1991, Павлова 1991/. Исследования в области гуманитарных наук ограничивались лишь терминологическим рассмотрением /Горшкова 1979, Нога 1985/. Мало уделялось внимания взаимодействию различных лексических слоев в области подязыков науки, месту и роли общенаучной лексики в структуре словаря гуманитарных дисциплин. Более того, до настоящего времени отсутствует, к сожалению, точный частотный анализ лексики подязыка философии и описание причин появления и функционирования в нем идеологически маркированной лексики.

Оправданным следует признать деление НФС на научно-технический и научно-гуманитарный подстили /Цвиллинг 1986/. Это разделение основано на принципиально разном обслуживании сфер общественного бытия и объектов познания. В научно-гуманитарном подстиле чаще допускаются отклонения от собственно научного стиля. В такую речь невольно проникают большое количество эмоционально-экспрессивных элементов, а также присутствует политическая окраска того "цвета", с позиции которого ведется исследование /Будагов 1970; 62-63/. При этом наблюдается существенное различие в интерпретации положений, конституирующих основы соответствующей науки. Формирование философской терминологии происходит различными путями, т.к. это связано с идеологией. Языковедами уже отмечалась разница в функционировании терминологии в различных социально-экономических системах /Гвишиани 1986; 41/. Не одинаковы и определения исходных понятий, необходимых для формирования концептуальной системы данной науки. Более того, существуют и различия в трактовке единиц языка в лексиконах и специальных словарях /Moser 1962/.

С учетом вышеизложенного, в настоящем исследовании мы попытаемся учесть все существующие слои лексики подъязыка философии, в той или иной мере формирующие ядро данного подъязыка, направленного на отражение и выражение социально организованной реальной действительности – предметной области философии, в описании разнообразных языковых явлений, отражающих процессы в социальной структуре общества, применительно к условиям объединения двух немецких государств.

Для решения проблем исследования научной речи необходимо выбрать такое сочетание ее морфологических, лексических и других

характеристик, позволяющее получить цельную картину языковых реализаций. Эту возможность может дать нам научный текст как инструмент или результат специализированной деятельности /Hoffmann 1984; 357/. Только в научном тексте в естественных условиях проявляется "сама интерпретация" базисных понятий, выражающих классовую оценку. Отсутствие же ясного представления о концептуальном значении терминологических единиц в системе изучаемого подъязыка ведет к искажению смысла, вводит в заблуждение относительно истинной позиции автора, мешает установлению коммуникации /Кириллова 1985; 20/.

Чтобы объективно понять текст, в частности, философский, необходимо воспринимать его как диалектическое единство плана содержания и плана выражения. Существенно важным представляется проблема не только, **ч т о** сказать, но и **к а к** сказать. Требования, которые выдвигает современный научный стиль это широкое использование разнообразных стилистических ресурсов языка и постоянное взаимодействие с другими языковыми стилями и изменяющейся языковой реальностью /Будагов 1967; 245/.

Рассматривая лексику изучаемого подъязыка, а точнее семантику его составляющих в рамках НФС, мы исходим из положения о ее системном характере. В учебных и исследовательских целях значимым представляется то, что является элементом индивидуально-авторского стиля ученого, используемого им для придания высказыванию эмоционального заряда и что является типичным для научного стиля вообще и что составляет основу научного знания /Гвишиани 1979; 61/.

Небезызвестно, что гуманитарные и особенно общественные науки, всегда были предметом идеологических споров и дискуссий. Эти явления не могли не найти отражения в языковом узусе. И хотя в последнее время язык все менее становится предметом противостояния систем, языковые

отношения все еще несут общественную и социальную детерминированность.

Определяя влияние социолингвистических факторов на развитие и структуру лексической системы подязыка философии, целесообразно остановиться на основных чертах данной науки с тем, чтобы учесть специфику стиля научного философского текста. Особенным, по нашему мнению, в анализе подязыка является то, что рассмотрение посвящается какому-либо конкретному факту или явлению. Описание и рассуждение преобладают над развитием действия, которое более-менее "синхронично" в представлении философа-исследователя.

Если в других науках, как например в истории, важно конкретное развертывание в развитии и видоизменении, то научно-философскому тексту свойственны большая аргументация и полемика, доступность и снисходительность т.к. зачастую дело приходится иметь с представителями различных философских концепций. При этом простота изложения – это не заниженность требований к получателю информации, а сложность конкретных решаемых задач. Все вышесказанное вытекает из необходимости установления контакта научного общения, в центре которого стоял бы предмет обсуждения или его субъект.

Специфическими являются и некоторые жанры текста, такие как биография философа, рецензия, *in memoriam* и др. В немецких философских журналах можно встретить характерные виды публикаций как "Abhandlung" (научная статья), "Diskussion" (дискуссия), "Bericht" (сообщение).

Содержательная сторона научного произведения – выбор темы, система доказательств, материал исследования – позволяют быстрее понять отношение автора к предмету научного разбора. Учет множества эмоциональных моментов, ярко выраженная классовая позиция автора,

особая структура построения научно-гуманитарного текста в полной мере присущи и философскому тексту. В философской науке ученый не может абстрагироваться ни от общественной среды, ни от свойственных ему воззрений. Знакомство со специальной литературой говорит о постоянном интересе исследователей к изучению лексики.

Подъязык философии как форма существования знаков с ярко выраженной профессиональной направленностью, /Суперанская 1989; 56/ рассматривался лингвистами с точки зрения изучения философской терминологии эпохи раннего Просвещения /Аликаев 1983/, языка классиков марксизма /Бабенко 1965, Рашидова 1972, Широкова 1978 и др./, общественно-политических терминов как автономной системы /Левковская 1960, Скворцов 1974/, системного исследования терминологии общественных наук /Соколова 1976, Горшкова 1979/, семантики политического термина /Николаев 1979, Сидоров 1986/, абстрактных понятий /Харитоновна 1988/, социально-идеологической маркированности /Яковлева 1986, Розина 1977, Strauß, Zifonun 1985/. Основопологающим в нашем исследовании является определение понятия "хронологическая информация лексической единицы", предложенное Н.Н.Семенюк, т.е. информации об определенной временной маркированности языковых элементов, об их особой связи со временем /Семенюк 1972; 165/.

1.3. Природа идеологической маркированности в языке и речи

Настоящее исследование ставит своей целью анализ лексем, которые предполагают известные различия в подходах и интерпретациях, а также неодинаковое отношение к одним и тем же денотатам у разных групп населения.

Известно, что значение слова включает в себя в процессе номинации и личное отношение к обозначаемому предмету с учетом факторов внеязыковой действительности. Контекст при этом может служить весьма активным средством увеличения или снижения аффективного момента (подробно см. раздел 3.1.). Абстрактное значение знака в выделительной функции отличается от контекстуального и ситуативно значимого выделения, определяющегося лицом или статусом реципиента – получателя информации. Рассмотрение этих процессов в структуре изучаемого подъязыка в значительной мере оправдано не только в плане эксплицитной оценки, но и в отношении отбора языковых единиц при планировании и построении научной аргументации.

Небезынтересным представляется, в связи с вышеизложенным, положение о том, что понятие "маркированных–немаркированных" единиц входит в прямую компетенцию семантики, а понятие маркера используется в отношении формально выраженных дифференцирующих признаков на всех уровнях языковой системы. В.Майерталер в своих работах показал, что "естественность" диаметрально противоположна понятию "маркированности", а морфологическая структура естественна тогда, когда она широко распространена, скоро адаптируется в языковую систему и относительно устойчива к изменению языка или порождается им /Mayerthaler 1981; 2/.

Намеченные здесь проблемы подразумевают некоторый дуализм и биполярность компонентов значения, а также доминирующую тенденцию взаимодействия и противопоставленности маркированной лексики по отношению к немаркированной. Это движение управляется большей частью языковым сознанием индивида, его престижными устремлениями, тягой к конформизму или экспрессии конформизма с отражением ценностной ориентации в языковой ситуации /Успенский 1970; 27–28/.

Все это еще раз подтверждает положение о том, что маркированность является стилистически значимым явлением и характеризуется наличием компонента, несущего стилистическую информацию, т.е. возможное противопоставление некоему нейтральному стандарту языковых единиц, а в речи – противопоставление рациональным формам языкового выражения, выявляемого на уровне коммуникативных единиц или их составных частей /Наер 1990; 5/.

Так как отправление речи и ее декодирование происходят произвольно, существуют некоторые типы информации /инфы/, сигнализирующие о близости данной лексической единицы к тому или иному параметру, в данном случае к социальному. Отклоненность от ее нормального состояния (т.н. положение "0") воспринимается как своего рода маркировка лексической единицы, а ее глубина и свойства зависят от степени отклоненности от нуля шкалы. Отрицательная (минусовая) социальная маркировка лексической единицы в стилистическом аспекте также интересна, как и положительная, а ее модуль характеризует силу экспрессивного выделения и место, определяемое автором в процессе высказывания.

Интересующая нас идеологическая информация (условно "социо-инф") /термин Е.В.Розен/ может быть дифференцирована по производственному, профессиональному, социально-классовому признакам. Одна лишь экстралингвистическая классификация при этом не достаточна и должна быть дополнена структурно-семантическим, функциональным и другими видами лингвистического анализа. Социо-инф несет в себе еще и мировоззренческую информацию, соотносимую с несколькими макроколлективами, но обслуживающую различные сферы и различные коллективы. Поэтому универсально-языковое свойство "маркированности-немаркированности" расширяется в сравнении с

обычным толкованием маркированности, что является новым и особенно подходящим при изучении идеологической маркированности в плане синхронного анализа языковых единиц.

Анализ основных значений лексем различных подязыков науки делает очевидным исключение из числа маркированных объединений ЛСГ названий природы, полезных ископаемых, географических пунктов и имен собственных. Наибольшей же нагрузке в плане маркировки будут подвержены общественно значимые сферы, в том числе и язык философии, как одна из разновидностей в "системе систем" /Vachék 1964/, который сам регулирует правильность и допустимость той или иной ЛЕ и ее соотнесенность с ценностной (идеологической) ориентацией языкового коллектива. В подтверждение данного тезиса находим большое количество расхождений в семантике языка философии периода объединения Германии и такое же число различных наименований, не могущих претендовать на полное отражение действительности и требующих поэтому проверки временем /Erpler 1993; 12/:

Wiederaufrüstung (ФРГ)	Verteidigungsbeitrag (ГДР),
Bündnisfreiheit (ФРГ)	Neutralismus (ГДР),
Freisetzung (der Arbeitskräfte) (ФРГ)	Arbeitslosigkeit (ГДР),
Naturbelastung (ФРГ)	Vergiftung (ГДР).

Исследуя социальную оценку слова, необходимо выделить ряд факторов как предпосылок, влияющих на появление идеологически маркированной лексики: а) социальный статус и уровень образованности коммуникантов, б) ролевую структуру общения, в) тип и тематику коммуникации. В силу концентрированной прагматической ситуации, имеющей место в исследуемом подязыке, отдельные компоненты значения могут выполнять роль **маркеров** социальной оценки и сигнализировать при этом об основной ситуации использования

маркированных единиц, которая в широком понимании трактуется как философско-идеологическая оценка, модифицирующаяся также в зависимости от конкретной ситуации общения.

Маркеры социальной оценки могут быть рассмотрены и с точки зрения языковой нормы и ее носителей – ученых-философов. Совершенно очевидно, что этот специфический языковой коллектив использует в научной коммуникации тот арсенал лексических и стилистических средств, насколько это необходимо для отражения в языке проекции явлений окружающего мира и развития соответствующей науки. Таким образом, разнообразие средств языка предполагает еще и социолингвистический подход изучения, отслеживающий, как языковая норма, являясь регулятором коммуникативных отношений специалистов, влияет на правила выбора языковых средств и их речевых реализаций /Семенюк 1972; 42/.

Нетрудно заметить при этом, что существуют известные различия между ИМЛ в различных стилях речи. Так, в газетно-публицистическом стиле используются термины "идеологически связанная, идеологически релевантная лексика" /Крючкова 1982/. В языке пропаганды и массовой информации применяются обозначения "идеологема" /Neubert 1982/, прагмема /Юсселер 1987, Эпштейн 1991/, "политическая лексика" /Harnisch 1974/ и т.д., амплитуда использования которых как класса социально обусловленных языковых вариантов, содержащих прагматический материал и обладающих социальной релевантностью достигает своей наивысшей точки. Иными словами, идеологически маркированная лексика выступает как внутренне присущие черты семантической структуры слова, получающие наиболее полное проявление в процессе функционирования ее в научном тексте /Малиновская 1985; 103/.

В отечественной и зарубежной научной литературе по этому вопросу используется разнообразная терминология, призванная раскрыть всю широту взглядов ученых на функционирование лексики, обозначающей идеологически, а в более широком смысле, социально маркированные понятия. Некоторые проведенные исследования, доказали, что сопоставление языковых единиц литературного языка и формально тождественных им, имеющих помету "сленг", присутствие у них маркеров социальной оценки /Розина 1977; 7/. В случае с философской маркированной лексикой такой оценочный компонент выделить достаточно трудно и, в первую очередь, из-за высокой степени нивелировки понятий и категорий, функционирующих в подъязыке.

Обобщающее понятие "идеологически маркированная лексика" (далее ИМЛ), основанное, с одной стороны, на широком многообразии лексических средств языка, с другой стороны, на ограничении сферы использования этих слов достаточно узкой коммуникативной областью – подъязыком философии. Функциональный подход /Fleischer 1969, Fleischer 1970/ к изучению ИМЛ позволяет проследить всю широту использования этих средств в смысловых и коммуникативных контекстах.

Особенность использования ИМЛ в речи состоит в том, что философские тексты как носители научной информации тесно коррелируют со всем комплексом коммуникативных средств. В письменном тексте они часто маркируются дополнительными графическими средствами: кавычками, курсивом, написанием с заглавной буквы, сохранением иноязычной графики. Все эти средства, хоть и не всегда в полной мере, тоже могут раскрывать суть описываемых понятий и отношений и являются специфическим средством выделения лексики в тексте. Благодаря взаимодействию семантических и графических

элементов экспрессивного выделения и проникновению их в научный стиль обогащается арсенал средств подъязыка философии.

Идеологическая маркированность не лежит в единой плоскости, а может находиться в парадигматике или синтагматике, что определяет многообразие средств ИМЛ и методов их исследования. Основная трудность в изучении и описании ИМЛ состоит в том, что при ее исследовании должна четко прослеживаться тематика текстов, избираемых для анализа (подробно о требованиях к текстам выборки см. в разд. 1.4.). Для того чтобы получить наиболее адекватные результаты, приходится принимать во внимание и тот факт, что изучаемые слова опираются на идеологию как сферу общественного бытия, классово детерминированную и преломленную в различных взглядах и теоретически систематизированную.

Идеологическая маркированность охватывает единицы различных уровней и разного семантического объема. Существование двух идеологий приводит к тому, что одни и те же объекты и явления получают различные наименования в контексте многообразия философских направлений. Значение варьируется и конкретизируется в процессе социального взаимодействия. Отсюда основное свойство ИМЛ – обозначать идеологически релевантные понятия, которые детерминированы идеологическими взглядами и идеологическими интересами /Крючкова 1989; 40/. Значительная часть идеологически маркированной лексики может быть носителем *идеологической полисемии*. При этом лексика, характерная для употребления в рамках одной идеологии автоматически исключает ее из поля нашего рассмотрения. Речь идет только о тех ИМЛ, которые параллельно существуют в нескольких языках и обнаруживают различные ЛСВ в пределах одного языка. Поэтому значения слов типа

«Demokratie», «Freiheit» заслуживают внимания прежде всего в плане изучения отдельных его компонентов.

Таким образом, имеющие место смысловые расхождения могут выражаться не только в разной употребительности, разных возможностях сочетаемости или разном семантическом объеме, но и наличии дополнительных значений. При этом присущая слову окрашенность может возникнуть в результате новейших сочетаний и охватить слово в целом, а не одно дополнительное значение /Келтуялла 1987; 131-132/, что требует неуклонного соблюдения адекватных и одинаковых методов анализа этой группы лексики.

1.4. Характеристика материала и методика исследования

В основе методики изучения лексического материала при исследовании подязыков науки должен лежать, как известно, алгоритм т.е. четкая последовательность шагов, позволяющих реконструировать искомый объект /Денисов 1974; 148/. Первым шагом при исследовании ИМЛ в научном тексте является его стратификация т.е. поэтапное выделение слоев лексики с опорой на специальные словари и статистические методы исследования.

Полная стратификация слоев лексики немецкого подязыка философии остается достаточно сложной задачей по причине практического отсутствия в подязыке нейтральной лексики, компенсируемой большей частью лексикой общенаучного обихода. Решение проблемы стратификации лексики становится возможным на базе составления частотного словаря немецкого подязыка философии, т.к. создание частотного словаря дает представление не только о статистической структуре обследуемого текста, но и о характере распределения частоты употребления в нем /Гулдава 1987; 54/.

Методика его составления предусматривает обработку текста длиной приблизительно 200 000 словоупотреблений и получения на этой основе базового подъязыка той вероятностной модели, которая обеспечивает понимание научного текста приблизительно на 90-92%. Заслуживает пристального внимания функционирование лексических единиц низкочастотной зоны словаря, обозначающих идеологически релевантные понятия.

Взятая нами как объект исследования, ИМЛ рассматривается на ограниченном отрезке с 1989 по 1992 гг., периода, совпадающего по времени с процессами экономического и политического объединения Германии, аккумулируя в себе черты дивергентных и конвергентных процессов, характеризующих язык того времени. Иными словами, особую важность представляет сравнительный анализ значений одних и тех же ИМЛ и их функционирование в бывшей ГДР и ФРГ.

Научное же изучение языковых явлений возможно лишь на основе корреляции всех языковых фактов с обозначаемой действительностью /Смирницкий 1956; 184/. Большое влияние на собственно тематическую организацию текстов оказывают внеязыковые факторы и, прежде всего, образ мышления, культура ведения дискуссии и т.п. В этом смысле наиболее продуктивными текстами будут тексты, объединенные одной темой сообщения, ограниченные единым набором экстралингвистических контекстов.

В качестве материала исследования нами был отобран корпус текстов из философских журналов ГДР и ФРГ, охватывающий период с 1989 по 1992 год. Выборка, состоящая из 67 статей, отражает весь спектр философских направлений и школ, а также специфику немецкой современной философии. Поэтому с точки зрения семантики лексических единиц, они представляют собой особый интерес для исследования. Задача

состоит в том, чтобы рассмотреть "амплитуду" варьирования сем как внутри жанра научных текстов, так и в плане развития и кодификации идеологически противоположных обозначений.

При организации исследования приходится уделять особое внимание проблеме отбора и классификации источников выборки, на базе которых проводится лингвистический анализ. Проверка текстов на релевантность и оригинальность являются основными предпосылками для успешного анализа. Отсутствие одного из требований значительно снижает качество исследования. Требования однородности и хронологической ограниченности текстов следует понимать в контексте диатопического, лингвострановедческого и культурологического аспектов, когда журнальный текст рассматривается как некая генеральная норма. Некоторые ученые оценивают журнальную статью как жанр научной литературы, в котором стандарт стиля нашел свое наиболее яркое выражение /Троянская 1985; 671/. Журнальная статья как разновидность научной литературы отличается от монографии, учебника своей оперативностью, ограниченностью круга рассматриваемых проблем, особенным композиционно-текстовым построением. Известная прагматическая ориентация продиктована узко специальной целью и ограниченным кругом получателей информации.

Важным обстоятельством является также и то, что научный текст не следует понимать как нечто монолитное и стереотипное. Научный текст является симбиозом повторяющихся и частных элементов, с той или другой стороны характеризующих речь говорящего или пишущего. Вырванный из конкретных условий текст будет изолированным и не соответствующим специальным целям, главным образом, невозможным для его использования в процессе передачи знаний /Гальперин 1981; 64/.

В качестве основного источника информации об исследуемом подъязыке послужили журнальные тексты (1989-1992 гг.) из философских изданий ГДР: «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», «Einheit», ФРГ: «Dialektik», «Archiv für Geschichte der Philosophie», «Marxistische Blätter», «Allgemeine Zeitschrift für Philosophie», «Die Philosophin», «Philosophische Rundschau», «Philosophisches Jahrbuch», «Studia Leibniana», «Zeitschrift für Geschichte der Philosophie der Wissenschaften», «Zeitschrift für philosophische Forschung», «Zeitschrift für Dialektik der Philosophie», «Conceptus», «Kant-Studien».

Объем выборки составил 192355 словоупотреблений, что обеспечило получение практически полной модели лексики подъязыка философии. Распределение участков семантического пространства осуществлено на основе свидетельств специалистов*. Ниже приводим таблицу наименований подтем и их удельный вес в общем объеме выборки.

№ п/п	код подтем	наименования	количество статей	% СУ
1.	А	история философии	11	16,3
2.	Б	онтология и гносеология	9	14,0
3.	В	методология	7	10,7
4.	Г	философские . проблемы естествознания	3	3,2
5.	Д	социальная философия	15	25,4
6.	Е	этика и эстетика	7	13,6

* Разделы философии и наименования подтем выделены совместно с канд. филос. наук, доц. З.Н. Лобачевой.

7.	И	история и теория культуры	6	6,4
8.	К	теория и история религии	5	5,5
9.	Л	социология	4	4,9
	ВСЕГО:		67	100,0

Представляется, что выборка текстов отражает реальное соотношение разделов науки и их языковых проекций. Последовательная обработка текстов различной длины (в среднем 2,5-3 тыс. словоупотреблений) и тематики дала картину распределения частот в их абсолютном выражении.

В результате были получены:

1. Алфавитный ранговый список всех словоформ текста,
2. Частотный список лексем в порядке убывания их абсолютных частот.

Работа над словарем осуществлялась вручную. Такая обработка позволила получить и некоторые другие формы построения словарных классификаций, в частности тематических групп и семантических полей. Кроме этого были выстроены списки слов по отдельным частям речи, что особенно важно для выяснения специфических проявлений конкретных классов слов в области подъязыка философии.

Для удобства исследования каждая лексема наносилась на отдельную карточку, что позволило быстро определять место того или иного слова в системе изучаемого подъязыка и соотнести его с другими единицами того же класса.

При таком исследовании постоянно приходится решать одну техническую и, одновременно, лингвистическую задачу – снятия омографии слов. Снятие омографии – это наиболее распространенная операция при обработке больших массивов текста, связанная с

устранением неопределенности в выборе одного из двух возможных решений при распознавании образа слова /Береснев 1991; 38/.

В целом проблема омографии в немецком языке не стоит так остро, как в других языках. Так, написание существительных с заглавной буквы значительно упрощает процедуру их различения от омографичных глаголов или прилагательных. Сравн.: vollkommen (V) – vollkommen (A) или Widerlegen, n (S) – widerlegen (V).

Ручная обработка текстов дает и другие преимущества, касающиеся, в первую очередь, возможности классификации омонимичных единиц сразу в тот или иной разряд слов, минуя этап предварительной маркировки, как это требуется, например, при машинном анализе. Проблема отнесения таких омографичных единиц решается преимущественно на основании синтаксической функции, выполняемой тем или иным словом в тексте.

Несмотря на более детальный анализ, который проведен в отношении ИМЛ, нами не делалось различия между употреблением вспомогательных глаголов (sein, haben, werden) в функции образования аналитических временных форм и как личных глаголов. Сравн.:

1. *Das Buch hat folgende Aufgaben.*
2. *Der Artikel habe zu unterstreichen, daß...*
3. *Die Wissenschaftler haben enorme Resultate erzielt.*

Проблема омографии преимущественно касается слов заполнения текста. Так, безусловно омографичными в тексте будут определенный артикль и указательные и относительные местоимения: die (арт.) – die (указ. мест.) – die (относит. мест.). Омография наблюдается и внутри парадигмы определенного артикля мужского и женского родов: der (m.,Nom.) – der (f.,Gen.) – der (f.,Dat.) – der (pl.,Gen.). Омография имеет

место и в сфере союзов и предлогов, которые в зависимости от формальных показателей реализуются в различных частях речи:

da (союз)	–	da (наречие)
damit (союз)	–	damit (мест.наречие)
während (союз)	–	während (предлог)
seit (союз)	–	seit (предлог)
weshalb (союз)	–	weshalb (местоим.)
was (отн.мест.)	–	was (местоим.)

Различение омографов в речи способствует более качественной частеречной классификации, что немаловажно с точки зрения решения одной из главных задач – создания базового частотного словаря немецкого подязыка философии в его модификационных вариантах. Таким образом, различение формы слов и снятие омографии обусловлено, прежде всего, прагматическим подходом к научному тексту. Иноязычному реципиенту для понимания текста необходимо знание не только лексического, но и грамматического значения в каждой словоформе текста.

Единицей частотного словаря является лексема как совокупность различных словоупотреблений отдельного слова. Некоторые, наиболее значимые единицы (в особенности артикли) разлагались на падежные и личные парадигмы. Это делалось с целью определения наиболее частотных вариантов употребления и формирования практических рекомендаций при изучении языка специалистами данной области. В завершение работы над словарем проводилась операция сведения парадигм с указанием в частном списке напротив каждой лексемы ее общей абсолютной частоты. Так, артикль мужского рода *der* может быть разложен на следующие парадигматические составляющие: *der* (N.) – 1233, *des* (G.) – 1535, *dem* (D.) – 2047, *den* (A) – 1146, в итоге дающие нам абсолютную частоту

употребления в общем объеме выборки (F=5964) и соответствующий порядковый номер – 3.

Из всех словоформ списка был получен частотный словарь моделируемого подъязыка философии, состоящий из 7529 слов. На основании этого был выделен базовый подъязык, насчитывающий 1950 слов. (частота до 10 включительно), обеспечивающий покрытие текста на 92%. Вычисление статистических параметров (относительной, относительной накопленной и абсолютной накопленной частот) не проводилось.

Полученная вероятностная модель лексики немецкого подъязыка философии позволяет решить ряд инженерно-лингвистических задач по обработке текстов данной тематики в условиях двуязычной ситуации и перевода текстов на родной язык. В качестве последующего шага может быть предпринята попытка дать перевод на родной язык тем лексико-семантическим вариантом, который наиболее соответствует данной науке или одному из ее разделов.

Толкование идеологических понятий несет на себе печать современного состояния изучаемого подъязыка. В нашем случае понятиям, подвергшимся или подвергающимся идеологическому влиянию, необходимо дать такие толкования, которые наиболее полно отвечают современным условиям политической и языковой конвергенции в объединенной Германии.

При исследовании текстов различных подъязиков хорошей возможностью выделения терминологической лексики будет опора на специальный словарь. В нашем случае использование словарей /Философский энциклопедический словарь 1983, Philosophisches Wörterbuch 1975, Philosophisches Wörterbuch 1976, Handbuch der

philosophischen Grundbegriffe 1973 и др./ еще раз говорят о необходимости определения терминологии и ее места в системе языка и в системе речи.

ИМЛ представляет собой a priori сложное структурно-семантическое образование и требует, в свою очередь, дальнейшей классификации. Исходя из этого, структуризация исследуемого класса лексики предусматривает использование и других видов *лингвистического* анализа, в контексте которых рассматривалась бы суть явления идеологической маркированности и ее проявления в подъязыке.

Структурно-семантический анализ дает возможность разложить изучаемые денотаты и их классы в их взаимодействии. Определение критерия выделения в тот или иной семантический класс представляет на практике известную трудность, т.к. не все слова можно отнести лишь в одну семантическую категорию. Особенно это касается рассматриваемой нами категории абстрактности (Kritik, Entwicklung, Charakter, Frage, Position, Grenze). С другой стороны, структурная семантика /Blanke 1973/ редко выходит за один-два параметра при изучении значения слова и ограничивается чаще всего перифразом типа: Mensch – menschliches Lebewesen; Philosophiegeschichte – Geschichte der Philosophie.

Кажущиеся близким в этом случае энциклопедическое значение (словарная дефиниция) дает в большинстве случаев особое научное толкование. Разница между последним языковым значением наглядно проявляется в немногочисленном списке стилистически сниженных выражений и элементов научной речи имеющих место в подъязыке философии. При этом чисто философские понятия имеют значительные расхождения с тем, что понимают при этом обычные носители языка и специалисты-эксперты: Leben – Leben (philos.), Reflexion – Reflexion (phys.) – Reflexion (phil.). В этом случае структурно-семантические критерии могут быть применены лишь в ограниченном ряде случаев.

В процессе исследования часто возникают ситуации, когда целесообразно применить более гибкий подход, выделяя не только существенные признаки, но и факультативные "случайные" семы: Freiheit – 1) Recht, etw. zu tun, 2) süßes Wort. Таким образом конструируется прототип, элементы которого взаимозаменяемы и подвижны в зависимости от внешних факторов. При этом такие случайные элементы иногда достаточно прочно закрепляются в узусе и соответствуют имеющим место клише и существующим представлениям о языковой норме.

Не вдаваясь в ассоциативно-психологические подробности следует отметить, что при структурно-семантическом анализе языковых знаков объект характеристики и его феноменологические особенности не всегда наглядно ассоциируется со значением того или иного слова. Так, в значении слова «Macht» потенциально содержится сема "erkämpfen", в слове Plan – "erfüllen", Politik – "durchsetzen" и т.д. Такая семантика, получившая название семантики "ключевых слов" (Steckbriefsemantik) /Dausen 1989; 47/ совершенно обязательна при толковании и анализе слов с абстрактным значением: (Liebe, Größe, Armut, Freude, Qualität, Zusammenhang), которым не всегда могут быть найдены объективные признаки при конструировании прототипа.

ИМЛ удачно вписывается в понятие семантического переноса. Исследуемый материал показывает, что в структуре многозначного слова идеологически маркированные ЛСВ обязательно будут являться производными. Многозначное слово в маркированном употреблении будет идентифицировать и эксплицитировать маркер социальной оценки, если мы проведем словарное и текстовое сравнение данной лексической единицы Сравн.: (словарн.) *Unbedingtheit* = (Absolutheit, Uneingeschränktheit) (Du; 1596) и контекстуальное: *Daher ist an diesem Glauben auch nicht unmittelbar*

abzulesen, was "Unbedingtheit" im sittlichen Urteil bedeutet und zu welchem Handel sie verpflichtet (49; 56).

Современными лингвистами признаются некоторые недостатки структурно-семантического анализа /Кубрякова 1981, Fleischer 1975/. Они касаются в первую очередь громоздкого и схематичного описания, верного только в самых общих чертах, не дающего четкой картины языкового знака, а значит и его потенциального словоупотребления. Слово получает ясные смысловые очертания только в тексте, что как раз и указывает на необходимость дополнить структурно-семантический другими видами языкового анализа.

Важным представляется замечание о том, что использование в структурной семантике принципа "оппозиций" имплицитно подразумевает анализ только моносемных, а не полисемных знаков. Этим сразу исключается большая группа слов из числа анализируемых нами лексем. Даже само гипотетическое рассмотрение ИМЛ убеждает нас, что большинство их будет полисеманлично, вследствие различий в содержании одних и тех же денотатов. При этом совершенно обязательным представляется дополнить исследование парадигм анализом синтагматических отношений между знаками в тексте.

Изучение политического взаимодействия в области философских текстов воспринимается в данном контексте чисто специфически. Там, где идет речь о языке политики, невозможно отделить семантику от прагматики. Содержание языкового знака видно лишь при его применении. Все больше при исследовании языка политики наряду с языковыми принимаются во внимание и коммуникативно исторические аспекты с дополнением анализируемой ситуации еще развивающейся перспективой. Поэтому наше внимание должно быть направлено на выявление подобных лексических феноменов и политического словаря.

Функциональный анализ в этом смысле как бы дополняет структурно-семантический анализ. Известно, что экстра-лингвистические факторы развития языка предполагают неразрывную связь с изменением и самим существованием словарного состава, т.е. с внутрилингвистическими факторами. Некоторые изменения могут быть рассмотрены в своем развитии, однако в нашем случае, эти приемы не следует применять к периодам слишком отдаленного прошлого. Чем дальше мы углубляемся в историю изучаемого явления, тем затруднительней становится его функциональная реконструкция и тем более гипотетичными оказываются получаемые выводы /Гухман 1985; 7/.

При функциональной стратификации языка ведущая роль принадлежит анализу функциональных парадигм современных языков. Ориентация на современный материал позволяет охватить все основные генетико-деривационные связи, определяющие не только взаимоотношения между элементами системы, но и способ их употребления в процессах речевой деятельности /Кацнельсон 1975; 427/.

Функциональное изучение языка / Митрофанова 1975, Брандес 1983; Fleischer 1970, Gläser 1974/ ориентируется на исследование подъязыков науки и в этом видится еще одна возможность сделать особый акцент при определении места ИМЛ в рамках подъязыка как структурного и функционального образования.

Немаловажным является при этом учет особенностей ИМЛ как средства коммуникации в условиях синхронии, изучение которой в гуманитарных подъязыках позволяет рассмотреть отдельные механизмы использования языковых явлений в общественной жизни и их связи с языком обиходным, равно как и языком массовой коммуникации и пропаганды, в которой каждый элемент выполняет определенную функцию, вытекающую из значимости знака в структуре общей языковой

системы. Обращает на себя внимание особый характер коммуникации в форме журнальной статьи как особой разновидности научного философского текста.

Контекстуальный анализ позволяет устранить недостаток больших терминологических словарей в плане реального употребления той или иной единицы в речи /Нога 1985; 35/. Составление частотного словаря в этой связи не может само по себе явиться универсальной задачей и обязательно должно быть дополнено целым рядом аналитических операций по проверке словарных значений и сравнению их с актуальными текстовыми реализациями с одной большой целью – создания максимально полной картины функционирования лексики в подъязыке философии.

Термин "контекст" в последние годы стал значительно шире и объемнее. Такая широта не всегда способствует детальному рассмотрению той или иной проблемы, а именно, вопроса о самостоятельности слова и механизмов функционирования знаков и символов в тексте. Однако, несмотря на это, природа значения вовсе не остается оторванной от значения и не может быть понята без контекста. Достаточно обратить внимание на некоторые общенаучные слова, чтобы увидеть разницу значений: словарное *Wert* – 1) Kaufpreis, in Zahlen ausgedruckter Betrag, zu dem etw. gekauft wird oder werden konnte, 2) (*marx.*) die in einer Ware vergegenständlichte als Tauschwert erscheinende gesellschaftliche Arbeit, deren Maß die gesellschaftlich notwendige Arbeitszeit ist... 4) in Zahlen oder Zeichen ausgedrucktes Ergebnis einer Messung, Untersuchung o. ä. (Du6; 2869-2870) и контекстуальное: 1) Es handelt sich bei dieser Auffassung nur um Wahrheitsbedingungen, nicht um in konkreten Fällen zuzuweisende Wahrheitswerte, abgesehen von den spezifischen Wahrheitswerten der eigenen logischen Aussagen und Theoreme, die a priori und analytisch und also nicht von einer postulierten Welt abhängig sind (61; 172), 2) Moralische und andere

Regeln – und auch Werte – sind für uns Realitäten, womit wir zu rechnen haben, und es ist uns vorläufig egal, ob sie das Ergebnis einer genetisch gepragten Neigung sind (61; 170).

Анализ значений ИМЛ невозможен без обращения к фоновым знаниям носителей языка. Дело в том, что значение варьируется и конкретизируется в процессе социального взаимодействия. Процессы и механизмы их восприятия имеют особо важное значение т.к. научная информация передается главным образом через тексты /Крючкова 1989; 42/, а сами идеологически релевантные значения лексем производны от того места, которое они занимают в тексте. Можно считать поэтому, что для наиболее точного описания лексем требуется привлечение самых широких контекстов, как бы в подтверждение мысли о том, что для изучения семантики сложных слов, какими очень часто являются ИМЛ, необходимо использовать контекст не одного предложения, а более значительные отрывки.

Компонентный анализ слов при изучении идеологически маркированной лексики также может играть свою конструктивную роль с основным упором на изучении соотношения компонентов значения в структуре слова. Денотативный компонент значения как понимается как предметный, коннотативные же составляющие определяются как вторичные и придающие значению особый положительный или отрицательный оттенок: Ideennirvana, Wortopium, Zitierwut.

Применительно к лексико-семантической системе подязыка впредь до детального описания идеологически маркированной лексики требуется уточнение самих значений слов, в результате чего удастся выяснить весьма интересные, часто идеологически релевантные отклонения. Здесь мы сталкиваемся с трудностями двоякого рода: во-первых, словарные статьи даже для одноязычных толковых словарей не дают полной актуальной

информации о заключенных в слове семах, а лишь схематично очерчивают компоненты в направлении того или иного семантического ряда и, во-вторых, значительная часть анализируемых лексем это абстрактная лексика, в значении которой особенно важны не так называемые интегральные признаки, т.е. признаки, которые не противопоставлены непосредственно соответствующим признакам других слов, образуя, таким образом, "единичное и индивидуальное" в означаемом данного слова.

В настоящее время при компонентном анализе часто бывает невозможно, по крайней мере, не обладая экстралингвистическим или специальным знанием разделить значение идеологически маркированного слова на семы: *Sicherausarbeit*, *Bedürftigkeitsprüfung*, *Reinseiendes*, *Gewordensein*, *Seinsollendes* и т.д. Встает необходимый для дифференциации ИМЛ вопрос, есть ли в ее структуре какие-либо особенности, отличающие ее от неидеологизированной лексики, причем идеологизированность в контексте компонентного анализа – это внелингвистическое знание, позволяющее выделить одну из указанных сем, несущую указание на идеологизированность слова.

Таким образом применение этого вида анализа в принципе не ограничено, а его неограниченность отвечает объективному неисчерпаемому характеру единичного и индивидуального, обуславливаемого только практическими соображениями описания /Степанов 1977; 9/.

Метод словарных дефиниций, понимаемый нами преимущественно как сопоставление определений из словарей, с тем значением, которое вырисовывается при анализе семантики словосочетаний, убеждает нас в том, что в данном случае используется философский термин. Критерий дефинитивности, о котором мы говорили выше, в данном случае, надежным способом определяет стилистический статус слова, относя его

то ли к нейтральной лексике, то ли к общенаучным, то ли к терминологическим словам.

В словарях фиксируются только те значения идеологизированных слов, которые отражают взгляды и представления идеологии, господствующей в стране функционирования языка. Естественно, что такие значения оказываются наиболее частотными и актуальными. Для описания слов, имеющих расплывчатый и неопределенный характер обозначаемых понятий недостаточно ни массива текстов, ни совокупности языкового опыта исследователя. Вырванные из совокупности дефиниций и правил употребления языка науки слова, теряют связь с соответствующей системой понятий и получают практически неограниченные возможности употребления. В случае с дефиниционными определениями ИМЛ как "терминов духовной культуры" лучше воспользоваться прямыми диффузными определениями, главным образом, сигнификативными и при этом глубокими /Степанов 1977; 340/.

При анализе идеологических текстов совершенно оправданным представляется использовать элементы *социолингвистического анализа*, т.е. анализа социологизированных и несоциологизированных отношений /Дешериев 1977; 325/, позволяющего в нашем случае определить, насколько наука философия зависит от интернационального контекста и является каналом межъязыковых влияний /Акуленко 1980; 136/. Развитие социолингвистического анализа началось в 30-50-е годы на Западе /Weinrich 1953, Hertzler 1965, Bright 1966, Badura 1971, Cicourel 1975/. Р. Гроссе и А. Нойберт стимулировали его развитие в ГДР /Große, Neubert 1982/. Марксистско-ленинская социолингвистика исследовала общество как совокупность или отдельные части в аспекте комплексных связей базиса и надстройки, экономики и культуры и т.д. Буржуазные концепции этой науки обращались к изучению языковых явлений с точки зрения

взаимосвязи с экономикой и противопоставленному описанию событий в СССР и ГДР. Все это с особой силой подчеркивало мировоззренческие, теоретические и социально-экономические корни существовавшего в то время противостояния двух систем и обслуживающих их наук.

В широком смысле социолингвистический анализ понимается как исследование действующих в коллективе социальных установок и распределения единиц в соответствии с их системно-структурными характеристиками по сферам функционального языка /Швейцер 1976; 41/. При изучении ИМЛ рациональным будет осуществить переход от фиксации и констатации отдельных фактов речи к характеристике всего комплекса речевого научного поведения, от описаний различий в речи, в соответствии с социальным статусом говорящих, до их классификации как факторов социальной обусловленности языка.

Важным представляется учет различий устной и письменной речи, равно как и *частотного анализа*, результаты которого помогают лучше понять парадигматические изменения в коротком временном срезе, связанном с периодом интеграции Германии.

В языке философии как самостоятельном и ситуативно обусловленном способе идеологического содержания нашли свое отражение новые тенденции снижения социальных антагонизмов, нивелировки позиций сотрудничества, что привлекает к себе внимание лингвистов не только с точки зрения специального вокабуляра, но и как среда существования т.н. "слов дивергентной семантики", понимание которых сопряжено с пониманием всего социального контекста /Strauß,G./ Naas,U./ Harras,G 1989, Ammon 1991/.

Учитывая вышеизложенное, основным принципом при изучении ИМЛ можно считать принцип многоуровневого соотношения лингвистических и социальных переменных, используемый для широкого

анализа лингвистической вариативности в синхронии и диахронии с учетом проявления ее в различных видах устной и письменной речи в разных условиях взаимодействия /Трескова 1989; 15-16/. Применение данной системы анализа ИМЛ и в особенности сложных сторон ее семантики требует дать самые различные способы конструирования сущности, ибо каждая категория таит в себе свои собственные специфические связи и конструкции, которые интересно представить себе во всей их специфичности /Лосев 1990; 221/.

ВЫВОДЫ

1. Изучаемая сфера специальной лексики подъязыка философии оперирует определенными понятиями, в которых аккумулируются накапливаемые соответствующей наукой знания. При помощи этих понятий происходит более углубленное осмысление реальной действительности путем выделения и изучения существенных для исследуемой отрасли признаков.

2. Лексический состав подъязыка философии как особая функциональная подсистема современного немецкого языка обращена на целеустремленное отражение и выражение социально значимой реальной действительности, в частности, предметной области "философия" – науки о всеобщих закономерностях, которым подчинены как бытие (природа и общество), так и мышление человека, процесс познания /ФС 1987; 510/, что позволяет говорить о ее социально-значимом характере.

3. Современные представления о возможностях применения различных методов анализа лексических единиц подразумевает вычленение из комплекса средств понятий уровней и функций языка. Слово как минимальная языковая единица способна образовывать вокруг

себя парадигмы, оставаясь неделимой единицей. Функционально-стилистический подход, т.е. употребление лексем в различных коммуникативных сферах во многом определяет характер всего исследования. Научный функциональный стиль является одной из модификаций таких сфер. Стиль при этом выступает как общественно осознанная и функционально обусловленная совокупность приемов употребления в той или иной области.

4. Для исследования различных аспектов научной речи как инструмента или результата специализированной деятельности необходимы учет морфологических, лексических и других реализаций. Различная тематика научных текстов и функционирование их в сфере подъязыков предполагает деление их на естественно-научные и гуманитарные, что обуславливает избирательный подход к методам их изучения.

Философские научные тексты, исследуемые нами в жанре журнальной статьи, представляют собой функциональное целое повторяющихся и частных элементов лексической и синтаксической систем языка. Специфической особенностью научного философского текста будут низкочастотные лексемы, несущие в своем значении маркеры, обозначающие идеологически релевантные понятия.

5. Свойства слова на парадигматическом уровне неразрывно связаны с семантической т.е. со смысловой структурой. Именно смысловые свойства позволяют выделить категории, на основании которых можно выделять классы и группировки слов в языке. Особенно важными представляются классификации, основанные на собственно лексическом значении. Лексико-семантический уровень – это уровень лексико-семантических вариантов слова, репрезентирующих его лексическое значение в системе языка.

Несмотря на сложный характер связей между словами и лежащих в их основе понятий, удастся выработать критерии выделения лексико-семантических групп, семантических полей, синонимических и антонимических групп, понятийных полей и, наконец, тематических групп. На основе этих подходов можно проследить соответствие этих образований в лексике подъязыка, что важно с точки зрения их реального функционирования в конкретных условиях текста (подробно об этом см. разд. 2.4 – 2.7).

ГЛАВА 2. ИДЕОЛОГИЧЕСКИ МАРКИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА В СЛОВАРНОМ СОСТАВЕ НЕМЕЦКОГО ПОДЪЯЗЫКА ФИЛОСОФИИ (АНАЛИЗ ЧАСТОТНОГО СЛОВАРЯ).

2.1. Части речи и классы слов в подъязыке философии

Части речи наглядно отображают взаимодействие лексики и грамматики. Классы слов это, как известно, более многоаспектные и гибкие структурные образования. Они характеризуются специфическими качествами и сами характеризуются частеречной принадлежностью, декларируя тем самым их свойства. Специальное различение частей речи и классов слов особо оправдано в контексте настоящего исследования, т.к. теоретически и практически важным является учет всего арсенала лексических средств, участвующих в построении научного высказывания. Именно с этой целью и целесообразна экспликация на базе существующих грамматических категорий классов слов, более или менее значительных с точки зрения лексической стратификации.

В разряде существительных, как явствует из анализа, например, присутствуют одушевленные или неодушевленные, собственные или нарицательные имена, что с точки зрения практических задач исследования может привести и к формированию соответствующего класса слов.

Классы слов интересуют нас лишь в той мере, насколько им свойственна определяющая функция. Факты языка, обладая единой функцией, объединяются в один и тот же класс, при разных функциях относятся к разным классам. При этом под функцией понимают ту роль, которую единицы более низкого уровня выполняют в системе единиц более высокого уровня. Такое определение функции основано на двух принципиально разных типах отношений: между единицами одного уровня

и между единицами одного уровня и единицами разных уровней и определяются как дистрибутивные отношения вторичной интеграции /Бенвенист 1965; 441/.

Очевидным является тот факт, что состав частей речи и их иерархия нередко обуславливаются принятыми исследователями критериями, их суммой или различиями. В пределах классификации по одному критерию (гомогенная классификация) и классификация по нескольким критериям (гетерогенная классификация) существуют известные различия. Так, последователи гомогенной классификации определяют единственным критерием распределение слов по лексическому, морфологическому или синтаксическому признакам. Использование только лексической классификации /Балли 1955/ или только морфологического критерия /Мухин 1968/ представляли собой несколько односторонний взгляд на проблему. Гетерогенная классификация в различных ее модификациях отстаивается все же большинством ученых /Щерба 1974, Виноградов 1947, Жирмунский 1968, Адмони 1988, Кодухов 1979 и др./

Совокупность трех вышеозначенных критериев касается ядра частей речи, периферия же характеризуется обычно всего лишь одним критерием, максимум двумя. К этому следует добавить, что поскольку части речи являются лексико-грамматическими классами, то грамматическая специализация слов играет здесь решающую роль.

При гетерогенной классификации частей речи как наиболее перспективной и касающейся охвата объективных языковых показателей необходимо обратить внимание на иерархию с а м и х критериев, их упорядоченность одному, самому главному /Вихованець 1988; 43/. Таким в условиях нашего исследования может выступать с е м а н т и ч е с к и й критерий, который указывает на глубинные семантические обстоятельства и причины, на которых формализуются морфологические и

синтаксические характеристики слов. Другой уровень занимают формально выраженные обобщенные значения, различные модификации которых наслаиваются на грамматические значения частей речи. Нижний третий уровень составляют конкретные модификации категорий первого и второго рангов, образующих парадигму падежей или временных форм глагола. Полное присутствие признаков обнаружить весьма трудно, как впрочем и провести грань между морфологическими категориями и лексико-грамматическими разрядами /Шахматов 1941; 494/.

Описательные характеристики членения слов по частям речи являются одной из наиболее дискуссионных проблем современного языкознания. Преимущества гетерогенной классификации в ее трехаспектном варианте, при котором учитываются значение слова, его функция в составе предложения и морфологические особенности требуют все же определения, какой из этих трех аспектов в конкретном исследовании является наиболее важным /Общее языкознание 1973; 20/.

Попытки дать всесторонний анализ частей речи связаны с выполнением в целом, по меньшей мере, пяти условий: 1.) различием тех синтаксических функций, которые выполняют разные категории слов в связном высказывании, 2.) различиями морфологической структуры слов и формы слова, 3.) различиями речевых /лексических/ значений слов, 4.) различиями в способе отображения действительности, 5.) различиями в природе тех соотношений и соподчиненных грамматических категорий, связанных с той или иной частью речи /Виноградов 1947; 38-39/.

Использование какого-либо одного критерия, безусловно, не обеспечивает последующей классификации частей речи, поскольку сами части речи, являются точкой пересечения и взаимодействия

морфологического, синтаксического и лексического ярусов языка /Кодохов 1974; 151/. Только комплексный критерий, а именно, комбинация трех указанных составляющих, дает возможность осуществить всестороннюю грамматическую классификацию слов. Иными словами, для выделения частей речи в тексте мы используем комплекс критериев семантический, морфологический и синтаксический – обеспечивающий объективность классификации и ее верификацию.

2.1.1. Служебные части речи

Принимая во внимание особое значение, которое несет в себе соотношение слов заполнения текста и доминантных слов и, используя описанные выше критерии выделения частей речи (семантический, морфологический и синтаксический), мы в результате составления ЧС получили следующие результаты.

Таблица 1

Распределение слов текста по частям речи

№ п/п	наименование	количество разных слов	количество СУ	покрытие текста %
1.	артикли	16	31969	16,61
2.	предлоги	47	19905	10,34
3.	местоимения	51	17153	8,91
4.	союзы	42	13178	6,85
5.	частицы	5	1601	0,83
6.	мест.наречия	15	1164	0,60
7.	существит.	930	35004	18,19
8.	глаголы*	364	24207	12,58
9.	прилагат.	355	16373	8,51
10.	наречия	123	7225	3,75
11.	числительн.	**	3396	1,76
	сокращения	41	1556	0,80
	символы	-**	3515	1,82
	ВСЕГО:		181870	100,00

* - Part I и Part II в данной работе как отдельные категории не рассматриваются и включаются в разделы глаголов и прилагательных в зависимости от синтаксической функции, выполняемой ими в предложении.

** - количество разных слов не приводится из-за нерегулярного характера функционирования этих единиц

В большинстве работ по вопросу выделения единиц и распределения их по частям речи выделяют полнозначные и неполнозначные словесные знаки. В соответствии со своим коммуникативным намерением и учетом особенностей адресата, субъект речи осуществляет референцию с помощью различных языковых средств, среди которых особое место занимают дейктические слова /Падучева 1985; 10-11/.

Соответствие определенных уровней языка трем функциям: номинации как отношению знака к объекту - семантике, предикации как отношению знака к знаку - синтактике, а перфорации как самовыражению говорящего в знаках - прагматике, определяют и специфические средства выражения, т.е. формальный аппарат каждой функции /Степанов 1977; 341-342/.

В современной лингвистике существуют несколько подходов при выделении дейктической лексики. Текстцентрическое рассмотрение /Уфимцева 1974/ принимает за основу анализ семантики, исходя из условий текста. Полевой подход подразделяет систему средств выражения по той роли, которую играют части предложения в системе взаимоотношений между коммуникативным лицом и объектом в речевом акте. Так, первую группу составят средства выражения субъективного (деятельного) указания с соответствующей характеристикой событий относительно речевого акта. Система средств включает также аспект

месторасположения предмета относительно речи. Средства объектного указания соотносятся с предшествующим положением событий и включают в себя коррелирующие с категориями времени и места наречиями, предлогами и другими частями речи.

До настоящего времени отсутствует всеобъемлющее определение этого рода средств. Под дейксисом в современной лингвистике понимается указание на такие элементы речи как говорящий, собеседник, время и место, а также все то, что может быть обозначено как непосредственно относящееся к речи /Рахимов 1989; 9/. Сходную трактовку дает О.С.Ахманова, определяя его как выражение соотнесенности высказываемого с самими участниками речевого акта, их отношение к объектам действительности, выступающим в качестве предметов /Ахманова 1966; 126/. Таким образом, дейксис выступает как своеобразная точка отсчета, относительно которой характеризуются события, явления и предметы объективной действительности.

Существует мнение, что основным свойством дейктических слов является то, что они характеризуют тот или иной предмет по тем признакам, которыми этот предмет обладает только относительно другого предмета, присутствующего в речевой ситуации /Стернин 1979; 5/. Лингвистическая природа дейксиса определяется в современной науке о языке: а) тесной связью с речевой ситуацией, б) говорящим в центре системы номинации. Если исходить из гипотезы, что речевой акт является минимальной и основной единицей языковой коммуникации /Searle 1969/, то понятие речевой ситуации можно определить как условия, в которых протекает речевой акт, т.е. экстралингвистические характеристики речевого акта универсальны и обязательны для формирования любого высказывания /Стернин 1973; 9, Ломтев 1972; 35/.

Приведенные выше определения показывают, что единого мнения о лингвистической природе дейксиса нет. Объяснением этому может быть тот факт, что изучение его проводится в различных направлениях в зависимости от задач исследования. Проблемы, возникающие при изучении конкретных фактов языка, во многом определяются характером подхода и теми теоретическими установками, с позиции которых автор преподносит языковой материал.

В качестве речевой ситуации в нашем случае выступают научные философские тексты. В связи с рассмотрением дейксиса, важным представляется учет таких компонентов как позиция говорящего и адресата, а также времени и содержательной стороны высказывания /Wunderlich 1968; 37/. Исследование системы подъязыка через призму этих факторов позволяет выделить не только общие закономерности, но и особенности функционирования отдельных единиц.

Классификация слов по трем главным основаниям с опорой на разные подходы: лексикоцентрический, текстоцентрический и полевой представляется нам оптимальной возможностью выделения основных классов слов вообще, и в отношении слов заполнения текста, в частности, что и подтверждает табл.2.

Таблица 2

Слова заполнения текста

NN	Классы слов	Количество слов	Покрываемость (%)
1.	артикли	16	15,48
2.	предлоги	46	10,89
3.	союзы	57	6,35
4.	местоимения	64	7,31
5.	наречия	112	5,49
6.	частицы	6	1,87

	ВСЕГО:	292	47,39
--	--------	-----	-------

Как следует из таблицы, самое большое покрытие исследуемых текстов дают артикли. Число артиклей в немецком языке не велико, однако, не обладая собственно лексическим значением, они являются важным морфологическим элементом и указателем рода, числа и падежа.

После разбиения множества дейктических единиц базового подязыка на подмножества, т.е. 4 группы дейксиса, мы получили следующий результат. Инвентарь личного дейксиса включает в себя личные, притяжательные, отрицательные местоимения. Цифрами обозначены частота употребления каждого слова. Личные местоимения: ich 74, du - 24, er - 1379, sie - 621, es - 458, wir - 703, ihr - 7, sie - 636. Притяжательные: mein - 52, dein - 8, sein(e) - 954, ihr(e) - 1046, unser - 360, euer - 3. Отрицательное: kein - 417.

Безличное местоимение es и неопределено-личное man составляют соответственно 774 и 332 словоупотребления или 0,40 и 0,17%. Общее количество слов в данной группе составляет 18, что покрывает текст на 5,12% при общем объеме употребления 9859.

Если сравнить аналогичные данные для личного дейксиса немецкого подязыка педагогики, приводимые В.И. Тепомес /Тепомес 1990/, то даже при поверхностном анализе можно сделать вывод о значительно большем присутствии личного дейксиса в структуре подязыка философии. Действительно, входящие в его состав части речи являются как бы связующим звеном в интерпретации научных дискуссий, подчеркивают особую авторскую направленность на субъект исследования.

В состав пространственного дейксиса вошли: а) предлоги, выражающие пространственное отношение, б) местоименные наречия, в) указательные местоимения. Количество слов во второй группе дейксиса

равно 38, а общее количество словоупотреблений составляет 12842. Оно покрывает обследуемый текст на 6,67%.

Внутри дейксиса предлоги составляют 32 слова и употребляются 19905 раз, причем наиболее частотными будут in /F=54531/ и von /F=2574 /. Нами было отмечено 14 местоименных наречий с общей частотой употребления 1130. Они характеризуются более равномерным распределением их в тексте и малым удельным весом внутри его, всего 0,58%. Более значимыми представляются указательные местоимения (их было выделено 7) с общим охватом 12842 слова или 6,67% текста.

Состав текстового дейксиса в исследуемом подъязыке оказался следующим: а) союзы и союзные слова: aber, auch, da, denn, oder, sondern, und, weil и т.д., всего 42 слова, объем 13178 СУ; б) относительные местоимения: der, die, das, was, wie, wer, welcher, worauf соответственно 31 слов и 3816 СУ; в) наречия: da, dann, oft, heute, noch, etwa, sonst, bald, hier, wieder, jetzt, schon - 123 слова и 7225 СУ; г) частицы zu, nicht, wohl, ja, gar, zwar, и др.- 6 и 3612 (из них только частица nicht дает 2011 СУ); д) остальные предлоги anhand, aufgrund, während - 15 и 7064.

Таблица 3

NN	Группы дейксиса	Кол-во разных слов	Кол-во СУ	Покрытие текста (%)
1.	личный	18	9859	5,12
2.	пространственный	38	12842	6,67
3.	текстовый	212	29315	16,10
4.	артиккли	16	31949	16,60
	ВСЕГО:	284	83965	44,49

В группе текстового дейксиса общее количество слов равно 212, а количество словоупотреблений 29315, которые покрывают данный текст на 16,1 % (см. табл.3).

Охват текста дейктическими средствами выражения составляет 44,49%. Служебные части речи, соотносящиеся с основными категориями дейксиса, являются основным строительным материалом научного текста и важнейшим средством референции /Quine 1953; 13/. Сравнивая также результаты анализа групп дейктической лексики с классами слов (табл.2), обнаруживаем их приблизительное равенство в общем покрытии текста (44,49% против 47,39%). Эти данные подтверждают вывод С.Д. Береснева о том, что приблизительно одна треть покрываемых словоформами классов слов играют преимущественно служебную роль /1970; 16/.

После ручного обсчета лексики общим объемом в 192 355 СУ были выделены следующие грамматические группы слов, представляющие особую значимость с точки зрения статистического моделирования лексики и морфологии немецкого подъязыка философии. По той роли, которую они играют в построении научного высказывания, их условно можно подразделить на служебные и значимые части речи.

Артикль. В немецком языке 4 формы определенных и 3 формы неопределенных, в сумме дающих 16 различных словоформ. Несмотря на такое малое количество слов, они обеспечивают употребляемость их в общей выборке 31949 раз, что обеспечивает покрытие текста на 16,6 %. Интересной особенностью может быть признана зависимость употребления артиклей перед существительными. Только 50-54% существительных снабжены артиклем, при этом процентный показатель отличается очень высокой стабильностью и точностью и может быть применен к целой группе не только научных философских текстов, но и гуманитарных текстов вообще. Соотношение определенного и

неопределенного артикля зафиксировано как 1/2,215. Главная функция артикля в предложении - это придание существительному его грамматических категорий – рода, числа и падежа. Определяющую роль играет артикль и в непосредственном отнесении к той или иной части речи слова или сочетания: *studieren – das Studieren, schön – das Schöne*.

Отсутствие артикля перед существительным является примечательной особенностью немецкого словоупотребления и встречается в том случае, когда обобщается та или иная группа предметов или лиц с приданием ей элементов собирательности (обобщенности): *Bürgertum, Judentum, Lehrschaft* и т.д.

Научный текст, как источник информации, прежде всего для специалистов, стремится продемонстрировать такое свойство языка как экономия языковых средств. Для адекватного понимания смысла следует обратить внимание на сращения, характерные не только для значимых частей речи, но и для артикля, в частности. Слияние предлога с артиклем является предпосылкой для возникновения таких устойчивых единиц, где грамматический смысл и лексическое содержание объединяются в одно целое: *aufs neue, bis zu Ende* и т.д.

Предлоги составляют вторую по важности и частотности группу слов. Всего их выделено 32 /19905 СУ/ с покрытием текста на 10,34%. Эти показатели практически не отличаются от данных, полученных в результате исследований на материале других подязыков науки и техники /Абызова 1983, Кравченко 1990, Тепомес 1990, Павлова 1991/.

Квалифицируя отношения пространственного, временного или другого свойства, предлоги являются связующими элементами между значимыми частями речи: существительными, прилагательными, наречиями. Не случайно, что основные функции выражения локативности и темпоральности представлены наиболее частотными предлогами: *an -*

781, auf 1362, aus - 638, bei -448, für - 1304, in - 5431, mit - 1355, über -509, von - 2571, zu - 2092. Эти предлоги показывают место предмета, направление движения, нахождение в пространстве. Обстоятельства темпоральности вызывают к употреблению практически те же предлоги, но отвечают на другие вопросы: wenn?, seit wann?, wie lange?, wie oft?

Не менее важно рассмотреть употребление предлогов в каузальной функции. Категория инструментальности, связанная с такими предлогами /durch - 635, nach - 421, unter - 297, vor - 331, wegen - 34 и т.д./ обеспечивает расшифровку в тексте субъекта, источника того или иного действия.

На третьем месте по степени значимости среди слов заполнения текста стоят **местоимения** – класс, замещающий именные части речи. Нижеследующая таблица показывает распределение местоимений по разрядам:

Таблица 4

Местоимения в подязыке философии

название разряда	кол-во слов	кол-во СУ	покрытие (%)	примеры
личные	8	3902	2,02	ich, du, wir
указательные	11	2387	1,24	diese, jene
притяжательные	8	2412	1,25	mein, unser
вопросительные	9	145	0,07	was, wann
относительные	15	1925	1,00	wie, warum
неопределенные	10	3001	1,56	irgendwo
неопр.-личное	1	332	0,17	man
возвратное	1	1905	0,99	sich
безличное	1	774	0,40	es
ВСЕГО:	64	16787	8,72	

Представленные в данной таблице 64 местоимения девяти раз личных разрядов покрывают текст на 8,72%. Наиболее употребительными

являются притяжательные и указательные местоимения. Большое количество разных слов у относительных местоимений (соответственно и словоупотреблений) объясняется за счет притока в этот разряд парадигмы определенных артиклей, выступающих в составе сложноподчиненных предложений как его связующих элементов. Неопределенные местоимения, кроме своих, имеют в своем составе т.н. "отрицательные" местоимения типа *nichts*, *kein*, *niemand*. Такое включение оправдано вследствие смешанной субстантивно-адъективной функции употребления, в то время как местоимение *man*, мы выделяем в отдельный разряд, не отрицая вовсе его родственного характера с группой неопределенных местоимений.

Союзы занимают также ведущее место в построении научно-технического текста. Они отражают временные, причинные и другие виды связи между явлениями объективной действительности. Являясь неизменяемыми частями речи, они помогают установить зависимости между частями предложения и выражают характер синтаксических отношений между ними.

Сложноподчиненные и сложносочиненные конструкции, а также предложения с их комбинацией (*Periode*) являются характерными синтаксическими средствами жанра журнальной статьи (Особенности синтаксиса сложного предложения см. подробно в разд. 3.2.). Преимущественное использование сложноподчиненных предложений, а, следовательно, и подчинительных средств связи, носит как бы уточняющий, прецизионный характер. Особенно это проступает на фоне имеющих место в философском тексте научных дискуссий, обсуждений, идеологических споров. Таким образом, союзы становятся не только важными грамматическими средствами, но и коммуникативными единицами.

Возглавляет список сочинительных союзов *und* /F=6114/. Далее идут *aber* /794/, *oder* /576/, *sondern* /278/, *denn* /165/, *jedoch* /120/. Группа подчинительных союзов больше по составу. Она характеризуется более равномерным распределением частот среди союзов ее составляющих: *daß* /1375/, *als* /501/, *weil* /232/, *indem* /82/, *da* /12/. Особое место занимают союзы и союзные слова т.н. "аргументативно-следственного" характера. Это союзы *deshalb* /148/, *sowie* /47/, *somit* /43/, *falls* /34/, *solange* /34/, *insofern* /30/, *so daß* /29/, *sofern* /26/, *deswegen* /22/, *indes* /13/.

Немало встречается в философских текстах составных или парных союзов, типа: *nicht nur...sondern auch* /133/, *weder...noch* /75/, *wenn...so* /58/, *sowohl...als auch* /57/, *je...desto* /25/, *entweder...oder* /24/, *ebenso...wie* /12/. Значение их не всегда эксплицируется из значения их компонентов, поэтому они требуют учета порядка слов при построении высказывания.

Итоговый анализ слов показал: 42 лексемы этой части речи составляют 13178 СУ или 6,85% текста.

Два класса слов **частицы** и **местоименные наречия** выделены нами в отдельные группы, исходя из их функциональных особенностей. Эти части речи не являются членами предложения. Роль частиц заключается в том, что они определяют, поясняют, специализируют и градуируют слово в предложении /Helbig, Buscha 1991; 430/. Исследование частиц в нашем случае было затруднено из-за невозможности применить в каждом конкретном случае контекстуальный и синтаксический анализ. Кроме того, частицы в научном тексте носят нерегулярный характер, осложнённый еще и проблемой омографии. Сравн.: *allein* (нар.) - *allein* (част.), *denn* (союз) - *denn* (част.).

В итоге нами были выделены те единицы, которые наиболее часто встречаются в тексте как частицы. На первом месте в этом списке стоит *zu* / F=1956 /, употребляемая традиционно перед инфинитивом. Далее идут

частица *auch* / 1012/ и другие менее частотные единицы: *zwar* /78/, *wohl* /33/, *aber* /16/. Общее число частиц - X принято условно. Условным будет и количество словоупотреблений с этой группой слов, обнаруженных в обследованной выборке. Полностью исключить частицы из нашего рассмотрения не представляется возможным, хотя бы потому, что в ряде случаев редкие лингвистические единицы несут больше потенциальной информации, чем единицы, часто употребляющиеся в тексте /Пиотровский 1975; 92/.

Группа местоименных наречий (репрезентантов) представлена 15 словами общим объемом в 1164 словоупотребления. Местоименные наречия, образованные от наречий, обладают способностью называть обстоятельства при которых совершается действие. Вместе с союзами они являются распространенными элементами сложных предложений, хотя могут встречаться и в составе простых, эксплицируя при этом смысл предыдущего предложения.

Наиболее частотными в списке местоименных наречий будут следующие слова: *damit* /F=263/, *darauf* /79/, *dadurch* /44/, *dabei* /154/, *darin* /109/, *daraus* /55/, *davon* /34/.

Рассмотрение местоименных наречий завершает анализ служебных частей речи и их распределения по классам. Становится очевидной большая роль слов заполнения текста в построении высказывания и научной коммуникации в целом. Употребление служебных слов обеспечивает покрытие текста на 47,39%, т.е. составляет почти половину всех словоупотреблений немецкого подъязыка философии. Большинство из них будут наиболее частотными и входят в первую тысячу слов базового подъязыка философии. Этот факт, в конечном итоге, будет способствовать выделению и репрезентации самых продуктивных языковых знаков.

2.1.2. Знаменательные части речи

Существительные – часть речи, объединяющая слова с грамматическим значением предметности, которая выражается с помощью независимых категорий рода, числа, падежа, одушевленности и неодушевленности /Розенталь 1991; 226/.

Количество словоупотреблений существительных во всей выборке равняется 35004. По общему количеству они занимают первое место, что гарантирует им преимущество и в процентном отношении по сравнению с другими знаменательными и служебными классами слов.

Существующая градация по лексико-семантическому и некоторым грамматическим (морфологическим) признакам позволяет выделить следующие лексико-грамматические разряды существительных: 1) нарицательные и собственные, 2) конкретные и отвлеченные, 3) собирательные, 4) вещественные, 5) единичные. Все они в разной степени представлены в подязыке философии. Акцентируя основное внимание только на грамматических классах, мы ставим на первое место категорию нарицательности, т.е. класс нарицательных существительных, служащий наименованию однородных предметов: Mensch /482/, Jahr /266/, Mann /136/, Weg /123/, Frau /112/, Teil /110/, Ende /74/, Sache /64/, Wort /59/, Rede /48/, Tat /46/, Antwort /44/, Platz /37/, Hilfe /34/, Tag /31/, Stadt /21/, Beruf /16/, Tier /15/, Kopf /13/, Ort /13/, Vater /11/, Kind /10/. Этот класс стилистически не однороден и может быть разложен на нарицательные понятия в сфере научного употребления, иными словами, нарицательную лексику общеупотребительного характера: *Kleid, Fenster, Gut, Kino* и т.п. с низкой частотой употребления и значительную группу слов общенаучного характера, составившую, во-многом, основу базового частотного словаря: Arbeit /223/, Prozeß /193/, Problem /159/, Analyse /133/, Grund /107/, System /106/, Kategorie /104/, Wesen /110/, Bedeutung /87/, Funktion /77/, Faktor /60/,

Element /52/, Rolle /52/, Modell /51/, Charakter /47/, Thema /44/, Ergebnis /42/, Material /39/, Inhalt /38/, Qualität /38/, Diskussion /36/, Resultat /35/, Variante /35/, Verhalten /24/, Merkmal /23/, Programm /23/, Effekt /20/, Summe /16/. Противоположность нарицательным образуют собственные имена. Их зарегистрировано 897; в составе существительных они занимают 0,46 %. Личные имена, обозначающие фамилии, географические и территориальные наименования, разнообразно представлены в подязыке и связаны, в первую очередь, с историческим развитием и формами философского знания: Sokrates, Berlin, "Einheit" и т.д. Имена собственные равномерно распределены в пределах выборки. Отмечено, что в тексте со средним объемом 2500 СУ они употребляются приблизительно 37 раз, что составляет 1,48% от общего числа словоформ. Существительные конкретного употребления предназначаются для наименований предметов и явлений окружающей действительности, взятых в отдельности и поэтому подвергающихся счету: Baum, Stock, Karte, Fluß, Axt и др.

Им противопоставлена группа абстрактных существительных, называющих действия или признак в отвлечении от производителя действия или носителя признака. Группа таких существительных в философских текстах очень обширна. Преимущественное положение их достигается за счет функционирования в подязыке философских понятий, базирующихся на абстрактных категориях, причем последние воспринимаются исключительно как характеристики продуктов мышления /Философский словарь 1980; 4/. Такие существительные как: Bewegung /312/, Zeit /220/, Begriff /200/, Denken /161/, Bewußtsein /123/, Sinn /115/, Erkenntnis /93/, These /72/, Materie /44/, Gefühl /34/, Logik /33/, Beweis /29/, Utopie /26/, Substanz /25/, Widerspiegelung /22/, Definition /20/, Paradox /20/, Antizipation /19/, Axiome /18/, Empfinden /18/, Dilemma /17/, Seele /17/, Moral /13/, Aporie /12/ и др. являются основой понятийного аппарата

данной науки. (Подробный анализ абстрактных существительных см. в разд. 2.5.).

Отдельную группу в классификации существительных занимают собирательные имена, которые, как правило, легко определяются по словообразовательным элементам немецкого языка: **-tum**: Bürgertum /32/, Christentum /32/, Reichtum /32/, Eigentum /30/; обобщенные: **-ie**: Ontologie /163/, Kategorie /104/, Ideologie /50/, Materie /44/, Bourgeoisie /40/, Autokratie /36/, Hierarchie /29/, Utopie /26/, Strategie /25/, Industrie /23/, Antinomie /22/, Studie /21/, Energie /20/, Gnoseologie /17/, Mysterie /15/, Burokratie /14/, Hegemonie /13/, Aporie /12/, Mythologie /11/, Tautologie /11/, а также и с иноязычными суффиксами: **-at**: Resultat /35/, Proletariat /29/, Postulat /28/; **-or**: Autor /59/, Professor /21/, Doktor /12/; **iv** Motiv /21/, Kollektiv /20/; **-um** Kriterium /29/, Spektrum /19/, Universum /14/, Privilegium /10/; **-us** : Modus /22/, Kultus /17/; **-tur**: Natur /269/, Kultur /74/, Struktur /43/ Diktatur /20/ и рядом других.

Такой класс как имена вещественные практически отсутствует по причине принадлежности этих единиц к терминосистемам точных и естественных наук. Исключение в этом случае составляют слова, типа: Gold, Luft, Metall, характеризующиеся минимальными частотами употребления. Единичные существительные (сингулятивы) касаются такой сферы функционирования как физические явления. Например, Erde, Sonne, Mond, Universum, Kosmos.

Интересной особенностью при анализе существительных могут стать основные словообразовательные модели. Так, неморфологический способ образования новых слов связан с переходом одной части речи в другую. Глаголы, перешедшие в разряд существительных, продолжают выражать отношение длительных процессов: Sein /173/, Denken /124/, Wissen /114/, Wesen /110/, Verhalten /24/, Werden /24/, Eingreifen /19/, Empfinden /18/,

Nachdenken /18/, Zeichen /17/, Wirken /16/, Sollen /14/, Studieren /14/, Genießen /10/. Категория отвлеченного качества образуется при переходе некоторых прилагательных в разряд существительных: Ganze /54/, Andere /39/, Allgemeine /28/, Gute /29/, Heilige /19/, Kategoriale /19/, Höchste /17/, Wirkliche /17/, Besondere /16/, Absolute /15/, Mögliche /14/, Herrschende /13/, Negative /13/, Politische /12/, Seinsollende /10/.

Наиболее продуктивным способом словообразования остаются префиксальный и суффиксальный. В составе существительных можно выделить следующие активные суффиксы: **-ung**: Bewegung /316/, Bedingung /140/, Beziehung /93/, Aneignung /88/, Bedeutung /87/, Auffassung /66/, Bestimmung /61/, Betrachtung /51/, Bildung /33/, Begründung /30/, Anschauung /26/, Behauptung /26/, Anwendung /22/, Bemerkung /22/, Abgrenzung /21/, Beseitigung /19/, Begegnung /19/, Abbildung /18/, Behandlung /17/, Beobachtung /17/, Berücksichtigung /17/, Beschränkung /17/, Anstrengung /16/, Bewertung /16/, Bindung /16/, Aufhebung /15/, Abschaffung /14/, Bevölkerung /13/, Anforderung /11/, Anpassung /11/, Bewältigung /11/, Annäherung /10/, Bedrohung /10/, (всего 141 слово); **-enz**: Existenz /66/, Konsequenz /44/, Tendenz /41/, Evidenz /27/, Konkurrenz /22/, Potenz /20/, Kompetenz /20/, Konvergenz /18/, Substanz /13/, Transzendenz /12/; **-tion**: Produktion /106/, Situation /69/, Evolution /57/, Tradition /36/, Organisation /36/, Generation /27/, Deduktion /26/, Negation /23/, Gesellschaftsformation /22/, Argumentation /21/, Definition /20/, Assoziation /17/, Konstruktion /17/, Antizipation /19/, Qualifikation /19/, Imagination /15/, Emanzipation /14/, Integration /14/, Grundfunktion /13/, Institution /12/, Apperzeption /11/, Geschichtsinterpretation /10/, Manipulation /10/, Relation /10/.

Отмечено частотное употребление существительных с следующими префиксами: **Auf-** Aufgabe /110/, Auffassung /66/, Aufmerksamkeit /28/, Aufnahme /23/, Aufklärung /15/, Aufschwung /15/, Aufbau /13/, Aufhebung

/12/, Auftrag /12/, Aufweis /11/; **Be-** Bedingung /140/, Bedürfnis /98/, Bedeutung /87/, Begründung /30/, Bezug /29/; Betrieb /13/, Bekenntnis /12/, Beschaffenheit /10/; **Ein-:** Einfluß /35/, Einschätzung /33/, Eindruck /31/, Einsatz /16/, Einleitung /17/, Einbeziehung /15/, Eingriff /15/, **Ge-** Gedanke /101/, Gefühl /34/, Gemut /25/, Gebrauch /19/, Gedächtnis /17/, Gefolge /15/, Gewissen /13/, Gehalt /11/, Geschmack /10/, **Ver-:** Veränderung /151/, Verbindung /39/, Verantwortung /27/, Vermittlung /15/; Verfassung /17/, Verarbeitung /11/, Vergegenständlichung /11/, Vergesellschaftung /11/, **Zu-:** Zukunft /76/, Zustand /70/, Zustimmung /13/,

Такой способ образования новых слов как словосложение показал себя как особенно продуктивный. Видное место занимают детерминированные двухкомпонентные композиты. Не в малой степени они способствуют формированию семантических полей на основе детерминанты главного слова в составе композита /Fleischer 1971; 83/.

Сокращения, как особый словообразовательный способ, выделяются нами из состава существительных в особый раздел. Он представлен общим количеством 1556 СУ. Эти единицы носят нерегулярный и малочастотный характер. Однако в подъязыке есть сокращения, носящие общенаучный характер и присутствующие в любом научном тексте: В, Bd = Band, S.=Seite, Art.=Artikel, m.E.= meines Erachtens, Sp.= Spalte, Hrsg.= Herausgeber (всего 41 слово).

Таким образом, разряд существительных представляет собой несколько классов, в зависимости от грамматических категорий. Семантическая и тематическая стратификации существительных будут даны в разделах 2.4. и 2.5. наст. главы.

Глагол, вторая по важности знаменательная часть речи со значением действия или состояния выражает известные категории залога, времени, лица, выступающая в роли предиката. По количественным

характеристикам глагол уступает только существительным (всего отмечено 364 слова общим употреблением 1790 словоформ). В результате статистической обработки и локальных экспериментов определено преимущественное положение личных форм глаголов и форм актива. Формы пассива занимают лишь 1/10 часть от всех личных форм и не являются типичными для гуманитарных подъязыков, в то время как в подъязыках точных и естественных наук отмечается возрастание роли пассивных форм не только с точки зрения процессов, но и деятеля или силы, совершающей действие.

Важные данные были получены исследователями при сравнении функционирования глагольных форм в различных подъязыках науки /Береснев, Крылова, Фих 1980; 6-7/, которые с некоторыми отклонениями совпадают с нашими.

Среди временных форм в немецком подъязыке философии основное место занимает презенс. Из обследованных 2000 СУ было зарегистрировано 1518 личных форм презенса /75,9%/, перфекта - 40 /2,03%/. Остальные формы глаголов приходятся на плюсквамперфект и футурум, соответственно 105 или 5,27%.

Некоторые категории местоимений дают косвенные данные об употреблении возвратных, безличных глаголов, а также о взаимосвязи личных местоимений и личных форм глагола. Так, возвратное местоимение *sich* /F=1905/ употребляется только с личной формой глагола и может свидетельствовать о функционировании в тексте приблизительно 1900 возвратно-глагольных употреблений. Аналогично, местоимение *es* [F=774] говорит о существовании такого же количества глаголов в безличной форме, без указания лица с обозначением действия, протекающего само по себе. Приведенные выше данные говорят о

важности понимания всех глагольных категорий и форм, удельный вес которых в тексте составляет 12,58%.

Важнейший характеризующий и оценочный конститuent научного текста – **прилагательные** – выделяются чаще всего на основании их словообразовательных суффиксов: **-ig**: notwendig /156/, geistig /104/, selbständig /43/, eindeutig /41/, heutig /40/, bisherig /37/, nötig /36/, ständig /32/, abhängig /31/, eigenständig /17/, beliebig /16/, endgültig /15/, allseitig /14/, damalig /14/, häufig /14/, neuartig /14/, vorrangig /13/; **-lich**: gesellschaftlich /510/, bürgerlich /221/, natürlich /129/, unterschiedlich /109/, wesentlich /105/, freilich /69/, eigentlich /58/, deutlich /48/, erforderlich /19/, erheblich /27/, ausdrücklich /26/, inhaltlich /25/, christlich /23/, zusätzlich /22/; grundsätzlich /22/, gründlich /19/, gelegentlich /19/, zeitlich /18/, unendlich /13/, sinnlich /12/, **-isch**: politisch /507/, historisch /281/, demokratisch /169/, theoretisch /163/, sozialistisch /160/, kommunistisch /150/, kapitalistisch /123/, ökonomisch /106/, dialektisch /90/, praktisch /71/, materialistisch /67/, französisch /60/, russisch /58/, antagonistisch /49/, systematisch /43/, empirisch /37/, imperialistisch /28/, moralisch /28/, identisch /27/, problematisch /26/, dogmatisch /25/, typisch /22/, naturphilosophisch /20/, ökologisch /20/, psychologisch /20/, künstlerisch /19/, feministisch /18/, ethisch /16/, dramatisch /14/, absolutistisch /13/, antifaschistisch /13/, juristisch /13/, nationalistisch /13/, republikanisch /13/, zeitgenössisch /11/; biologisch /11/, emanzipatorisch /10/, mechanistisch /10/, programmatisch /10/, **-ell**: individuell /85/, aktuell /42/, kulturell /36/, generell /35/, traditionell /35/; strukturell /28/, partiell /18/, materiell /15/, formell /15/, konzeptionell /15/, industriell /12/, konstitutionell /11/, **-al**: real /112/, global /45/, radikal /45/, liberal /32/, emotional /14/, total /14/, transzendental /14/, feudal /12/; **-bar**: unmittelbar /102/, sichtbar /32/, unverzichtbar /16/, scheinbar /15/, furchtbar /14/, unwandelbar /13/; **-iv**: objektiv /148/, subjektiv /79/; relativ /51/, negativ /29/, konservativ /27/, intensiv /23/, kognitiv /22/, progressiv /19/,

normativ /17/, qualifikativ /13/, konstruktiv /13/, spekulativ /10/, **-sam**: wirksam /25/; **-los**: sinnlos /34/.

Характерной особенностью прилагательных, функционирующих в подъязыке, является присутствие образований, состоящих из двух компонентов, равнозначных по смыслу, формирующих сложное или диффузное определение, образуя копулятивные, сложные языковые единицы. Например, philosophisch-geschichtlich, sozial-demokratisch, sozial-ökonomisch, wissenschaftlich-technisch и т.д. Написание такого рода слов может быть как слитным, так и дефисным. Важно при этом что они обозначают совокупность двух равновеликих понятий, а при слиянии образуют новое значение качества. В философских текстах отмечено большое количество типовых словарных сочетаний, образованных по модели (A + S) и обозначающих предметы и явления в соответствии с именами их основоположников и открывателей: Kopernikanische Wende, Kant-Laplacesche Theorie, Hobbesche Conatus, Baconisches Programm, Marxsche Diagnose, Hummelsche Gesetz, Bellarminische Antagonismus и т.д. Среди лексико-грамматических разрядов наибольшие показатели имеют относительные прилагательные типа gewiß, einige, sämtliche, heutig, absolut, verschiedene, manche, alle и т.д. Качественные прилагательные не играют сколько-нибудь заметной роли в заполнении текста. Примечательным в частеречном отношении будет различие функции прилагательного в предложении. Они могут выступать как в роли определения, так и в качестве предикатива составного именного сказуемого. Последняя функция наиболее характерна для научного текста.

Наречия вместе с прилагательными служат обогащению лексики всего текста качественными характеристиками. 123 наречия охватывают 7225 СУ, что гарантирует покрытие текста на 3,75%. Этот показатель не

велик, хотя сами слова в отдельности обладают большой относительной частотой. Средний показатель употребления, рассчитанный как отношение от количества словоупотреблений к сумме разных слов, определяется числом 1/58,7 и является одним из самых высоких для всего подъязыка. Большинство наречий является универсальными для практически всех подъязыков науки и техники и не относятся к какому-либо стилистическому слою лексики: nur /492/, so /490/, noch /367/, schon /215/, meist /177/, hier /160/, sehr /129/, wenig /125/, viel /114/, wieder /113/, zwar /104/. immer /77/, jetzt /71/, etwa /64/, heute /52/, nie /52/, da /51/, oft /51/, insbesondere /50/, dort /46/, kaum /42/, damals /34/, zurück /34/, wohl /30/, sozusagen /28/, stets /28/, zusammen /25/, quasi /20/.

Наречия могут подразделяться на группы (разряды) на основании места, времени, действия, уточняющих и характеризующих обстоятельств. Часто наречия образуют наречные сочетания, которые нужно считать самостоятельными коммуникативными единицами типа *darüber hinaus, und zwar, nicht weniger* и т.д. Типичными для научного текста в функции наречия могут выступать сочетания предлогов с союзами с приобретением самостоятельного смысла: *ab und zu, hin und zurück, so gut wie möglich*.

2.4. Стилистическая стратификация лексики подъязыка философии

Каждая сфера человеческой деятельности накладывает свой отпечаток на нормы функционирования и повторяемости языковых единиц разных уровней. Язык философии, таким образом, можно представить как проекцию единиц языка на специфическую область человеческих отношений, характеризующихся особой многоаспектностью человеческой деятельности.

Расчленение языка по горизонтали и вертикали оправдано практикой языкового исследования. Сделать полную и всеобъемлющую

стратификацию языка вряд ли возможно, однако, есть много аргументов в доказательство того, что любые отношения лежат в сфере единства единичного и общего. Применительно к лингвистике это может означать наличие в конкретных языковых элементах общих признаков. Вот почему системное рассмотрение лексики должно заключаться не в описании каждой ЛЕ в отдельности, а в анализе их как части внутренних организмов и совокупности /Шубова 1970; 20/.

Среди ученых нет единства по поводу стилистического деления лексики научного текста. Так, одни считают, что она делится на термины и общелитературные слова /Денисов 1980, Уфимцева 1962 /. Другие делят термины на профильную и узкоспециальную /Митрофанова 1985; 53/. Выделение четырех лексических пластов - общеупотребительной, общенаучной, профильной и узкоспециальной тоже несколько условно: между ними не всегда можно провести границу. Но в учебных и исследовательских целях такая стилевая стратификация совершенно необходима. Вероятностная модель лексики научного стиля в виде отраслевых частотных словарей дает возможность с учетом статистических параметров слов обнаружить стилистическую стратификацию отдельных лексических слоев в соответствии с однотипной целевой и эмоциональной установкой /Андреев 1967; 128/.

Явление относительной закреплённости слов за определенными сферами применения языка известно также под названием "функционально-стилевая окраска" или "функционально-стилевое значение" На этом основании можно выделить 3 слоя лексического материала, применяемого в научных текстах. Исследования в области лексического состава научных текстов /Глушко 1970, Шубова 1970, Береснев 1973/ позволяют представить лексические подсистемы как

единство, состоящее из 3 уровней: 1) нейтральной, 2) общенаучной, 3) специальной или терминологической лексики.

Основные подсистемы естественных и точных наук могут претерпевать изменения в тематическом плане, в сравнении с аналогичными подсистемами гуманитарных дисциплин.

Учитывая объективные трудности классификации наук, все же возможно соотнести ее со стилистической стратификацией. Наиболее тонко такие особенности подмечены в работах К.Бальдингера /Baldinger 1954/. (см. диаграмму 1)

Диаграмма 1

Данная схема показывает соотношение стилистических слоев и места отдельных подязыков в системе различных отраслей знаний. Мы дополнили эту схему подязыком философии, расположив его на границе гуманитарных наук с одной стороны (отмечен пунктиром), и на периферии диаграммы в противовес ядру нейтральной лексики. Граница

терминологической и общенаучной лексики сдвинута нами в сторону увеличения последней. Таким образом, одним из основных вопросов, требующих своего решения становится проблема выяснения соотношения слоев лексики и, в первую очередь, общенаучной и терминологической.

Нейтральная лексика, применяемая во всех функциональных стилях и во всех сферах общения, одинаково свободна как в отношении стиля, так и в отношении автора; у нее нет какой-либо стилевой окраски, поэтому этот слой можно также назвать межстилевым лексическим слоем. Из существительных к этой группе относятся: Mensch /482/, Jahr /266/, Arbeit /223/, Leben /152/, Welt /144/, Mann /136/, Weg /123/, Frau /112/, Teil /110/, Buch /86/, Alltag /12/, Anfang /86/, Dialog /84/, Ende /74/, Kultur /74/, Wort /59/, Blick /58/, Literatur /58/, Rolle /52/, Rede /48/, Beginn /47/, Mittel /45/, Antwort /44/, Platz /37/, Hilfe /34/, Mitte /34/, Tag /31/, Kirche /24/, Sieg /24/, Punkt /23/, Stück /23/, Zentrum /22/, Nahe /19/, Waffe /19/, Tod /19/, Boden /18/, Bürger /17/, Beruf /16/, Pflicht /16/, Lohn /15/, Tier /15/, Blatt /14/, Klima /13/, Kopf /13/, Ort /13/, Ehe /12/, Handel /12/, Schlag /12/, Sorge /12/, Not /11/, Ruf /11/, Spur /11/, Vater /11/, Familie /10/, Kind /10/, Monat /10/.

У глаголов эту группу формируют следующие единицы: haben /1256/, geben /380/, machen /270/, stehen /238/, gehen /152/, kommen /146/, nehmen /138/, finden /126/, bringen /124/, sagen /121/, schreiben /114/, sehen /111/, liegen /107/, denken /105/, sprechen /91/, leben /82/, fragen /74/, ziehen /65/, wissen /56/, arbeiten /52/, beginnen /46/, kennen /41/, heißen /39/, helfen /38/, fallen /36/, befinden /31/, wachsen /29/, enden /22/, laufen /22/, zeichnen /22/, gebrauchen /21/, beenden /19/, anfangen /18/, hören /18/, treffen /14/, aussehen /11/.

У прилагательных к этой группе относятся: wichtig /157/, ganz /149/, natürlich /129/, neu /129/, möglich /127/, hoch /101/, beide /96/, frei /93/, einfach /86/, folgende /86/, lang /81/, breit /76/, stark /75/, alt /73/, zentral /68/.

falsch /49/, voll /42/, klar /41/, einig /39/, ewig /38/, schnell /37/, offen /36/, kurz /36/, zahlreich /35/, selten /34/, tief /32/, eng /30/, klein /26/, direkt /24/, rasch /23/, leicht /21/, reich /21/, doppelt /18/, arm /17/, echt /17/, ernst /16/, fest /13/, persönlich /13/, scharf /13/, fremd /11/, beruflich /11/, böse /11/, hart /10/.

Наречия, вошедшие в базовый частотный словарь практически все являются стилистически нейтральными: nur /492/, so /490/, noch /367/, schon /215/, meist /177/, zunächst /170/, hier /160/, gerade /132/, sehr /129/, wenig /125/, jedoch /120/, erst /115/, viel /114/, wieder /113/, selbst /102/, bereits /101/, wohl /96/, immer /77/, nun /77/, jetzt /71/, etwa /64/, dann /61/, eigentlich /58/, besonders /52/, einmal /52/, heute /52/, nie /52/, oft /51/, da /51/, insbesondere /50/, früh /48/, dort /46/, genau /44/, kaum /42/, bald /33/, bekanntlich /26/, zusammen /25/, durchaus /24/, fast /24/, ausschließlich /21/, genug /21/, teilweise /20/.

Лексика общенаучного обихода, будучи применима в публицистике и других сферах и относясь, по-видимому, к числу таких элементов здесь в научном стиле, обладает относительно высокой частотой и вместе с терминологической лексикой составляют ядро словаря любого подъязыка. В более общих отраслях научной литературы (философии, истории, теологии и т.д.) круг этих слов гораздо шире. При сравнении списков слов различных подъязыков, общее количество слов резко сокращается за счет присутствия в них общей лексики, типичной для всех наук. Частое появление их в научном тексте можно объяснить тем, что они обозначают наиболее общие процессы и предметы, а также действия, мыслимые предметно, результаты и способы научного познания, без которых не обходится ни одна область исследования /Береснев 1973; 359/.

Присутствие большого количества лексики общенаучного употребления обусловлено рядом факторов. Во-первых, всякое научное

исследование состоит из таких элементов как гипотеза, ее верификация, доказательство, толкование, принятие решения и т.д. Возможно также присутствие эксперимента, анализа данных и др.

Другим важным фактором является учет лексических единиц общенаучного употребления, обозначающих умственно-мыслительную деятельность, иными словами, действий, сопровождающих процесс познания и раскрывающих позицию ученого по отношению к нему. Особенно важно поэтому из великого множества категорий действительности выбрать именно те, которые глубже помогают понять их самих.

Важным выводом, отмечаемым исследователями, является положение о том, что общенаучная лексика является ядром в словаре гуманитарных специальностей /Кулик 1987/ , а системное изучение будет неполным, если для лексики языка не применить качественный анализ. Он заключается прежде всего в использовании новых методик и привлечении обширного языкового материала.

Общенаучная лексика, рассматриваемая в рамках системы и взаимообусловленности представляет собой ядро всей лексики научного текста. Другие же единицы, вследствие частотности и употребительности, могут быть отнесены к периферии исследуемого объекта (текста), являющегося особой амальгамой общего и особенного. Отмеченные ранее указания на сходство речевых произведений т.е. на лексические единицы нейтрального употребления в своем номинативном значении. Не лишены возможности проявления в научном тексте слова с различной степенью стилистической окрашенности, фразеологические единицы общенаучного характера, метафоры, заимствования и др. Серединное положение будут занимать термины как особая группировка слов, свойственных только данному стилю речи и широко взаимодействующей с нейтральной и

общенаучной лексикой. Проблема отграничения межстилевой лексики на один полюс (по аналогии с ядром), а терминологии на другой, позволяют принципиально разграничить эти лексические пласты.

Применительно к философии дело осложняется еще и тем, что границы нейтральной, общенаучной и терминологической лексики чрезвычайно размыты. Так, в результате анализа 14 текстов по разным отраслям философского знания, представленным в специальных журналах различных течений и направлений, стало очевидным наличие приблизительно равных частотных величин для существительных, взятых из одного и того же стилистического слоя. Например, нейтральные слова *Kopf*, *Leben*, *Vuch* имеют соответственно абсолютную частоту употребления 13, 152 и 86. Общенаучные *Mechanismus*, *Objekt*, *Wesen* соответственно 56, 43, 110. *Терминологические единицы* в подязыке превосходят средние абсолютные значения. Для терминов *Raum*, *Denken*, *Identitat* они составляют соответственно $F=55$, $F=48$, $F=161$. Объяснением этому будет срединное положение межстилевой, общенаучной лексики между высокочастотным ядром и периферией, составляющей как бы отдельный пласт. В то же время частота показывает неоднородный состав самих общеупотребительных слов, вследствие широкого охвата понятий и предметов обозначаемых ими.

Другой полюс стилистической стратификации составляют маркированные слова и выражения, несущие в себе некоторый эмотивный заряд. В общем объеме философского текста они занимают незначительное место - от 0,21 до 0,35 % от общего количества СУ. Еще раз подчеркнем, что это стилистически окрашенные слова, политическая фразеология, крылатые слова, метафоры т.е. такие маркеры текста, которые отражают идеологическую или концептуальную позицию пишущего, а также его авторский стиль.

Метод описания вначале общей, а затем и терминологической лексики и учет фактора частотности позволяет выделить наиболее употребляемые слои лексики. Задача стратификации лексики остается одной из сложных еще и вследствие диффузности семантики самих лексических единиц. Здесь уместно будет воспользоваться принципом "отсечения" /Глушко 1970/, в основе которого лежит последовательное вычленение из текста нейтральной, общенаучной лексики, а также "случайных" и служебных слов. Оставшиеся после исключения нейтральных и общенаучных ЛЕ слова будут в принципе и представлять корпус терминов подъязыка.

Терминология как часть набора означающих обусловлена набором означаемых. Возникающие вновь формы и методы познания изучаемых явлений порождают к жизни многочисленные терминологические обозначения. Эта лексическая группа является самой подвижной и неустойчивой, поэтому и имеет такой низкий индекс частоты.

Поскольку терминологическая лексика является величиной переменной в структуре лексики подъязыка философии, важно определиться сначала со словарем первых двух слоев, постоянно функционирующих в научных текстах. С функциональной точки зрения эта операция предусматривает учет реализационных расхождений между словарным и авторским толкованием. Новые термины, вводимые автором бывают зачастую запутаны и представляют сложность не только для иноязычного реципиента, но и для носителя языка.

Примечательно, что философская терминология носит преимущественно именной характер. Это имена существительные, а также прилагательные, производные от них. Глаголы-термины редки в структуре подъязыка и стилистически не детерминированы. Для функционирования

терминологических единиц в философских текстах характерны высокая структурная вариативность и классовая (общественная) отнесенность.

Терминосистема немецкого подъязыка философии находится в постоянном движении, как и язык вообще. Процессы семантических модуляций, вызванные событиями объединения Германии находят свое отражение и в языке. Это касается и терминологии, когда явно происходит отмирание старых слов и рождение неологизмов, что еще раз говорит о связи языка и общественного развития.

Стилистический разрез лексики является диалектическим единством тех языковых средств, которые составляют ядро научного общения и будут обязательными практически для всех гуманитарных текстов и тех, которые вследствие частотности и употребительности были отнесены к периферии.

Научное общение, основанное на единстве средств ядра и периферии, определяется жанровой или тематической принадлежностью, либо индивидуальными особенностями стиля ученого. Если ядром лексики текста будут ЛЕ, характерные для всех видов текста, то специфическая периферия включает в себя либо ограниченно употребляемые, либо тематически ограниченные лексемы. Последние носят вспомогательный, дополняющий характер, несут в себе элемент потенции, однако, не теряют связи с ядерной сферой употребления лексики.

Вот почему тщательный отбор словаря, употребление слов, свойственных только данному стилю речи, присутствие терминов являются отличительными чертами лексики изучаемого подъязыка. Другой особенностью будет широкое взаимодействие с лексикой общелитературного языка. Выделение лексических пластов научного текста с опорой на частотные показатели является объективной характеристикой их существования, а сопоставление слов, отобранных в различных подъязках науки важно еще и с точки зрения практического

использования результатов этой операции для реферирования текста и перевода специальной литературы, а также выработки "словесной техники" ведения философских споров и дискуссий, в которых языковые факторы являются не последним обстоятельством при защите своих взглядов и позиций.

2.5. Тематические группы и семантические поля в немецком подъязыке философии

Семантические поля (СП) выделяются в пределах тематической группы (ТГ). Выделение СП возможно с использованием различных методик. В нашем случае оптимальным будет способ формирования СП при помощи общей лексемы в составе сложного слова. Общая лексема, по нашему мнению, является основным носителем смысловой информации (доминантная лексема) того или иного семантического поля. В качестве доминантной лексемы выступает преимущественно второй компонент сложного слова, т.е. определяемое. Любая доминантная лексема выражает более общее понятие по отношению к первому компоненту композита – определяемому. Поэтому решающим будет анализ доминантной лексемы и её отношения к определяющему компоненту сложного слова. Так, второй компонент *-kritik* является обобщенным понятием к словам: *Androzentrismuskritik*, *Entwicklungskritik*, *Generalkritik*, *Ideologiekritik*, *Kulturkritik*, *Kunstkritik*, *Ökonomiekritik*, *Selbstkritik* и др. и служит основанием для включения слов в поле, формируя одновременно его ядро. Сравн. также СП *"-tendenz"*: *Entwicklungstendenz*, *Forschungstendenz*, *Grundtendenz*, *Haupttendenz*, *Individualisierungstendenz*, *Koordinierungstendenz*, *Schlüsseltendenz*, *Zeittendenz*, *Zukunftstendenz*.

Всего по последнему компоненту было выделено 216 микро- и макрополей с общим охватом 1070 различных слов. При анализе

лексических единиц подъязыка были отмечены случаи, когда и первый компонент композита выступал в роли доминанты. При сохранении его ядерного статуса изменяются роль главного слова и его внутрисмысловые связи. Функция определяющего слова в этом случае будет сигнализировать о смещении "центра тяжести" на первое место, подчеркивая тем самым некоторый посессивный характер данного слова. Например, Klassenaktion, Klassenauseinandersetzung, Klassenbewußtsein, Klassencharakter, Klassengegensatz, Klassengesellschaft, Klassengrenze, Klassenfrage, Klasseninteresse, Klassenposition, Klassenprofil, Klassenspaltung и др. (всего 30 слов в поле).

СП, обозначающее направленность на субъект или деятеля позволяет проследить действие центростремительных сил, также спроецированных на агенса: Selbstkritik, Selbstanwendung, Selbstbetätigung, Selbstbezug, Selbst-reflexion (всего 36 слов) или Menschenrecht, Menschennatur, Menschen-geschlecht (всего 12 слов).

Таким образом, свойство как второго, так и первого компонентов выступать в качестве доминантной лексемы является особенностью лексической системы немецкого подъязыка философии.

Выделяя СП, мы руководствуемся также принципом высоких и низких частот. Поскольку высокочастотная зона заканчивается у нас частотой 19, то для полного и адекватного отражения семантических полей в системе подъязыка, необходимо исследование зависимостей единиц низкочастотной зоны, что оправдано спецификой философии как науки, имеющей в своем арсенале большое количество авторских средств выражения. Все они в разной мере будут выражать идеологическую позицию ученого и нести в себе языковые коннотации. Кроме этого, распределение лексики в пределах всего семантического пространства "философия" неравномерно и зависит в первую очередь от тематики подвыборок (отдельных текстов).

Описать все без исключения слова низкочастотной зоны не представляется возможным из-за их большого количества (около 3 тыс. разных слов). Поэтому ограничимся минимальной частотой включения – 4.

Согласно таблице 5 ТГ существительных, обозначающих абстрактные понятия, разложима на 9 СП, объединенных по общему компоненту значения, отражающего какие-либо свойства существа, вещества или явления, отвлеченного от них /Вердиева 1986; 107/. 456 разных слов охватывают в общем 5250 СУ.

Слова, объединенные в первое семантическое поле по общей лексеме Kategorie /F=104/, охватывают весь спектр ныне существующих абстрактных форм применительно к определенной сфере или области и входят в семантическое пространство "философия". Например, Theorem, Definition, Komplex, Hierarchie, Paradigma, Medium. (см. табл.5)

Таблица 5

СП, входящие в состав ТГ абстрактных понятий

NN	названия СП	кол-во разн. слов	кол-во СУ	примеры
1.	общенаучн. категории	68	782	Aspekt, Faktor, System, Variante
2.	формы познания и логич. катег.	62	638	Abbild, Antinomie, Dind, Welt, Zeit
3.	методы, формы, результаты научн. исследований.	42	558	Analyse, Genese, Paradox, Hypothese, Beweis
4.	физическ. явл.	14	85	Bewegung, Potenz
5.	психол.категор.	36	253	Antipatie, Dominanz
6.	формы обществ. взаимоотний	43	520	Boikott, Diktatur, Konsens, Macht
7.	направления и течения в филос.	70	454	Antiontologismus, Rationalismus
8.	наименование прод. процессов	28	131	Charakterisieren, Philosophieren
9.	прочие	93	1799	Bildung, Interesse,

	абстракции			Orientierung, Wahl
	ВСЕГО:	456	5250	

В третьем поле, обозначающем методы, формы и результаты научного исследования, объединение происходит на основе соотнесения с такими компонентами как Analyse, Aspekt, Aufgabe, Schema, Synthese, Prinzip и т.д. При сравнении с первым полем данной ТГ будет выявлено значительное уменьшение частотного показателя как в плане количества использованных слов, так и общей суммы СУ против в первой. В конечном итоге эти показатели влияют на расположение СП названий видов научной деятельности в структуре ТГ абстрактных понятий.

Наиболее объемное СП образуют слова с общей лексемой -arbeit Bildungsarbeit, Doppelarbeit, Eigenarbeit, Erwerbsarbeit, Forschungsarbeit, Gedankenarbeit, Hausarbeit, Industriearbeit, Leiharbeit, Lohnarbeit, Männerarbeit, Mehrarbeit, Reproduktionsarbeit, Routinearbeit, Teilarbeit, Teilzeitarbeit, Zwangsarbeit (всего 21 слово, 507 СУ). Не вызывает сомнения тот факт, что преобладающее положение этой группы слов обусловлено многоплановостью человеческой деятельности, как физической, так и умственной.

Центральное место социальной философии в системе науки определяет высокочастотное положение полей, отражающих экстралингвистические взаимоотношения классов, социальных групп и отдельных индивидов. Сравн.: Ideologie /50/, Krieg /64/, Diktatur /20/. По количеству слов поля, связанные с методикой философского исследования и вопросами онтологии, представляют собой довольно немногочисленную группу. Частота употребления при этом явно свидетельствует о среднем положении этого рода полутерминов между общеупотребительной и общенаучной лексикой, декларируя еще раз тем

самым полутерминологический характер этих единиц (подробно см. разд. 2.5.).

До сих пор семантические поля в немецком подъязыке философии выделялись нами на основании доминантной лексемы. Этот метод, несмотря на свое удобство и универсальность, не позволяет всё же охватить все пласты лексики. Чтобы по возможности проанализировать всю систему, необходимо дополнить данную методику новыми подходами в стратификации лексики. Нельзя, руководствуясь одним только критерием отграничить друг от друга отдельные части речи в силу наличия у них переплетающихся признаков /Адмони 1964; 48/.

Одним из примеров таких практических трудностей является совпадение СП и ТГ наименований различных категорий лиц. Как видно из табл. 6, это поле (группа) разложима на следующие поля в соответствии с наименованиями субъектов-исследователей, их профессиональной принадлежностью, отнесенностью к какому-либо философскому направлению, а также социальному или общественному статусу. Отдельное место занимают историзмы, употребление которых в тексте обусловлено описанием исторических событий и условий, отмеченных по преимуществу в историко-философских разделах выборки.

Таблица 6

Тематическая группа категорий лиц

N	Название СП	Кол-во слов	К-во СУ	Примеры
1.	субъекты-исследователи	29	276	Analytiker, Forscher, Kritiker, Professor
2.	профессии	14	104	Arzt, Kaufmann
3.	представ. разл. филос. течений	26	175	Cartesianer, Hebreist, Pluralist, Sophist
4.	социальн. и общ. статус	42	320	Chef, Funktionär, Lohnarbeiter, Richter
5.	историч. обозн.	21	114	Dekabrist, Knecht
6.	род занятий	18	39	Dichter, Jäger, Künstler
7.	нац. и территор.	8	14	Bundesbürger, Türke,

	принадлежность			Griechen, Londoner
8.	стилист. нейтр.	41	188	Alte, Erwachsene, Feind
9.	стилист. маркир.	19	92	Bösewichter, Pressezar
10.	прочие	33	114	Kirchenvater, Geldgeber
	ВСЕГО:	251	1436	

Наибольшей частотностью в поле субъектов-исследователей обладает слово *Philosoph* /44/, которое заметно опережает близкостоящие обозначения *Wissenschaftler* /29/, *Forscher* /11/ и т.д. Такое преимущество объясняется универсальностью наименования и его стилистической нейтральностью. По понятным причинам субъект-исследователь стоит в центре любой философской дискуссии. Однако это вовсе не исключает существования других синонимических наименований в обозначении автора или деятеля, находящихся, как правило, за пределами базового ЧС: *Gelehrte* /2/, *Denker* /3/, *Dialektiker* /5/, *Historiker* /1/, *Gnoseologe* /9/, *Theologe* /9/ и т.д.

Наряду с философами, научное знание на страницах философских журналов формируется при участии специалистов других областей знаний. Как уже отмечалось выше, философия граничит с рядом гуманитарных, естественных и точных дисциплин, поэтому и философское знание всегда коррелируется с достижениями целого ряда смежных дисциплин. Вовсе не случайно поэтому, что вторую по значимости строку в табл. 6 занимают обозначения лиц профессий: *Lehrer* /4/, *Dichter* /1/, *Journalist* /2/, *Richter* /8/, *Arzt* /5/, *Kaufmann* /1/.

Практически все эксплицированные наименования философских течений и школ имеют свои соответствия в виде названий людей, защищающих те или иные философские или политические взгляды. В количественном отношении они заметно уступают двум предыдущим группам и более равномерно размещены в пределах соответствующего

поля: Atheist /2/, Christe /1/, Franziskaner /1/, Neostrukturalist /1/, Ultrarepublikaner /1/.

Довольно пеструю картину представляют собой обозначения в соответствии с социальным и общественным статусом. Они не случайно объединены вместе, т.к. представляют собой отражение социальной номинации и традиций не только в немецкоговорящих странах, но всего мира. Например, Lohnarbeiter /8/, Kaiser /1/, Zar /7/, Putzfrau /2/.

Статистический анализ очертил положение наименований лиц, обозначающих исторические реалии и поставил их практически на последнее место. При этом минимальное количественное соотношение не влияет на то значение, которое они играют в рамках историко-философского рассмотрения, без которого они не смогут существовать. Следует заметить, что историко-философский подход может быть рассмотрен в качестве самостоятельного как эволюция взглядов философов на окружающий мир. Отсюда в научных статьях такое количество самых разнообразных референтов из различных эпох и философских направлений от античности до наших дней. Германская история нашла свое отражение в виде следующих обозначений: Ritter /1/, Feudaladel /4/, Imperator /2/, Führer /1/, Genosse /7/ и т.д.

В разряд прочих наименований попали т.н. "случайные" слова, часто нейтрального употребления и не имеющие регулярного функционирования в подъязыке: Burger, Kind, Vater, Gläubige. Они однозначно формируют пласт общеупотребительной лексики подъязыка, незначительный по количеству разных слов и общей массе словоупотреблений.

Замечено, что практически все приведенные выше наименования являются существительными мужского рода. Однако большинство из них имеют соответствия в женском роде, как то: Lehrer – Lehrerin, Journalist – Journalistin. Это связано с тем, что борьба женщин за свое подлинное

равноправие и связанные с этим проблемы социального, психологического и этического планов могут нести и лингвистический аспект /Чекалина 1991; 93 /. Подобного рода языковой "сексизм" со страниц прессы переходит и в язык науки.

Проведенный анализ показал особое положение таких существительных в самых различных аспектах. Прежде всего это апелляция к равноправному положению женщин в обществе, возможности заниматься "мужскими" профессиями и т.д. Все это ставит задачу закрепления нового социального и профессионального статуса номинативными средствами языка. В немецком языке такими средствами стали словообразовательные суффиксы женского рода, а также подчеркнутое преимущественное обращение к лицам женского пола. Суффиксы "-in", а во множественном числе "-innen" имеют уже отчетливо выраженный стилистический и эмоционально маркированный характер. Примечательна и орфографическая отмеченность подобного рода названий: Arbeiter – ArbeiterInnen или Ausländer – AusländerInnen.

Тематические группы, обозначающие интеллектуальную деятельность и особый характер философского исследования нередко совпадают с аналогичными семантическими полями. Это происходит по той причине, что все они являются базовыми для понятийного аппарата науки и поэтому самыми частотными.

Мы уже отмечали доминирующее положение существительных как грамматического класса слов в общей структуре изучаемого подъязыка. Предыдущее рассмотрение ТГ и СП подтвердило преимущественное также формирование таких групп за счет существительных. Однако это вовсе не является обязательным, и в случае с отражением феноменов умственно-познавательной деятельности возможно и целесообразно выделение ТГ

глаголов, совпадающих с СП условий, проведения, характера и результатов научных исследований. Обратимся к данным табл.7.

Таблица 7

СП глаголов, отражающих различные этапы научного исследования

NN	название СП	кол-во слов	кол-во СУ	примеры
1.	подготовка, изучение проблемы	39	1404	agieren, erforschern, aufgreifen
2.	сбор практ. материала	44	1364	explizieren, herleiten, experimentieren
3.	теоретическое обоснование	35	1015	manifestieren, favorisieren
4.	верификация, выводы	66	2772	zusammenfassen, erschließen, resümieren
	ВСЕГО:	184	6555	

Тематическая группа, как следует из таблицы 7, распадается на 4 рубрики. Такое членение весьма условно и проведено для удобства семантической классификации глаголов. Частотный показатель при этом отходит как бы на второй план, не выстраивая СП в соответствии с данными статистического обсчета, особо подчеркивая этапы исследования. Список глаголов количественно ограничен, однако, это вовсе не исключает стилистического и жанрового многообразия языковых форм. Например, arbeiten – basteln (окраш.), verkürzen – schrumpfen (окраш.). Понятно, что в этом случае нейтральное употребление глагола verkürzen и стилистически маркированное schrumpfen относят их на два полюса одной стилистической шкалы, о чем, кстати, наглядно свидетельствуют и частотные показатели для этих глаголов: (F= 1 и F= 2). Совпадение ТГ и СП проявляется также и в выражении форм обмена научной информацией и результатами исследований: (ТГ)=(СП): Interesse, Analyse, Bedingung,

Begriff, Funktion, Modell, Verfahren, а также наименований территорий, административных образований и т.д.: Land, Provinz, Reich, Stadt, Ort, Bezirk; географических названий: Fluß, Insel, Berg.

Особое место занимают обозначения размера, численности, части или целого: Uhr, Mark, Grad, Jahr, Maß, Monat, Jahrgang, Zentner и т.д.

Анализ указанных выше групп лексики часто осложняется вследствие их невысокой частоты употребления. В то же время нельзя выпускать данную ТГ по причине особой роли этих нарицательных наименований. Они являются связующим звеном между словарными пластами лексики, показывают взаимодействие между подъязыками различных наук: Axiome (мат.) – Axiome (филос.) и даже стилями речи: Plädoyer (газетн.) – Plädoyer (научн.).

2.6. Терминологическая лексика в структуре семантических полей

Одна из тенденций развития современного словарного состава – взаимодействие пластов языка, обусловленное диалектическим единством языковой системы и речевой деятельности /Ивлева 1986; 84/. Характеристики текста как продукта речевой деятельности зависят от функционально-стилистической принадлежности. Научный текст, отражая такие особенности научного стиля, строго, логически последовательно и точно передает информацию. Хотя философия и является древней наукой, вопрос о совершенствовании стиля в рамках подъязыка остается актуальным. Здесь важны как номенклатура терминов, так и синтаксис, взаимодействие с другими стилями речи.

Одним из факторов, определяющих научный функциональный стиль, является его терминологичность. Термин (как слово или словосочетание), являющийся названием предмета или явления, относящегося к специальной области науки или техники /Кузнецов 1991; 125/, по своей

природе, как правило, однозначен в пределах одного подъязыка, не экспрессивен и обслуживает коммуникативные потребности в определенной сфере человеческой деятельности /Арнольд 1991; 85/.

Не отрицая общности терминологических постулатов (принадлежность к специальной отрасли знания, устойчивость, воспроизводимость в речи и т.д.) при изучении конкретной терминологии важен учет конкретной терминосистемы и специфических свойств термина в плане содержания и плане выражения. Рассмотрение термина применительно к одной науке подразумевает четкое разграничение между тем, *чем* является "вещь", обозначаемая термином и тем, *как* данный термин используется в подъязыке науки /Bayer 1974; 323/.

В современную эпоху усиливается социально-профессиональная стратификация, что оказывает воздействие на т.н. процессы детерминологизации. Это означает, что общеупотребительные слова приобретают терминологический характер, при этом отдельные ЛСВ термина переходят в общеупотребительную лексику. Обратные изменения происходят в языке значительно реже /Faulseit 1975; 772/. Вот почему исследование формально-структурной и содержательной стороны термина не должны приводиться в отрыве друг от друга. Изучение терминологии будет успешным лишь в том случае, если отталкиваться от тех реальных произведений речи, которые содержат актуальные суждения о данном предмете научного сообщения.

Терминологизацию слова можно понимать двояко: как развитие особых терминологических ЛСВ слова и как способность одного и того же ЛСВ функционировать в терминологическом и нетерминологическом значениях. Более того, не все термины функционируют только в одной области. Они могут быть многозначными и общими для разных наук. Отсюда вытекает свойство *полифункциональности*, способности

принадлежать к различным терминологическим полям, а при выходе за их пределы – терять свои системные и определительные характеристики.

Лексическая единица обладает полифункциональностью, однако, полифункциональность присуща ей не только в целом, но и по отдельным ЛСВ. Так, термин *Bewußtsein* с основным ЛСВ "разум", "психика" конкурирует с производными ЛСВ "осознание", "понимание" в различных терминосистемах. В философии, например, данное слово функционирует по ЛСВ "здоровое состояние разума", но его понятийное содержание подвергается известному преобразованию, что связано с номинативно-дефинитивной функцией терминологии.

Ядерное положение термина в системе подъязыка философии и его доступность для любого специалиста, доказывают универсальность термина /Fleischer 1973; 195/, в то время как терминология многих естественных и технических дисциплин доступна только профессиональному работнику. Употребление термина с большим абсолютным показателем свидетельствуют о функции термина как лексико-семантического эталона подъязыка /Антонова 1989; 91/.

Термины, в силу своей семантической емкости часто заменяют длинные дефиниции или словосочетания. Применительно к философскому термину, это происходит далеко не всегда. Причина этого – индивидуальное наполнение смысла, различное толкование положений и понятий, а также необходимость использования в философском тексте сложных аналитических форм выражения.

Указанная *диффузность* объясняется еще и тем, что она может быть рассмотрена как прием, направленный на адресата, выражающийся в избыточности изложения, повышающей запоминаемость, а существующие при этом строгие формулировки и дефиниции обладают некоторой силой внушения. Не случайно поэтому, что процесс познания в философии

протекает именно в форме дискуссии, полемики относительно наиболее целесообразного и непротиворечивого определения того или иного понятия /Цвиллинг 1990; 113/.

Некоторыми учеными делается вывод о социолингвистической **вариативности** терминов языка /Akhmanova 1977; 80-82/. В области гуманитарных наук терминологическое разграничение может быть проведено не только между национальными школами, а между школами и направлениями, придерживающимися принципиально разных методологий /Гвишиани 1973; 111/.

Внеязыковая обусловленность является одной из причин вариативности термина, а сама вариативность может быть обусловлена: 1.) несоответствием плана содержания плану выражения философских понятий и категорий в немецком и родном языке (*Evolution - эволюция*), 2.) жанровой, стилистической, а не только методологической или концептуальной основой, как, например, в данном ряду: *Ziel – Aufgabe – Vorhaben – Zielsetzung – Orientierung*.

Терминологическая вариативность в структуре изучаемого подязыка существует в виде следующих разновидностей: а) орфографическая *real – reell, sozial – soziell*; б) количественная (усечение) при выражении понятий меньшего семантического объема /Горшкова 1979; 6/ *Genau<ig>keit - Genauheit*, в) грамматическая (морфологического и синтаксического типов) *Produktionsverhältnisse - Verhältnisse bei der Produktion*.

Интересным моментом, заслуживающим внимания, являются производные слова, большей частью образованные при помощи суффиксов абстрактного значения: *Wesen – Wesenheit, gerichtet – Gerichtetheit*.

Как видно из примеров, вариативность во-многом определяет функционирование термина не только в разных коммуникативных сферах,

но и внутри стиля вообще. Такая внутрителивая вариативность существует как универсальное свойство системы языка – обязательной избыточности кода. Научный текст, который характеризуется известными стандартами, все же содержит в своей структуре авторские варианты, основанные на той же терминологической вариативности. В отдельных случаях зафиксированная в словарях, она представляет собой интересный материал для творческого и качественного усвоения отраслевой терминологии и общенаучной лексики. Со свойством вариативности термина граничит еще одно качество – *экспрессивность*. Эта характеристика входит в противоречие с основными свойствами термина, ведь известно, что как элемент номенклатуры он не имеет эмоциональной окраски. Совсем другое дело терминология подъязыка философии. Широта обсуждаемых в данной науке проблем как бы предопределяет проникновение в терминосистему элемента экспрессии. Под воздействием морфологических, синтаксических, лексико-семантических факторов термины не несут в себе больше эмоциональной и экспрессивной нейтральности /Прохорова 1970; 158/.

Несмотря на выделение нами свойства термина быть экспрессивным элементом системы, надо признать, что добавочный или коннотативный компонент в структуре значения термина характерен лишь для ограниченного круга элементов терминосистемы (Подробно о средствах стилистического выделения в подъязыке см. разд. 3.3. наст. дисс.). Безусловные общие требования к термину – точность, однозначность, нейтральность, системность – применительно к терминологии философии, да и общественных наук вообще, не достигают полного проявления и утрачивают свою релевантность /Цвиллинг 1990; 108/. Поэтому говоря о терминах общественно-научных дисциплин, трудно вести речь о "чистых" терминах. Скорее это будут "квазитермины" как лексические единицы,

выполняющие функции термина, но не в полной мере обладающие его свойствами.

Систематизировать основные свойства термина в философии все же возможно, если четко исходить из подходов, обозначенных целями нашего исследования. Во-первых, квазитерминология тесно коррелирует с общенаучной лексикой, еще раз доказывая, что это не "чистые" термины. Для этого достаточно заменить короткое слово немецкого языка на длинное греко-латинского происхождения и эффект квазитермина будет достигнут. Сравн.: *Widerspruch* – *Antagonismus*, *Bestimmtheit* – *Determiniertheit*, *Gleichheit* – *Identität*, *Unglück* – *Katastrophe*, *Weltall* – *Universum* – *Kosmos*. Важно отметить при этом, что мотивировки многих интернациональных терминов по-разному воспринимаются средним носителем языка, образованным человеком и квалифицированным специалистом /Акуленко 1976; 55-56/.

Квазитермины являются также средством выделения и фиксации актуального и ценностно-маркированного значения. Семантическая структура квазитермина такова, что в ней сочетаются две ее стороны – описательная, дескриптивная с присутствием не очень строгой дефиниции и эвалютивная, оценочная, имплицитно присутствующая, отражающая и декларирующая позицию автора с целью концентрированного выражения и облегчения коммуникации /Костомаров 1971; 74/.

Философский термин не всегда можно поставить в рамки определенной системы. Его положение удобно прослеживается в контексте; требования точности и краткости в данной науке проявляются не в полной мере, зато широта толкования и большой круг охватываемых проблем будут отличать философскую терминологию от других. Свойство мобильности термина означает прежде всего разнонаправленное движение внутрь и наружу из терминосистемы.

Безусловно терминологичными будут названия течений и направлений в философии, исторически сложившиеся на протяжении ряда лет. Большинство из этой группы слов помещено в базовый подязык философии т.к. имеют абсолютную частоту вхождения более 11: *Atheismus* /16/, *Atomismus* /17/, *Deismus* /11/, *Dogmatismus* /28/, *Dualismus* /25/, *Eklektizismus* /11/, *Faschismus* /13/, *Feminismus* /14/, *Humanismus* /28/, *Idealismus* /63/, *Kapitalismus* /128/, *Kommunismus* /21/, *Kritizismus* /10/, *Leninismus* /21/, *Liberalismus* /14/, *Marxismus* /160/, *Marxismus-Leninismus* /107/, *Materialismus* /105/, *Militarismus* /14/, *Monismus* /10/, *Nationalismus* /11/, *Naturalismus* /19/, *Okkultismus* /10/, *Pazifismus* /15/, *Pessimismus* /10/, *Pluralismus* /21/, *Pragmatismus* /21/, *Sexismus* /12/, *Sozialismus* /21/, *Spinozismus* /11/, *Stalinismus* /13/, *Subjektivismus* /11/, *Zentralismus* /11/.

Эти термины примерно равны по количественному соотношению и распределению в пределах СП. Некоторый "разброс" в количественных значениях обусловлен тематикой выборки и узким или широким охватом описываемых проблем.

Терминологическую лексику не всегда удастся выделить во всех без исключения СП. Обозначения территорий, географические названия, административные единицы, а также меры количества не будут являться терминами в данной науке. В то же время часть слов какого-либо СП может быть термином другой терминосистемы и входить как составляющий ее элемент в другие подязыки. Например, *Behandlung* /мед./, *Deformation* /физ./, *Antithese* /лог./, *Semantik* /лингв./, *Antropogenese* /биол./.

В таком взаимодействии видится связь философии с другими науками гуманитарной группы, а также целым рядом естественных и даже точных дисциплин.

Проанализировав структуру СП, можно сделать вывод о том, что терминами в подязыке философии являются 216 слов или 41,55%,

остальные 58,45% относятся к терминосистемам других наук. Полученный корпус терминологических единиц свидетельствует о том, что философский термин является очень мобильным, взаимодействуя с другими отраслями знания и пополняясь за их счет.

Терминологический аппарат некоторых философов современности сам выступает как способ корректировки, уточнения понятий, соответствующих значениям слов современного языка. Некоторые понятия при этом реконструируются уже до принятых толкований того или иного значения слова. Свободно "реконструируя" словосочетания, слова и словообразовательные элементы, можно получить целые конструкции, смысл которых не всегда свободно эксплицируется из суммы новообразований: *Sich-Vorweg*, *Mit-Sein*, *Ja-Nein-Frage*, *Ich-Instanz*. Более того, даже в самих словах немецкого языка, когда автор придает им особый смысл, возникает трудность при понимании.

В современной философской терминологии немецкого языка происходит огромная работа, осуществляемая усилиями всех без исключения философов, по устранению традиционных, от части устаревших понятий, утративших свой смысл. Их место занимают такие обозначения, как *Ur-Ich* (2), *Sich-Bewußt-Haben* (1), *Es-ist-so-Satz* (3), *Über-Ich* (3), *Auf-sich-selbst-Gestelltsein* (1) и др. Из языка публицистики и прессы они с известными отклонениями от норм правописания проникают и в научную речь. Такие слова, а это преимущественно композиты, подчеркивают морфологическую мотивированность и определяются как оптико-графические элементы стилистического выделения, не предназначенные для словарей и характерные для современных номинативных процессов /Starke 1993; 60/. Верно и обратное, излишняя неологизация терминологического аппарата исключается практически

всеми средствами научного текста, не прошедшими минимальной проверки временем.

Большая часть специального словаря способствует более точной формулировке высказывания, но таит в себе опасность не быть понятым неспециалистами в данной отрасли. Подъязык философии тому не исключение. Некоторые чисто философские понятия *Inputabilitat*, *Paralogismus*, *Rettung der Phanomane*, *Sinnenwelt* и др. характеризуются излишней сложностью и доступны только для узкого круга специалистов, а такие компоненты сложных терминов, такие как *Fuhrungs-*, *Organisations-*, *Identifikations-*, *Koalitions-*, *Ubergangs-*, *Wachstums-*, *Aktions-*, *Interpretations-* и т.д. и вторые *-struktur*, *-flexibilitat*, *-ebene*, *-tendenz*, *-phase*, *-potenz*, *-problematik* и др. в своей комбинации из-за своей универсальности даже отдаленно не позволяют понять суть обсуждаемых проблем, придавая формулировкам абстрактный и даже завуалированный характер.

Вопрос о месте и роли терминов в составе СП и всего изучаемого подъязыка представляется очень важным в связи с работой над рациональным отбором и организацией лексического материала, что позволяет обеспечить доступность информации и снять языковые трудности. Чтение, перевод, реферирование научных текстов дают представление о функционировании языка в реальных условиях, что важно также для исследования не только самой ситуации, как таковой, но и ее интерпретации читателем /Дейк 1989; 22/. Снять указанные трудности можно путем специальных разъяснений относительно авторских терминологических (или нетерминологических) неологизмов, а также объяснением основных механизмов построения языковых конструкций.

2.7. Синонимия и антонимия

Синонимия. Разнообразный характер смысловых отношений речевых реализаций и попытки объединить слова на основе отношений

значения требуют внимания к таким группам слов как синонимы и антонимы. Для правильного понимания синонимии и антономии и проявлений таких отношений в рамках полей необходимо учитывать соотношение понятий синонимического ряда, значения и употребления слова, влияния контекста, парадигматических и синтагматических отношений, образно-ассоциативных связей, прагматических установок и многого другого /Брагина 1978; 16/.

Связь между словом и понятием может быть с наибольшей полнотой раскрыта с учетом синонимических отношений. Под *синонимией* в лингвистике понимают тип семантических отношений языковых единиц, заключающийся в полном или частичном совпадении их значений. Синонимия отражает в языке многогранные свойства окружающего мира. Лингвистическая природа синонимии объясняется асимметрией знака и значения, их неустойчивым равновесием /Новиков 1990; 447/.

С течением времени возникают новые реалии, открываются новые явления. Некоторые лексические единицы изучаемого подъязыка с учетом событий объединения Германии требуют нового осмысления и словесного выражения. Примером может служить синонимический ряд *Aussiedler – Fluchtling – Asylant – Asylbewerber – Asylberechtigte*. В центре этого ряда стоит слово *Asylant*, которое возникло в 70-е годы в ФРГ и существовало только в одной немецкоговорящей стране – ФРГ. Его не было также и в бывшей ГДР. Представляется интересным, что слово *Asylant* образовано при помощи суффикса **-ant**, который несет в себе явно негативную коннотацию по типу: *Simulant, Querulant, Kapitulant, Bummelant* и т.д. Нетрудно заметить, что слово *Asylant* более категорично, чем, например, *Fluchtling*. Однако альтернатива в словоупотреблении такого рода существует и из государственных документов ("Entwurf für ein Gesetz zur Neuregelung des Ausländerrechts") мы узнаем о существовании таких групп

людей как Asylbewerber и Asylberechtigte. Этот факт является наглядным примером жесткого социального заказа, а в языковом плане общественно релевантного словоупотребления. Лексическую фиксацию нельзя понимать лишь как регистрацию только что родившихся слов.

Приведенные противостоящие синонимы прямо связаны с допущением или отрицанием самой возможности оттенков значения в синонимичных словах. В выделенных нами синонимах как внутри отдельных, так и разных семантических полях, синонимичность должна измеряться степенью признака, а не некоей противопоставленностью, делая упор на сигнификативный признак синонимичности /Береговская 1962; 176/: *Kollektiv – Team, druben – im Westen, Dirigismus – Herrschaft*.

Особенностью функционирования синонимов в лексике ПФ будет присутствие большого количества стилистических синонимов, не вошедших в семантические поля. Эмоциональная окраска этих синонимов не особенно типична для строгого научного стиля. Последний вследствие языковой прагматики все же не лишен средств стилистического экспрессивного выделения: *verketzern (verleumden), unterbelichtet (geistig beschränkt, dumm sein), aufklaffen (bellen, norgeln)*.

Интересна роль заимствований в синонимическом ряду. Заимствование привлекается как синоним в случае, если существуют особые оттенки значения слова, в котором они выделяются. Причиной такого выделения могут стать необходимость использования разнообразных средств выражения, а также требования точности и оригинальной отнесенности того или иного понятия. Заимствованные слова очень часто в синонимическом ряду граничат с интернационализированными терминами, например, *Entwicklung– Evolution, Widerspiegelung – Reflexion*.

Присутствие синонимичных слов для обозначения одних и тех же понятий позволяют включать целый синонимический ряд, обозначающий наименования лиц, занимающихся научными исследованиями, свободно входит в СП наименований лиц:

Wissenschaftler – Forscher – Entdecker – Gelehrte – Erfinder
Padagoge – Lehrer – Lektor – Magister
Erzieher – Betreuer – Mentor – Konsultant
Verleger – Herausgeber – Redakteur – Editor – Rezensent – Kritiker
Intellektuelle – Intelligenzler

Синонимические отношения прилагательных и наречий, обозначающих какие-либо качества предмета или явления имеют некоторые особенности. Большой комплекс факторов, влияющий на словоупотребление определяет какое из слов ряда должно быть использовано в речи. Среди этих причин можно назвать контекстуальное окружение, морфологическую сочетаемость, терминологическую связанность, принадлежность к одному слою лексики и т.д. Действительно, например, в ряду синонимов *originell* – *original* – *originar* различаться будут только самые незначительные ЛСВ: *originell* означает 1) *ursprunglich eigenartig*, 2) *sonderbar*, слово *originall* включает близкие понятия *ursprunglich*, *echt*, а слово *originar* соответствует только значению *ursprunglich*. Таким образом, архисема *ursprunglich*, что значит "ohne Veranderungen seit dem Entstehen" (Syn ; 559) будет общей для этого ряда. При этом учет семантических особенностей средствами словоупотребления будет обеспечивать так необходимый для научного текста уровень "образованности".

Стилистическая дифференциация словарного состава тоже отражается и на характере синонимических отношений. Расширение социальных функций литературного языка обуславливает его развитие в современную

эпоху. Это, в первую очередь, сказывается на лексико-семантической системе. В обследованных нами текстах из философских журналов ГДР и ФРГ было найдено значительное количество слов, синонимично отражающих одни и те же понятия, стилистически или социально-профессионально ориентированных. Сравн.:

ФРГ	ГДР
<i>Akziese</i>	Preisauflschlag
<i>Spermüll</i>	Grobmüll
<i>Putzfrau</i>	Raumpflegerin
Super-	<i>Spitzen-</i>
<i>Plastik-</i>	Plast(e)-

Выделенные курсивом слова являются снивелированными обозначениями в современном немецком языке. На основании этого сравнения в условиях специфичной ситуации и сильного влияния западной части языкового коллектива, можно сделать вывод о преимущественном употреблении слов из языка ФРГ. Своеобразие подобных синонимических отношений касается не только собственно синонимов, но и вариантов слова как видоизмененной внешней формы, не затрагивающей его внутренней стороны, его лексического значения.

Антонимия. Частным случаем с точки зрения формирования лексических подсистем можно считать а н т о н и м и ю, включающую слова с противоположным значением. Антонимия в речи – основа контраста, резких противопоставлений /Новиков 1973/.

Антонимия – это тип семантических отношений лексических единиц, имеющих противоположные значения. Многогранные различия в предметах и явлениях объективного мира отражается в языке как противоположность.

Поля, возникающие на базе антонимичных слов, имеют как бы два полюса и не ограничиваются только двумя членами. Противопоставления в пределах семантического поля могут быть самыми широкими т.е. элементы в данном случае соотносятся с одним или несколькими словами на основании общих сем. Особой трудностью при выделении семантических полей с антонимичными компонентами может стать полисемия. Например, слову *breit* в качестве антонимов относятся не только *schmall* и *eng*, но и *knapp*.

Не все слова могут входить в состав антонимических полей. Так называемая "нейтральная" лексика в большинстве случаев не имеет антонимов: *Haus*, *Buch*, *rot*, и т.д. Имеют место известные противопоставления отдельных понятий. Например, слово *nichtrot* соотносится со словом *rot*, однако, антонимические пары подобного рода не образуют семантических полей.

Если перейти к рассмотрению отношений между словами, то различный характер взаимоотношений и степень противоположности позволяют выделить следующие типы антонимии: 1) **контрадикторный** *Maximum – Minimum*; 2) **контрарный** *Sein – Nichtsein*, *Wohl – Unwohl*; 3) **коррелятивный** *verteilen – zerstreuen*, *Form – Gestalt*, /Knobloch 1961; 38/.

Антонимия в подязыке философии имеет прямой выход на прагматические возможности, т.е. ту область, где рассматриваются отношения человека (языкового коллектива) к знаниям. При этом они прекрасно выполняют функцию оценки, квалификатора: *Arbeit – Arbeitslosigkeit*, *Auslanderfeindlichkeit – Auslanderfreundlichkeit*.

Прагматический аспект семантики может вносить существенные коррективы в чисто семантическое понимание тех или иных категорий в том числе категории противоположности: *Gleichmacherei – Qualitätsphilosophie*. Категория маркированности также в немалой степени

может быть рассмотрена как антонимичная, ведь однотипность смысловых структур парадигматически противопоставлена по одному дифференциальному признаку противоположными семами значений. Аналогичную природу имеет и маркированность лексических единиц. Сравн.: *Arbeitnehmer* = *Person* + *Produktion* +...+...), *Arbeitgeber* = (*Person* + *Produktion* + ... + ...). (Подробный компонентный анализ маркированных лексем приводится в разд.3.1.)

Упомянутые оппозиции (контрадикция, контражность, корреляция) касаются свойства слова не только с противоположным значением, но и других групп слов. Анализ таких оппозиций дает важную информацию о закономерностях употребления антонимов в речи и наиболее общих классах этих слов. Так, явления антонимии распространяются и на служебные части речи, в особенности, в области пространственного и личного дейксиса: *auf-*; *zu-*; *ein-*; *aus-*; *be-*; *ent-*; *ver-*; *ent-* и т.д., а также универсальные отрицательные префиксы: *un-* и *miß-*.

Структурные классы антонимии, базирующиеся на принадлежности к одно- и разнокорневым словам, общей семантике и типах противоположности, образуют следующие структурные образования: а) разнокорневые антонимы по типу: *oben* – *unten*, б) однокорневые антонимы *gleich* – *ungleich*, *Einfahrt* - *Ausfahrt*, в) энантеосемия.

В частности, суть явления энантеосемии заключается в особой, непродуктивной разновидности антонимии, когда слово совмещает в себе противоположные значения. Такие примеры имеются и в лексике подязыка философии. Внутрисловная антонимия основана, не в последнюю очередь, на различных социально релевантных значениях одного и того же понятия. Так, *Kapitalismus* в толковании философов и идеологов в ФРГ обозначал всего лишь «*eigentliche naturliche Bedingung menschlichen Daseins, ewige Natur des Menschen*» (64 ; 1011), в то время как

в бывшей ГДР трактовался как *«ökonomische Gesellschaftsformation, die auf kapitalistischem Eigentum und Ausbeutung von Lohnarbeitern beruht»* (ВІ 1988; 366). Совмещенные в одной звуковой оболочке два разных и противоположных значения, стоят в явной оппозиции друг к другу. Это явление в целом присуще всем идеологическим текстам.

2.6. Идеологически маркированная лексика в подъязыке и ее квантитативные характеристики

Частотный анализ лексики текстов позволил сделать важные выводы относительно выбора автором морфологических и синтаксических средств выражения. Все они, по нашему убеждению, определяются чисто субъективными факторами, т.к. являются арсеналом средств подъязыка, находящемся в актуальном словоупотреблении. Из общего словарного списка подъязыка был выделен базовый подъязык, включающий в себя 1994 лексические единицы.

Выделение отдельных словоформ в процессе статистической обработки текста представляет определенные трудности и не может быть осуществлен без участия специалиста-филолога. Использование при этом качественного и количественного анализа, и в первую очередь, необходимости вести учет словоформ, т.е. расстояний от одного пробела до другого, показывает, сколько та или иная словоформа употребляется в тексте. Наиболее частотные лексемы, вошедшие в базовый подъязык, затем анализируются и формируют различные словарные объединения: грамматические классы слов и лексические слои.

Кроме того, стратификация лексики по признаку частотности имеет значение для понимания того факта, что количественные характеристики слов, относящиеся к какой-нибудь частотной зоне, во-многом обнаруживают качественные свойства слов, такие как например,

нейтральность (общеупотребительность), тематичность, информативность, стилистическая или идеологическая маркированность и др. /Тулдава 1987; 65/.

Другая, более сложная задача, состоит в определении места и роли именно низкочастотной зоны словаря ПЯ. Эти слова в тексте носят "случайный" характер. Т.к. они являются объектом нашего исследования, целесообразно проследить, какое же место занимают ИМЛ в структуре научного философского текста и как велик её удельный вес.

Общественные науки и распределение отдельных разделов специальной лексики в словаре безусловно отражает социальный вес и актуальное соответствие разделов науки в наши дни, а лексика общественных наук, в том числе и философии, имеет больше распространенности т.к. многие термины ежедневно встречаются в прессе, на радио и телевидении, в результате чего большое количество этих терминов перешло в разряд общеупотребительных слов и специально не отмечаются. В этом видится связь между частотностью и маркированностью речевых единиц. /Тулдава 1987; 150-151/.

Статистические исследования массива современных журнальных статей показали, что можно ожидать ничтожно малого процентного выражения. Выделенные нами 417 идеологически маркированных единиц также мало отражают экспрессивный потенциал научного текста, сколь в полной мере поддаются классификации и структурированию.

Особую трудность представляют фразеологизмы и другие синтаксические образования, место и функция которых целиком определяется контекстом. В списки ИМЛ попали только те ИМЛ, значения которой были исследованы при помощи вышеупомянутых видов анализа (в т.ч. и статистического) с экспликацией компонентов значения и

обязательным определением в его структуре прагматических составляющих.

Отдельный список ИМЛ составляют лексемы т.н. "дивергентной семантики" – речевых единиц, доказавших свое "двойное" значение и толкование в период существования двух немецких государств. Материалы журнальных статей ГДР и ФРГ 1989-1992 гг. все еще содержат такие слова, но уже заметно нивелирование оперируемых философами понятий и их постепенное исчезновение: *Agression, Annexion, Kapitalismus, bundesdeutsch, deutsche Seele*.

Правомерно в данном случае постараться дать ответ на вопрос об удельном весе ИМЛ в тексте. Некоторыми исследователями уже делались попытки ответить на этот вопрос, но не на материале лексики немецкого подъязыка философии. Так, например, класс прагмем в русском языке составляет пятую часть всего словарного состава, а во французском языке часто одному стилистически нейтральному слову соответствуют несколько слов с различными стилистическими характеристиками /Гак 1977; 99/. В нашем случае опытным путем доказано присутствие в среднем на одной странице текста двух-трех исследуемых единиц, что соответствует 0,35-0,55% от объема выборки в приблизительно 420 страниц. 417 ИМЛ, разложимых формально на оценочные слова и прагмемы, в общей массе проанализированных словоупотреблений /192355/, в конечном итоге также дают ничтожно малый показатель – 0,216%.

Данные по каждой единице приводить вряд ли возможно и целесообразно т.к. проблематичной и сложной остается сама классификация и структурирование этих единиц.

Следует сделать замечание того рода, что в структуре ИМЛ, как и ожидалось, ведущее место заняли имена существительные: (309 ед. или 74,1%). Прилагательные соответственно (69 или 16,54%), глаголы (34 или

8,15%), прочие (5 или 1,19%). На формы синтаксиса приходится 6,5% или 27 единиц.

Как уже отмечалось в начале, на выбор морфологических или синтаксических средств, наряду с субъективным характером выбора автором средств выражения, важную роль играет также и тематика журнальных статей. Основываясь на эмпирических наблюдениях, можно сделать вывод о том, что статьи по социальной философии содержат в своем составе максимальное количество ИМЛ. Это и понятно, т.к. в центре их рассмотрения стоят вопросы классов, политики, идеологии, войн и т.д. ИМЛ-историзмы обнаружены в текстах по истории философии, заимствования в разделе истории и теории культуры, библейская лексика и греко-латинские заимствования в текстах по теории и истории религии. Деление выборки на подтемы способствует решению как лингвистической задачи – оптимальному распределению участков семантического пространства – так и всего рассмотрения – наиболее качественной экспликации арсенала лексических средств идеологической маркированности.

ВЫВОДЫ

1. Проведенный частотный анализ лексики немецкого подъязыка философии позволил выделить 1994 наиболее активных единиц и сформировать на их основе базовый подъязык науки. После получения базового словаря подъязыка определены классы слов, части речи и основные лексические слои.

2. Важным моментом исследования могут послужить результаты количественного и качественного исследования "основного строительного материала" научного текста – служебных слов, которые изучались параллельно с позиций дейксиса и частей речи. Эти группировки взаимно

пересекаются; первая (дейктические средства) обеспечивает покрытие текста на 44,49%, а служебные части речи (артикли, предлоги, союзы, местоимения, местоименные наречия) дают 47,39% словоупотреблений, что демонстрирует приблизительное равенство их удельного веса при том, что используются два различных подхода при исследовании этой группы слов.

Рассмотрение четырех знаменательных частей речи (существительных, прилагательных, глаголов и наречий) подтвердило предположение о преимущественной роли существительных в структуре текста /18,19%/. Далее следуют глаголы /12,58%/, прилагательные /8,51%/ и наречия /3,75%/.

3. Изучение основных стилистических слоев показало практическое отсутствие в тексте нейтральной лексики при значительном преобладании слоя общенаучных слов как отражение взаимодействия философии с науками гуманитарного и естественно-научного цикла и аккумуляции в нем множества общенаучных элементов, предопределяющих эволюцию развития терминосистемы подязыка философии.

4. Стилистическая стратификация предполагает дальнейшую сегментацию словарного состава на тематические группы (ТГ) как функциональные инварианты, обладающие денотативным типом значения и отражающие основные логические связи в подязыке. Наиболее обширными оказались тематические группы отражающие основные категории философии или ее разделов: Оправданным можно считать членение ТГ на семантические поля, которые различаются своим объемом и тематической отнесенностью. Показатель абсолютной частоты является при этом критерием выделения его составляющих – ядра, промежуточной части и периферии.

5. Расширение социальных функций языка философии во-многом способствует качественной дифференциации синонимических и антонимических отношений. Основанные по их общим смысловым показателям синонимические ряды, наряду с нейтральными, могут включать в себя и стилистические синонимы, не совсем типичные для изучаемого подъязыка. Прагматический аспект сематики языковых знаков вносит новое в понимание категории антонимичности, отражающей в одной оболочке два разных и противоположных значения одного и того же понятия.

6. Комплексная стратификация лексики обеспечивает получение оптимальной модели изучаемого подъязыка и изучение механизмов реального функционирования лексем в речи. Методика статистического анализа применительно к изучению лексико-грамматических и стилистических слоев дает все предпосылки для успешного решения главной задачи исследования – определения места и роли идеологически маркированной лексики в философском научном дискурсе.

ГЛАВА 3. ИДЕОЛОГИЧЕСКИ МАРКИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА КАК СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

3.1. Стилистические средства создания выражения идеологической маркированности

В рамках межъязыковых ассоциаций определяется место т.н. мотивации лексических единиц. Речь идет об осознании или контекстуальном определении фонологических морфологических и семантических особенностей мотивации. Целесообразно будет привести наше понимание мотивации и определяемых ею причин образования основных структур и единиц ИМЛ.

Под мотивацией, вслед за Х. Зайфертом, мы понимаем обоснование того, почему употребляется именно то или другое слово /Seiffert 1977; 112/ и насколько составные части значения имеют самостоятельный характер или служат цели создания желаемого эффекта /Dauses 1989; 20/. Становится понятной в этой связи роль четкого соответствия внутренних формально-языковых единиц их лексическому значению. Последнее достигается как созданием социально обусловленных общепринятых объективных значений, так и мотивированным применением особенностей, функций и возможностей языковой номинации /Кияк 1988; 95/.

Такой широкий подход действительно оправдан природой номинации, нашедшей свое отражение в двух лексико-семантических сферах - словообразовании и семантике. Использование принципа мотивации дает исследователю возможность рассмотреть ИМЛ как с точки зрения словообразовательных процессов, так и в плане семантики. Обладать мотивировкой могут, как известно, слова, сами содержащие новые значения в широком смысле слова, а не те, из которых они развились. Таким образом, нижеследующее рассмотрение ИМЛ в плане структуры

и семантики будет построено не только в плане короткого диахронического развития, связанного с существованием в Европе в течение 40 лет двух немецких государств (социолингвистический анализ), но что более важно, в синхронном плане с точки зрения мотивации и общественно опосредованного переноса значений.

Прежде чем перейти к непосредственной классификации и рассмотрению основных путей образования ИМЛ, оговоримся об ограниченных возможностях фонологической мотивации, которая хоть и существует, но вбирает в свою суть слова, образованные на основе звукоподражания. Последние, как показали статистические исследования, относятся к нейтральному слою лексики и в абсолютной массе слабо представлены в лексике подъязыка философии. Даже применительно к другим стилям речи (разговорный, литературный и т.д.) такие лексические единицы носят случайный характер, а в плане мотивации ограничиваются взаимодействием отдельных гласных или согласных звуков для создания звукоподражательных эффектов: *klirren*, *brummen*, *gumpeln*.

Другое важное замечание касается мотивировки применительно к ИМЛ, а именно, тенденции самостоятельного семантического развития целого, способного в условиях существования различных философий и взглядов привести к затемнению мотивации или к т.н. демотивации или идиоматизации. Полярность между мотивацией и идиоматизацией, по мнению В.Фляйшера, определяет развитие и использование всех морфологических конструкций /Fleischer 1975; 13/.

Морфологическая мотивация построена по смысловому признаку, когда составные части, например, сложного слова или само слово употребляются говорящим в стремлении показать более или менее завуалированно связь значения всего знака с одним из его важных (с точки

зрения автора сообщения) компонентов. Это взаимоотношение будет немотивированным до тех пор, пока слово не станет самостоятельно действующей частью внеконтекстуального значения и будет таким, пока оно ново и непривычно.

Мотивация может происходить на основе распространенных словообразовательных моделей. Например, суффиксов -ie,-ieren (Philosophie, philosophieren),-heit (Freiheit), -er,-in (Leser, Leserin). Иными словами, тем кому знакомы лексемы Philosoph-, Les-, frei-, а также морфемы -er,-ie,-in,-heit могут эксплицитировать самостоятельно значения новых слов. Конечно, далеко не все исследуемые объекты просто получают из суммы мотивации указан ных лексем и морфем, но общая схема верна и для ИМЛ.

При с л о в о с л о ж е н и и происходит приблизительно тот же процесс мотивации, как в случае с лексемами Wahrheitstheorie, Rechtswahler, Lohnarbeiter, Zweidrittelgesell schaft и т.д. Новое значение сложного слова вытекает из значений слов его составляющих, но и здесь могут быть отклонения от общих правил. Сравн.: Schwarz-Weiß-Technik, Neufunfland и др.

При мотивации словосложения как одного из самых продуктивных способов словообразования вообще, и ИМЛ, в частности, трудно, а иногда невозможно объяснить значение вновь образованных слов. Это толкование ограничено исходными словами, а их первичные значения могут быть выделены только в результате комплексных сравнительных исследований. На основании этого может быть сделан вывод о том, что в принципе нецелесообразно понимать смысл композита как сумму двух исходных значений. Наоборот, сложные слова следует воспринимать как целое, имея в виду, что при образовании его используются "не совсем адекватные элементы", что в конечном счете было мотивировано уже

стилем и прагматикой изложения и коммуникативными намерениями автора. Мотивированность композитов в принципе излишня, т.к. сама схема или модель их образования уже мотивирована грамматическими правилами, а значит, направлена на создание определенного элемента сложности и научности. При изменении некоторых параметров, например, указателя на разговорный стиль речи эти условия не сохраняются (Erdteil - Kontinent).

Семантическая мотивация является еще одним способом переноса значения в области семантики и осуществляется в основном двумя путями: через метафоризацию и метонимизацию. Оба способа обладают сходными механизмами переноса значения.

Развитию экспрессивных качеств в семантике слова служит и его метафоризация, строящаяся, как правило, на основе образа. Несмотря на строго регламентированный характер научной речи, она все же не лишена такого рода средств: Siebenmeilenstiefel, Ideennirvana, Nebel von Begriffen и т.д. Образным может считаться слово или выражение, с которым связаны представления общие для коллектива говорящих на данном языке (подъязыке) т.е. узуальные /Лукьянова, Черемисина 1986; 266/.

Если речь не идет о литературных или редких метафорах, таких как, unser Kunde ist König, а взятых из повседневной жизни (gackern - schwatzen) и встречающихся даже в научном тексте не следует переоценивать их этимологическую мотивированность. Скорее всего это надо объяснять с точки зрения стилистического эффекта, т.е. отклонения от нормального словоупотребления в той мере, пока они не стали нормой языка.

На абстрактном уровне значения специфические элементы таких метафор просматриваются не очень отчетливо и выступают в качестве

сниженного (маркированного) аспекта в известной мере противопоставленного денотативному. Такие метафоры отличаются своей контекстуальной и ситуативной обусловленностью: *Gerüchtesuppe*, *Kommunistenschweine*, *Folterstube der deutschen Gastronomie*.

В последнее время подмечена тенденция, характерная для всего немецкого языка в использовании в качестве метафор традиционно не только существительных, но и глаголов: *Das Unternehmen schreibt rote Zahlen*. *Wir öffnen unser Berlin-Tagebuch* и т.д. Такое расширение метафорических средств довольно оправдано. На наш взгляд, использование глагольных средств способствует оживлению текста и может быть отнесено к средствам экспрессивного употребления, как, например, в следующем заголовке: *Mutter Erde sagt: Vater Rhein stirbt*.

Рассмотрение формы и значения в сочетании с психологическим аспектом позволяет говорить об общественной мотивации или т.н. общественной этимологии. Понятие общественной мотивации вообще применимо к большинству единиц языка. Это вдвойне верно и для маркированной лексики и сходным с ней образованиям (политическая фразеология и т.д.). Дж. Лич /Leech 1974; 16/ понимает под такой мотивацией стилистически аффективное значение, указывая на различные социальные факторы: пол, диалект, архаичность или неологичность, общественную позицию говорящего или пишущего. В более широком смысле мотивированность знака может быть рассмотрена в контекстном окружении или тексте, но это является уже предметом отдельного исследования.

Суммируя вышесказанное, можно вывести еще одно объяснение: природа маркированности кроется во внеязыковой природе ассоциаций, когда некоторые компоненты значения вовсе не принадлежат самому значению. Отсюда все языковые реализации исследуемой нами ИМЛ

следует рассматривать как отражение нерегулярного характера или контекстуального смысла с целью достижения необходимого прагматического эффекта.

Образность как семантическая категория несет в себе единство противоположных значений. Бесспорным является так же факт того, что в основе образного значения должен лежать образ как целостное и наглядное представление о реальном объекте. Однако не всякое представление, связанное со словом является образом. Под словом, как известно, подразумевается целый класс однородных предметов и что оно является типизированным представлением, с которым носители языка соизмеряют объекты, подлежащие обозначению в речи. В коллективном же сознании существуют эталоны образов на основе повторяющихся моделей, одновременно могущих быть и глубоко индивидуальными, так что ни одно из представлений не может быть более "правильным" чем другие.

Окончательная экспрессивность слова определяется контекстом. Сравнение, наряду с метафоризацией, является одним из средств конкретизации эмоций, усиливающих их отображение в тексте: *Philodox, Freund der bloßen Meinung*. Научный контекст не является исключением для использования средств такого рода. В качестве объекта сравнения используются самые разнообразные предметы и явления действительности, а также слова их обозначающие и содержащие семантические признаки, коррелирующие со смыслом метафорического слова: *polemische Feder, atemraubende Logik*. Оттенок уничижительности даже по схожести отрицательных фактов и их оценки в разных языках передается различными способами, в том числе и разным характером и степенью образности /Кусков 1990; 126/: *Schaumschlagerei, Gleichmacherei*.

Проанализировав приведенные примеры, мы замечаем, что все они объединены и связаны отношением к тому или иному образу. Само

понятие "образности" как семантической категории еще не получило достаточного и полного толкования. Интерпретация его через признаки типа "яркий", "наглядный" и проч. не достаточна, поскольку понять специфику образных слов значит соотнести их с другими экспрессивными средствами, дополнить пониманием природы их мотивированности.

Наиболее универсальной схемой для упорядочения лексических средств в экспрессивно-оценочном словоупотреблении является распределение их по основным прагматическим функциям. Эти функции соответствуют общелогическим оппозициям, сложившимся в структуре человеческого интеллекта (антиномии, апории, апостериори и априори, законы диалектики и др.). Как видно, в большинстве своем это философские категории и методы, дающие ключ к изучению лингвистических проблем и, в частности, вопроса системности в языке, а также лексической закрепленности его прагматических установок.

Стилистическая стратификация лексики позволяет выделить под этим углом зрения среди ИМЛ их подвиды: оценочно-референтные слова и прагмемы. Последние представляют собой сращение значений, когда предметный и оценочный компоненты оказываются как бы жестко связанными в условиях специфической прагматической ситуации, определяемой идеологией автора сообщения /Эпштейн 1991; 31/. Сравн.: *Planwirtschaft - Wildwirtschaft* (о двух путях развития экономики).

Вопрос о стилистической дифференциации ИМЛ может быть поставлен как проблема тех особенностей, которые приобретаются словом вследствие их предпочтительного употребления в определенных сферах и областях человеческого бытия /Разинкина 1972; 11/. Разграничение смыслового содержания семантики факта выражения и сопровождающих это содержание разного рода экспрессивно-

эмоциональных оценочных моментов является основой для изучения эмоциональности как одной из важнейших сторон всего стилистического рассмотрения /Гвоздев 1955; 12/.

В концептуальное пространство стилистической маркированности включаются преимущественно все основные категории стилистики: экспрессивность, образность, выразительные средства языка, стилистические приемы и т.д. /Ирисханова 1990; 10/.

Не преувеличивая роли всего эмоционального значения, необходимо указать на многосторонность и недостаточную четкость этого объекта, которые еще раз подтверждают мысль о том, что "большей точности и определенности значения соответствуют наименее выраженная экспрессия и обратно" /Томашевский 1959; 21/.

Экспрессивность как повышенная выразительность речевых единиц заключается в добавочной информации эмоционального и оценочного планов, являясь также семантико-стилистической категорией она может выражать отношения субъекта речи к окружающему миру, а само наличие экспрессии в анализируемых нами научных статьях понимается как неотъемлемая часть функционального изучения подъязыков /Гнатюк 1984; 3/.

Свойственные словам как единицам языка оценочность, эмотивность и образность при высокой вариативности средств выражения делают речь индивидуальной, в то время как коннотативный аспект слова является социально закрепленным и общим для значительной группы носителей языка, прямо или косвенно указывающих на сферу применения языка или его подсистемы, в частности подъязыка науки.

На этом основании в разряд ИМЛ попадают стилистически окрашенные единицы, которые несут в себе эмотивный заряд: *abspeisen, ausfechten, feuern, kraß, verklären, Rüstungstaumel*.

Общей для них будет выразительная сила слова, заключенная в различных по семантике и структуре стилистических фигурах. Нейтральный тон научного текста служит при этом не последним обстоятельством, направленным на распознавание и выделение субъективного характера оценки заложенного в этих средствах.

Иногда оценки могут нести ярко выраженный классовый характер, позволяя выявление индивидуальных авторских особенностей проявляющихся в избирательности объектной конкретизации, типичных для изданий "левого" направления в сочетаниях типа: *Allmacht marxistischer Lehre, Wolfsgesetz des Kapitalismus, schicksalvoller Wendepunkt, Schlammflut des Völkerhaßes* и т.д. Эмотивная лексика из-за многообразия коммуникативной деятельности неравноценна по способам выражения эмотивных смыслов. Можно предположить, что и степень воздействия на содержание текста будет различной. Учитывая наличие в словах множества сем эмотивности, еще до текстового анализа можно предположить наличие лексических связей этих слов и возможность объединения их в общие смысловые комплексы /Бабенко 1988; 14/.

В подязыке философии были обнаружены глаголы с не совсем типичной для него семантикой "одушевленности" в обозначении актуальных процессов действительности. Как результат, мы имеем более широкую палитру тонов и оттенков, значительно повышающих эффективность восприятия информации: *entspringen, eindeutschen, erdiskutieren*.

Процесс идиоматизации или демотивации предполагает выход на первый план слов, обращающих на себя внимание не только внешней формой, но и имплицитной оценкой по отношению к внешнему миру: *schmackhaft machen, unser Mann, Schokoladenseite*.

Имея почти одинаковую референтную соотнесенность, эти два слова выражают противоположные отношения к данному объекту (понятию), а идеологическая маркированность здесь очевидна, как непреложно и слияние предметного и оценочного компонентов в следующих лексемах: *schwarzer Kanal*, *schwere Brocken*. Возникает вопрос, какая же сумма факторов влияет на такое употребление? В первую очередь сюда относятся особые механизмы словообразования в немецком языке и прагматические регуляторы, действующие в условиях философского текста. Наиболее распространенный среди проанализированных нами лексем процесс "опредмечивания" оценочности проявился в выделении целых групп слов. Основанием для их вычленения стали семантико-словообразовательные модели с особыми дифференциальными признаками, S + (- Gen. или von Dat.) + S, где S - существительное. Например, *Dunstkreis der Macht*, *die Weite des Globus*, *Martyrer der Friedensidee*, *Evangelium des Krieges*, *Mandat des Himmels*, *Gespinn von Utopien* и т.д.

Достаточно распространенной является модель (A + S), где A - прилагательное, а S - существительное: *vulgärer Relativismus*, *bittere Erfahrung*, *nackte Wille*, *schlichtes Plädoyer*.

В указанных моделях один из компонентов сочетания содержит предметное значение, которые в сочетании с абстрактным при всей невозможности подобного слияния как раз декларируют оценку автора сообщения и придают конструкции устойчивость, на основании чего они могут считаться в некотором смысле идиоматичными: *Fahne der Freiheit*, *Quadratur des Kreises*. Однако есть и такие, которые носят нерегулярный характер, а значит маркированы ситуацией общения и рамками контекста.

Отдельные прагмемы представляют собой сложные синтаксические образования и могут служить заголовками или использоваться в качестве

емкой и убедительной пропаганды концептуальных положений, являясь по сути сжатым свернутым суждением: *Unser Denken ist ein Werkzeug*.

В последнее время термин перестал быть принадлежностью одного языка науки. В некоторых случаях такая законодательная строгость термина может снижаться. Это происходит при введении термина в специфические контекстуальные условия, характеризующиеся сужением или расширением значения с целью описания определенных теоретических ситуаций. Такое употребление наиболее типично для научных докладов, статей и характеризует термин как инструмент научно-технической революции.

Размытость границ термина характерна не только на синтагматическом, но и на парадигматическом уровне. Существующие синонимические и антонимические ряды, профессиональные жаргонизмы в силу своих экспрессивных качеств уводят термин от его главного качества свойства эталона. Использование термина в экспрессивном употреблении является удобным, однако, достаточно специфическим способом выделения и своеобразным источником повышения средств образности в письменной речи (статьи, доклады, сообщения и т.д.)

Наивысшим уровнем снижения терминологических свойств является сфера научно-популярных текстов как жанра научной литературы. Здесь с целью создания определенного рекламного эффекта термин помещается, казалось бы, в невозможное окружение. Существовая в рамках этого уровня, термин превращается в важный и компактный элемент - носитель научно-технической информации. Примеры этого можно найти и в подязыке философии: Gesellschaftstechnik по типу Biotechnik Vereinigungsinstrument, Universum der Bedeutungen, Klassenprofil.

Экспрессивность "иностранного" термина в философском тексте не может рассматриваться как постоянное явление. Во-многом их

экспрессивность интенсифицируется благодаря способности к универсализации терминологических ЛСВ значения с последующим вхождением экспрессивного слова в норму общеупотребительного языка: *Glasnost - Phrasnost, Perestrojka - Katastrojka*.

Изменения в семантике термина приводят к общему снижению частотности употребления на фоне общеупотребительных слов. С другой стороны, движение термина от ядра к периферии увеличивает объем сферы его употребления с поэтапным накоплением нетерминологических черт специальной лексикой. Ядро - термины с ведущей семой по тематической принадлежности, являются во многом идеальной сферой и при этом функционально ограниченной. Таким образом, изменение функциональных сфер и общих свойств термина еще раз доказывают его мобильность, которая в конкретных условиях научно-философского текста способствует творческому переосмыслению отдельных теоретических фактов, вплоть до использования этой лексики в ее экспрессивно-оценочной функции, что характерно теперь и для подязыков науки: (*Dampfkraft*): *mit Hochdruck arbeiten - aus allen Kräften arbeiten*; (*Bauwesen*): *einen Dachschaden haben geistig beschränkt sein*.

Заемствованный фразеологический греко-латинский фонд в настоящее время претерпевает значительные изменения, связанные в первую очередь с процессами, протекающими в мире независимо от направлений и тенденций: *gemeinsames europaisches Haus, simple Machtwechsel, Go-in, social ranking* и т.д.

Использование таких выражений безусловно характеризует научную речь и квалифицирует их как неперемный научный атрибут, указывающий также на область или сферу деятельности, а также на значение и коммуникативные ожидания реципиента.

Современные исследования свидетельствуют о том, что многочисленные вопросы восприятия иностранных слов требуют особого дифференцированного подхода. Это касается прежде всего немотивированности их морфологической и семантической структур /Gauger 1970; 90/. Наоборот, многие лексемы немецкого научного текста являют в себе образец опосредованно выраженной прозрачности и доверительности особенно при словосложении: *Appeasmentpolitik*, *Techs und Ekos*, *Pressezar* и т.д.

Англо-американские заимствования, наряду с бытовыми, могут содержать открытые идеологические коннотации с целью показать проивоположный характер идеологии западного мира: *High-Society*, *KongreB-Lobby*, *Manager*, *Gewerkschaftsbosse* и т.д.

Использование других стилистических потенциалов придает тексту немалый экспрессивный заряд. Сюда могут быть отнесены и с т о р и з м ы и н е о л о г и з м ы , очень разнообразные по своему составу. Наиболее заметными будут слова, происходящие из античных мифологий, древнегреческой и римской философий, военного дела, а также лексика, связанная с выдающимися периодами в человеческой истории, как то Эпохи Возрождения и Просвещения, Великой французской революции, Октябрьской революции в России.

Особый интерес представляет библейская лексика, претендующая сама по себе на отдельное рассмотрение т.к. развитие философии долгое время шло в русле религиозных традиций *Gottheit*, *Hochstes*, *Gottlose*, *Christentum*, *Geist* и т.д.

Н е о л о г и з м ы как новые словообразовательные смыслы свойственны, в первую очередь, социальной философии с ее политической и социально-экономической тематикой: *Teamwork*, *Lobbysierung*, *Marktchance*, *Topos* и т.д.

Средства идеологической маркированности могут приобретать различные приемы выражения (Ab- und Ausgrenzung). При этом преследуется цель придать тексту или фрагменту отклонения обращающие на себя внимание читателя. Текст в этом случае опирается на стандартный синтаксис, а основной упор делается на словоупотребление.

Особым приемом создания элементов научности является использование фразеологизмов, что находится за пределами нашего исследования. Среди экспрессивных фразеологических средств, применяемых в научных произведениях, могут быть поставлены цитаты классиков. Затем идут цитаты из религиозной литературы, в первую очередь из Библии. Завершают этот список названия книг, статей, другие фразеологические собственные наименования.

Известно, что научный текст представляет собой особую возможность для цитирования и использования цитат в качестве аргументативного материала. Цитаты при этом представляют собой особую утонченную и замаскированную форму опосредованности, характерную для всех стилей речи и жанров. Сила воздействия цитат, а также функционирование пословиц и поговорок придает высказыванию нужную тональность и форму, выделяющие различные оттенки чувств, аргументацию, толкование, характеристику и т.д.

Экспрессивное выделение в научном тексте направлено прежде всего на акцентирование внимания на определенную информацию или прагматический эффект. Идеино содержательная цель, сопровождаемая экспрессией, позволяет определить некоторые другие не особенно распространенные виды стилистического выдвижения: сцепление, повторы, эффект "обманутых ожиданий" /Арнольд 1981; 61/.

Требования доказательного ведения научной дискуссии вовсе не исключает в известной мере компрессии при аргументации. Наоборот,

прагмемы в философском тексте позволяют сократить этапы рассуждения и сделать научную коммуникацию более экономной и содержательной. Освоение механизмов такого общения ставит задачу овладения экспрессивными средствами языка с одной стороны, и навыками декодирования с другой. Составляющие этого процесса: виртуальность, и схематичность представляют собой определенную основу в области манипулирования общественным сознанием в сфере идеологии. Среди наиболее распространенных приемов выделяются клише и тривиализация.

Политически действенным, как известно, слово становится в случае демонстрации его "псевдонаучного" характера. Суть клише и состоит в том, что одно понятие усваивается легче, чем два или несколько. Эта языковая и мыслительная операция в лингвистике и некоторых других областях становится своеобразной моделью, однако, не гарантирующей полностью, что все клише построены по этому принципу. Очевидно, при этом, что клише объединяет общее для всех них качество доступного и изменяемого.

Одним из первых случаев применения клише в немецком языке стали понятия "deutsches Blut" и "Deutschtum", в завуалированной форме, показывавшие авторское отношение к вопросам истории, тождества народа и государства, взаимоотношений классов и общества.

В некоторых текстах по философии нами были замечены оперирование такими экономическими понятиями как "*Erzeugung*", "*Erzeugnis*" и "*Produktion*" в общем для них значении "производство", не давая при этом какого-либо более-менее определенного толкования. Использование такого большого числа различных обозначений, объединенных общим понятием "материальная база" служит лишь одной цели доказать, что все общественные отношения, а именно, дух, идея,

потребности определяются способом производства, т.е. базисом. Это клише как бы проецирует отраженные в нем идеологические установки и коммуникативные намерения автора.

На этом основании можно заключить, что клише является скрытой формой упрощения средств описания /Stern 1972; 260/, но не всякая такая форма может считаться клише, а лишь те образные, которые из-за практического подхода в ряде случаев "затемняет" специфический денотат и, таким образом, умышленно изменяет его суть: *Oder ist es der Rausch des theoretischen Ratsels, das Staunen angesichts des Paradoxons, was sie mit diesem Wortopium ohne Hand und Fuß, mit dem sie am Unsagbaren entlangmanovrieren, nachzuahmen versuchen* (12; 10).

Упрощения разного рода делают описываемые предметы и явления не только нагляднее, но и изменяют его качества. Денотат при этом становится более доступным в восприятии, а его прежняя широкая многоплановость теряется. Это касается преимущественно научных понятий, выступающих в тексте как клише.

Анализ показывает, что клише представляют собой социально опосредованные фигуры. Они в известном смысле "тенденциозны" т.е. при их использовании в речи доминирует цель, декларирующая идеологические устремления автора. Механизм клише направлен на изменение свойств описываемого денотата, в конечном итоге, с целью влияния и манипулирования адресатом.

Все более заметной формой реализации ИМЛ на уровне синтаксиса стало явление тривиализации структур речи, понимаемая в широком смысле слова как особая техника, направленная на непрерывное воздействие на сознание слушателя или читателя и встречающаяся там, где степень рациональности системы не превышает определенного критического уровня, при котором тривиальные

конструкции легко воспроизводимы по причине недостатка социальной интеракции /Kock 1972; 297/.

Цель воздействия на тривиальное упрощенное сознание при манипуляции связано с уменьшением реального времени на обработку информации с последующим ограничением самого сознания и его стереотипизацией. В языке это явление имеет свои сходные аналогии такие как, например, провинциализмы, локализмы и т.д. При этом механизм тривиализации позволяет в процессе сознания включать те или иные поведенческие схемы и необходимость переноса особого внимания на стереотипизированные понятия с целью выработки определенной модели поведения и изменения соответствующего представления о том или ином понятии у человека.

Конкретные примеры тривиализации могут быть найдены и в философской литературе последних лет, когда образцы научной мысли (текст) отражают принятые в данном социуме общественные нормы, одобренные большинством. Достижение этой цели сопровождается завоеванием "демократическим способом" сознания большинства не затрачивая при этом каких-либо усилий, а наоборот, умышленно снижая планку рационально необходимого даже в части самого примитивного сознания /Seiffert 1993; 52/.

Практика идеологизированной тривиализации направлена не на активизацию и включение новых регистров сознания, а на достижение их пассивности состояния безразличия. Любая тривиализация сообщения в ее ориентации на реципиента в конечном итоге касается и служит манипулированию общественного сознания. В нашем случае это явление особенно отчетливо прослеживается в борьбе философских концепций в период существования двух германских государств в форме двух подязыковых вариантов.

3.2. Отражение дивергентных и конвергентных процессов в лексике изучаемого подъязыка

Язык философии как самостоятельный концептуально и ситуативно обусловленный способ идеологического содержания в условиях уменьшения социальных антагонизмов, нивелирования позиций и политики сотрудничества, представляющих их сил, притягивает к себе особое внимание лингвистов не только с точки зрения специального (профессионального) вокабуляра, но и как среда существования т.н. "бризантных" слов, понимание которых связано с прямым осознанием всего социального контекста.

Интересно будет проследить основные этапы становления подъязыка философии в немецком языке. Его развитие и формирование терминосистемы происходило с заметным опозданием после формирования аналогичных систем в английском и французском языках. Это было связано с запаздыванием развития в Германии, т.к. в результате поражения крестьянского восстания она на 200 лет была вычеркнута из списка политически активных наций Европы /Энгельс 1949; 94/. Раздробленная Германия и в области философии еще долгое время оставалась отсталой страной.

Подавляющая часть немецких философов 17-18 вв. оказалась под влиянием идеалистических взглядов, а немецкая философия конца 18 - начала 19 вв. отразила страх немецкого дворянства и части буржуазии перед революционным ниспровержением феодальных порядков.

С развитием капитализма в Германии стал всё более заметен раскол в идеализме, что привело к появлению новых философских течений, увеличению философской литературы, совершенствованию

понятийного аппарата, созданию современной терминосистемы и оформлению философии как науки.

Марксистский этап развития философии в Германии, связанный с именами К. Маркса и Ф. Энгельса ассоциируется с материалистическими и антибуржуазными взглядами. Приблизительно в это время появлялся целый ряд новых философских направлений /Ф. Меринг, А. Бебель, К. Либкнехт, а затем Ф. Ницше, М. Хайдеггер и др./.

На этом основании изучение современного состояния немецкого подъязыка философии возможно только с учетом его исторического понимания. Это еще одно доказательство того, что раздел Германии на два немецких государства с их противоположными идеологическими ориентирами сказался и на сфере лексического употребления в немецком подъязыке философии, ограниченного не только западным миром, но и распространившимся и на бывшую ГДР. Большую роль при этом сыграло англо-американское влияние в западной части, прежде всего, применительно к специальной терминологии, не обошедшей своим влиянием и восточную Германию, в первую очередь, благодаря средствам массовой информации. При всем влиянии советской идеологии, зависимость от русского языка считается ограниченной и распространяется в основном на область заимствований: *Kreml, Sowjet, Bolschewiki, Kolchos, Sputnik, Datscha* и определяемая немецкими учеными как "слова-цитаты" из языка агитации и пропаганды /Dieckmann 1975, Polenz 1978, Reich 1968/ и свойственные в равной мере напряженному этапу в отношениях между ГДР и ФРГ.

Другую большую группу слов языка ГДР составляет лексика, отражающая социалистические преобразования и перешедшая в узус вместе с соответствующими понятиями. Большинство из них имеет

греческий или латинский корень: *Diversant, Kursant, Aspirant, Kollektiv, Kombinat, Agronom* и т.д.

В качестве интересной особенности послевоенного состояния языка может быть отмечено европейское выравнивание /Korelen 1967; 38/, возникшее на основе широкого взаимодействия и трансформации терминологии и общенаучных слов длительного периода, начиная от Великой Французской революции, расцвета немецкой классической философии и марксизма. Особенно это характерно для формирования терминологического пласта лексики, проникшего и адаптировавшегося в состав общенаучной.

Нельзя не отметить и дивергирующих процессов в обозначении одних и тех же понятий на уровне общенаучной лексики. Сравн.: Astronaut - Kosmonaut, Gestirne - Weltall, Meeting Massenversammlung, Dispatcher - Betriebsfunktionar mit Kontrollaufgaben.

Кажущаяся легкость подобного рассмотрения на деле оказывается довольно сложной задачей исследования ситуаций, при которых лингвистическая единица – слово – играет роль в политике /Klein 1989; 4/. Дивергентные процессы год от года все больше стали сказываться на появлении новых слов в сферах общественного и идеологического употребления. Было отмечено, что к началу 60-х годов уже каждое двадцатое слово содержало различия в семантике слова, а каждое сороковое и грамматические различия /Betz 1964; 178/. Существовала опасность толкования немецкого языка как языка-омонима в двух различных государствах.

"Холодная" война наложила отпечаток избирательности и при редакции лингвистических словарей /Korelen 1979; 75/. Внимание лингвистов было направлено также на работу по очистке своего языка в ГДР /Weißkopf 1962, Klemperer 1966, Schippan 1968/, в ФРГ Sternberger,

Storz, Süßkind 1968/. Отмечалось наличие "партийного жаргона" в советской зоне без объяснения его с лингвистической точки зрения, а только лишь политической подоплекой /Dieckmann 1967; 137/.

Проведенные исследования показали рождение новых слов, изучение которых проводилось обособленно друг от друга. Учеными было отмечено появление новых слов общественно-политической жизни, изменивших свое прежнее понятийное содержание /Ihlenburg 1964/. Несмотря на все эти изменения, можно сказать, что немецкий язык остался целостным и опасения о его расколе /Mackensen 1971/ или обособлении /Moser 1967/ не оправдались.

Межличностные отношения в области религии и идеологии стали характеризоваться еще и завуалированными языковыми формами. Для этого этапа развития немецкого языка в 70-е годы стали характерны модификации этих отношений, получившие название м а н и п у л и р о в а н и я языкового и всего общественного поведения, в рамках которого и существуют манипулятор (индивид, институт, коллектив и т.д.) средство (канал), и манипулируемый ("мишень"). Существующая двусторонняя связь действует как в интересах манипулятора, так и в интересах манипулируемого. В конечном итоге, мы получаем зависимость, характеризующуюся осознанием "правил игры" и критической интерпретации оценок, находящихся в центре манипуляции самих "мишеней".

Таким образом, манипуляция означает одностороннее выгодное только одной стороне использование техники подачи видимо честных и беспристрастных фактов с целью искаженного и неадекватного поведения реципиента. К этой схеме, наряду с ее постоянными составляющими, могут быть прибавлены и некоторые переменные, определяемые

специфическими условиями коммуникации в конкретной языковой ситуации.

В официальном языке ГДР нашли свое отражение кальки из русского языка: *Perspektivplan, Kulturhaus, Held der Arbeit, Tag des Grenzsoldaten* или заимствования значения: *Akademiker, parteilich, aufklären*. Заимствования наблюдаются также на уровне синтаксиса общественно-политического и научного текста: *im Ergebnis von..., mit ... an der Spitze*.

Широкое использование притяжательных прилагательных в роли определения в значительной мере объясняется влиянием русского языка: *friedliebende Kräfte* вместо *Friedenskräfte, sowjetische Menschen* вместо *Sowjetmenschen* и т.д. Это явление в принципе противоречит стремлению любого языка к экономии, а формы сложных существительных в коммуникативно-прагматическом плане становятся специфическим элементом идеологического текста.

Влияние революционного пафоса немецкого революционного движения породило существование многочисленных агитационных эпитетов, перешедших позже в отдельные образцы философской мысли пролетариата : *heroisch, stolz, groß, ruhmreich, hervorragend, flammend, schöpferisch, bruderlich, leidenschaftlich, kämpferisch* и т.д. Что касается современного состояния этих слов, то их, вероятно, следует квалифицировать как специфические историзмы, равно как и некоторые существительные: *Patriot, Bastion, Banner, Kampagne* и др.

Говоря о стиле языка агитации и пропаганды, можно говорить об их параллельном развитии в ГДР и ФРГ под воздействием двух идеологий. Возвышенный стиль нашел свое отражение после раздела Германии и образования двух немецких государств в 1949 г.в много численных призывах ко всем немцам к их единению: *Verbundenheit, verlorene Heimat, Bruder und Schwester jenseits eisernen Vorhangs* и т.д. Как отмечалось выше,

смешение стилей и широкое использование оценочных архаичных с современной точки зрения лексических единиц, направлено на достижение определенных прагматических намерений.

Существующая разница между восточно-германским и западно-германскими языковыми средствами ведения общественно-политической полемики нашли свое выражение и в подъязыке философии. Как в одном, так и в другом вариантах, есть большое количество ИМЛ, обозначающих социально релевантные понятия, но имеющие различную звуковую (графическую) оболочку: (ГДР) *Kriegsbrandstifter, Militarist, NATO-Bischof, Spalter, Revanschist, Ultra*; (ФРГ) *Machthaber, Marionettenregierung, moskauhörig, Schandmauer, Linientreuer, Satellitenregime* /Schmidt 1972; 36-40/.

Различия в употреблении этих слов определяется многоплановостью их происхождения и частотностью употребления в текстах различных жанров. Так, в ГДР средства научной коммуникации не всегда преследовали цель отделить идеологически маркированные единицы от предметного рассуждения /Rohl 1990; 83/, в то время как в ФРГ и других странах Запада, делались попытки различения такого словоупотребления и даже его ограничения. Этим, по мнению западногерманских философов, достигается тоже очень важный идеологический эффект – эффект аполитичного и надпартийного рассуждения, ставящего своей задачей привлечение на свою сторону самые широкие слои общества /Polenz 1978; 179/. Вот почему даже самое беглое сравнительное прочтение философских текстов обеих систем позволяет заключить наличие двух стилистических вариантов немецкого подъязыка философии, причем в понятие "варианта", мы вкладываем особенно объемный смысл, начиная от тематики жанра, хронологического отрезка времени, в котором появляется тот или иной философский текст.

Вышеуказанные обстоятельства позволили сделать вывод о существовании различных "коммуникативных сообществ" /Hartung 1974, Fleischer 1978/ и различий в лексическом составе языка, насчитывавшем около 24 тыс. слов, употреблявшихся иначе /Zeit 1983; 8/.

Семантические дифференциации в области политики и идеологии, зафиксированы также и в лексикографических источниках. Проанализированные Х. Мозером /Moser 1962/ два словаря К. Дудена /Duden, Rechtschreibung der deutschen Sprache und der Fremdwörter, (15.Aufl.) Mannheim 1961 и Der große Duden, Leipzig 1957/ позволили вывести основные словарные различия, определяемые контекстом существования двух идеологий:

1. расширение дескриптивного значения

DUDEN WEST (1961)

DUDEN OST (1957)

Blasphemie

<p><i>Gotteslasterung; verletzend Äußerung über etwas Heiliges</i></p>	<p><i>Beschimpfung, Verhöhnung v. Personen, Überzeugungen und Bräuchen, die allgemeine Verehrung genießen</i></p>
--	---

Из примера видно, что в восточногерманском Дудене значение слова *Blasphemie* из религиозной сферы была расширена на нерелигиозную. В случае со словами *Kapitalismus*, *Pazifismus*, *Determinismus* и др. можно наблюдать сужение значения как средство уточнения. В соответствии с позициями марксизма-ленинизма, словарная дефиниция понятия "Überebau" в восточногерманском Дудене была буквально взята из К. Маркса /Marx, K. und Engels, F., Werke Bd. XII, S.9/:

Duden West (1961)**Duden Ost (1957)****Überbau**

<p><i>vorragender Oberbau, Schutzdach, Rechtsspr.: Bau über die Grenze</i></p>	<p><i>die aus einer bestimmten ökon. Basis sich ergebenden polit., jurist.,religios., kunslerischen und philosophischen Ansichten der Gesellschaft einer Epoche und die ihnen entsprechenden Institutionen</i></p>
--	--

То же характерно и для слов "Imperialismus", "Demokratie", "Proletarier", "Bourgeoisie", "Materialismus" и др.

Другой заметный класс семантических различий касается т.н. эмотивного значения слов, использующихся в положительном или отрицательном значениях:

Duden West (1961)**Duden Ost (1957)****westlerisch**

<p><i>(betont) westlich eingestellt</i></p>	<p><i>westeuropaischen politischen, wirtschaftlichen und kulturellen Einrichtungen sowie An- schauungen (kritiklos) zugeneigt</i></p>
---	---

Revisionismus

<p><i>Streben nach Anderung eines bestimmten Zustandes oder Programms</i></p>	<p><i>das Streben nach Anderung eines Zustandes oder eines Programms ; dem Reformismus entsprechende, den Marxismus entstellende Strömung in der Arbeiterbewegung</i></p>
---	---

Анализ дифференциаций обоих словарей показал различия не только в значении слов, но и в словоупотреблении. Изменения в словоупотреблении приводят к тому, что отдельные слова исчезают из употребления. В ОстДудене отсутствуют идеологически неприемлемые слова, один из компонентов которых содержит идеологически маркированные семы, вызывающие отклонения от "правильного" партийно-философского толкования: *Volksglaube*, *Volksempfänger* и т.д. Исключено также слово "Stand", его место в Ост-Дудене занимает слово "Klasse".

В Вест-Дудене такие слова как *Klassenkampf*, *klassenverbunden*, *Monopolherr*, *Werkstätige* используются все реже, а такие как *Vereledung*, *Volksdemokratie* или *Monopolkapitalismus* отсутствуют вообще.

Несмотря на все преимущества диахронного исследования лексики, синхронный аспект рассмотрения в нашем случае обеспечивает учет факторов и условий, влияющих на реальное словоупотребление. Действительно, существующие диахронические подходы в исследовании морфологии и синтаксиса научного текста слабо поддаются структурированию, а проводимый в нашей работе анализ лексики периода существования и объединения двух немецких государств охватывает хотя и интенсивный, но все же сравнительно небольшой отрезок времени с 1989 по 1992 год. Однако и он не может полным образом дать полной картины лексических процессов того времени во всей их сложности и противопоставленности. Поэтому в описании ИМЛ все отмеченные нами методы анализа обязательно следует дополнить иллюстрацией социолингвистической ситуации в контексте интеграционных процессов в современной Германии.

Как известно, политическое объединение Германии способствовало полному решению проблемы "внутринемецкого выравнивания" и языковой конвергенции. Диффузные процессы взаимопроникновения

лексики протекают постоянно и независимо от воли людей. Большой частью эти изменения все же односторонни, т.к. они происходят за счет отказа ГДР от своих прежних наименований явлений и предметов окружающей действительности т.к. она de jure и de facto была включена в состав ФРГ. Так, приставка west- потеряла свое прежнее значение, а идеологическое значение слова druben сузилось до его прямого значения. Прилагательные bundes- и ost- по отношению к бывшим частям Германии заменяются на слово deutsch, а полузапрещенное ранее Deutschland практически вытеснило сугубо официальное наименование Bundesrepublik Deutschland.

Большое значение имеет тот факт, что происходящие конвергентные процессы должны получать нейтральное и в то же время аргументативное толкование. Важным достижением представляется также исчезновение надменного тона коммунистической пропаганды и косноязычного директивного стиля. Не существуют больше партийные клише, возведенные в ранг государственной политики.

Несмотря на это требование полной деидеологизации в научной литературе, оно не может восприниматься буквально и однозначно. В современных условиях это означает отказ от слишком ярых идеологических образцов, засилия норм и влияния идеологии в повседневной жизни. Касаясь ситуации в 70-80-е годы следует сказать, что тогда идеологические разногласия двух систем были перенесены и на сферу языка, что сыграло свою роль в "политическом разграничении" (politische Abgrenzung) двух стран и стало результатом различного толкования отдельных понятий не только словоупотребительного, но и специального словаря. Сделаны уже первые попытки анализа таких разночтений /Hellmann 1974, Hellmann 1990/. Показательно, что наиболее подверженными в плане идеологии оказались наименования из таких сфер

как политика и идеология, культура и образование, т.е. области, с которыми коррелирует философская наука.

Некоторыми учеными высказывается предположение о том, что приблизительно 80 процентов словаря бывшей ГДР будет подвержено вымиранию /Oschlies 1991; 67/. Достаточно сравнить динамику движения словарных пластов даже в сфере обычного словоупотребления, чтобы заметить преобладание в современном лексиконе объединенной Германии западногерманских слов:

ГДР	ФРГ	современн. наимен.
2-Raum-Wohnung	2-Zimmer-Wohnung	2-Zimmer-Wohnung
wert(er)	sehr geehrter	sehr geehrter
Grobmüll	Sperrmüll	Sperrmüll
Raumpflegerin	Putzfrau	Putzfrau
Altersheim	Seniorenheim	Seniorenheim
Arbeiter	Arbeitnehmer	Arbeinehmer
Kaufhalle	Supermarkt	Kaufhalle
Plast(e)	Plastik	Plast(e)

Из этого сравнения видим, что на уровне нейтральной лексики происходит процесс преимущественного движения ЛЕ в сторону бывшей ФРГ, что справедливо обусловлено более высоким уровнем развития экономики и техники, западноевропейской интеграцией, спецификой культурного и образовательного аспектов /Fleischer 1992; 18-19/.

На уровне стилистической маркировки действуют несколько другие механизмы, а именно давление западных идеологических концепций в сочетании с вышеуказанными экономическими факторами "принятия" и западных идеологических установок. Во многом прежние средства маркированности становятся архаичными, т.к. отпадает заинтересованность определенной социальной группы или коллективного сознания,

детерминированных социальной ситуацией /Швейцер 1976; 105/. Такое переключение коммуникативного регистра связано с тем, что автор (отправитель сообщения) желает или, наоборот, не желает противопоставить эту ЛЕ всем остальным единицам языка.

Типичное для некоторых авторов подъязыка науки "смещение" или разрыв образа говорит о том, что все заметнее становится влияние модных слов, проникающее и в научные тексты /Kinne 1990/. Философские с их прагматизмом ситуации и известной долей политического ангажемента показывают такое модное словоупотребление: *Fußvolk, weil es zuunterst eingeordnet ist.* Или: *Der bürokratische Filz in der UdSSR muß zerschlagen werden.*

Встречающееся, как в примере *Daran wird laboriert*, неадекватное словоупотребление, также является характерной чертой современного словоупотребления, хотя известно, что основное значение слова *laborieren* определяется как *leiden, sich qualen*. Очевидно, что употреблено оно было сознательно с определенной целью. Современное состояние немецкого подъязыка философии есть еще одно доказательство неослабевающего интереса к его лингвистическому описанию в попытке дать ответ на вопрос, какой арсенал средств языка адекватен современному уровню развития философской мысли /Розина 1994; 15/ и что обеспечивает полноценное понимание иноязычного специального текста.

ВЫВОДЫ

1. Составляющие ИМЛ как низкочастотного слоя лексики в немецком подъязыке философии обладают, в основном, теми же свойствами, что и другие лексические единицы. Несмотря на это видимое единство в выборе средств анализа, ИМЛ требует особых подходов прежде всего в определении природы маркированности.

2. Среди компонентов значения ИМЛ, денотативный и сигнификативный, не будут играть существенной роли, в то время как коннотативный компонент придает слову стилистическую окрашенность и своеобразную маркировку. Понимание природы маркеров социальной оценки в речи является решающим для выделения ИМЛ из анализируемых текстов и их последующего анализа с точки зрения морфологии и синтаксиса.

3. Важным критерием выделения ИМЛ из состава подъязыка является анализ речевого контекста, раскрывающего суть прагматической ситуации, лежащей в основе научного философского рассуждения. Необычность научного окружения в отличие от текстов массовой информации или пропаганды не снижает идеологической нагруженности. Причина этого кроется в идеологическом и общественно значимом характере философских текстов.

4. ИМЛ как своеобразные "инородные тела" в структуре научного текста носят нерегулярный характер и выступают в качестве средства создания языковой экспрессии, повышающей выразительную силу текста, его коммуникативный потенциал. В результате всесто роненго анализа нами были выделены 417 идеологически маркированных лексем в экспрессивном употреблении, метафор, политических эвфемизмов, слов дивергентной семантики, заимствований, терминов, историзмов, неологизмы и т.д.

5. Жанр журнальной статьи максимально способствует развитию в ее структуре выделительных свойств лексики, в первую очередь, из-за элементов доказательства и аргументации, отстаивания конкретных концептуальных или идеологических позиций. На присутствие и удельный вес ИМЛ в каждой конкретной статье не влияют ни тематика ни объем статьи ни другие внешние причины.

Важным моментом нашего рассмотрения является то, что анализируемые тексты охватывают бурный период недавней истории Германии, положивший конец существованию двух вариантов немецкого подъязыка философии, обслуживавших две принципиально разные идеологии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Комплексное изучение ИМЛ в немецком подъязыке философии в контексте теории словарного состава позволило установить, что ИМЛ обладает, в принципе, теми же свойствами и характеристиками, что и другая стилистически маркированная лексика. Однако специфические условия научного текста позволяют по-новому взглянуть на ИМЛ как с точки зрения отражения в ней политической семантики, так и среды ее функционирования – научного функционального стиля. ИМЛ, как средство общения ученых актуализуется в специфической для него выделительной, экспрессивной функции. Эти средства ограничены своей коммуникативно-прагматической направленностью в контексте какой-либо идеологии.

В ходе исследования установлено, что для определения объема и удельного веса ИМЛ в общей структуре лексики ПЯ встала необходимость общей стилистической стратификации лексики. Решение этой проблемы связано с результатами статистического исследования лексики ПФ и также определением подходов к выделению семантических и грамматических категорий, а также групп лексики в структуре подъязыка.

2. Наиболее важными с точки зрения понимания сути и реализационных возможностей всех слоев лексики ПФ стало выделение приблизительно 2000 наиболее употребительных слов (см. приложение к наст. дисс.), овладение которыми обеспечивает понимание специального текста на 90-92%. Частотный анализ и составление на его основе базового ЧС немецкого ПФ дало возможность также проследить особенности не только наиболее употребляемых единиц, но и низко частотной зоны. Именно это и способствовало возможности объединения слов в группировки по их логическим и смысловым основаниям и формированию

тематических групп, семантических полей, синонимических и антонимических групп.

3. Стилистическая стратификация лексики и выделение нейтрального, общенаучного и терминологического слоев связано с определением принципиальных особенностей между общественно-политической терминологией и общественно-политической лексикой. Несмотря на некоторые свойства философского термина и его квазитерминологический характер, функционирование этих двух категорий касается разных стилей речи. Философская же терминология, несмотря на широкое взаимодействие с подъязыками других наук, все же остается по преимуществу научной и, что важно, обслуживает научный функциональный стиль.

4. ИМЛ представляет собой достаточно сложное структурное образование, являющееся концентрированным выражением окружающей действительности в контексте той прагматической ситуации и идеологии, с позиции которой ведется исследование или рассуждение.

Весь арсенал средств ИМЛ в зависимости от различных критериев условно можно подразделить на: 1) морфолого-синтаксические (в зависимости от структуры), 2) семантические, 3) социально-прагматические.

А. Морфолого-синтаксические.

Исходя из принципов морфологической и семантической мотивации, ИМЛ была распределена по основным наиболее продуктивным словообразовательным типам с появлением у последних свойств неологизмов. Это касается нейтральных обозначений, в меньшей мере терминологии. Подтвердилась современная тенденция немецкого языка к образованию полилексемных слов - композитов, являющихся в условиях

научного текста средством языковой экономии, компрессии высказываний, повышающей запоминаемость и эффективность ментальных операций.

Синтаксический уровень ИМЛ - это уровень перехода на более сложные структурные образования, состоящие из 2-3 словарных элементов. ИМЛ этого рода включает в себя уже не отдельные лексемы, а формы простых и сложных предложений, обращающих на себя внимание не только "чистым" синтаксисом, но и комбинацией связи слов в предложении. Сюда можно отнести выделительную функцию повтора слов в предложении или абзаце, такие композиционные, а в условиях философского текста идеологически нагруженные формы как политическую фразеологизацию, эффект "обманутых ожиданий", тривиализацию, клише, цитирование, и т.д., а также средства собственно выходящие за уровень синтаксиса (заголовки, лозунги, слова с дивергентной семантикой). Наряду с заголовками и лозунгами, выделяется целый класс пропагандистских клише, которые воспринимаются не только как цельные смысловые комплексы, но и требующие поиска адекватных средств декодирования текста.

Б. Семантические средства идеологической маркированности объединили в себе лексику, классифицированную на основе существующих в языке категорий образности, эмотивности и экспрессивности. Таким образом, в качестве основной внутриязыковой предпосылки формирования ИМЛ семантический фактор будет определяющим.

Метафоры представляют собой наивысшую форму ИМЛ в стилистическом отношении. Механизмами образования ИМЛ являются метафорический и метонимический переносы значения. Специфика состоит в том, что предметно-логические семы деактуализируются, а на

передний план выступают коннотатемы, которые в семантической структуре прототипов выступают в качестве потенциальных.

Другими средствами стилистического выделения в контексте философского текста могут выступать термины, часть которых как неологические и авторские образования обнаружили в себе идеологически релевантные компоненты значения.

В. Социально-прагматические регистр ИМЛ охватывает большое количество слов, касающийся периода существования двух противоположных философий в двух немецких государствах. Определено, что это наиболее значимый класс исследуемой лексики, пополнявшийся в период существования двух германских государств за счет функционирования большого количества слов т.н. "дивергентной семантики", прагмем, партийных и идеологических клише.

Функциональный анализ и изучение процессов языковой действительности последнего периода времени позволили пронаблюдать современные процессы в лексике ПФ и заметить отмирание старых слов в связи с исчезновением старых денотатов или реалий, а также зарегистрировать появление новых слов, которые в определенных условиях обладают свойствами, приближающимися к ИМЛ.

Малый диахронический срез, длиной в 40 лет, позволяет на примере научного вокабуляра проследить процессы устаревания слов (архаизация) в связи с образованием двух систем с их дивергентным развитием, продолжавшимся в течение нескольких десятилетий. Появление новых обозначений (неологизмов), а в последнее время в большей степени конвергенция в пользу одного из двух ранее существовавших вариантов связаны с существующей в настоящее время тенденцией нивелировки понятий во всех областях жизни, в том числе и в науке.

Благодаря актуализации значений ИМЛ, в заметной мере изменяются общие свойства научного текста. Присущая научному функциональному стилю точность, экономичность, и строгость замещаются диффузностью и объемностью аргументации. Использование при этом ИМЛ повышает потенциал экспрессивного выделения, а вместе с ним и концептуального и идеологического "ангажемент". В рамках идеологического текста, каким является и философский, ИМЛ становится средством компрессии и языковой экономии, что в научной коммуникации повышает эффективность механизмов обработки информации и требует более совершенных навыков декодирования текста.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абызова Э.Б. Типология словообразовательной формы имен существительных (на материале немецкого субъязыка гидромеханики). Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Одесса, 1983. – 15 с.
2. Адмони В.Г. Основы теории грамматики.- М.-Л.: Наука, 1964.- 105 с.
Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. - Л.: Наука, 1988. - 239 с.
3. Акуленко В.В. Научно-техническая революция и задачи интернационализации научно-технической терминологии. // Интернациональные элементы в лексике и терминологии. - Харьков: Изд-во Вища школа, Харьковск. гос. ун-т, 1980. - С.129-146.
4. Акуленко В.В. Лексические интернационализмы и методы их изучения // Вопр. языкознания. 1976. - №6.- С.50-63.
5. Алексеев П.М. Частотный англо-русский словарь-минимум по электронике. Под ред. Р.Г.Пиотровского . - М.: Воениздат, 1971. - 302 с.
6. Алексеев П.М. Статистическая лексикография (типология, составление и применение частотных словарей). Учебн. пособие. Л. Ленингр. гос. пед. ин-т., 1975. - 120 с.
7. Аликаев Р.С. Немецкая философская терминология эпохи раннего просвещения. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. - М., 1983.16 с.
8. Андреев Н.Д. Статистико-комбинаторное моделирование в теоретическом и прикладном языковедении. - Л.: Наука, 1967. - 193 с.
Антонова М.В. Функциональный статус терминов в различных сферах употребления //Термины в научной и учебной литературе. - Горький: Изд-во Горьковского ун-та, 1989. - С. 89-95.
9. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка:стилистика декодирования.- Л.: Просвещение, 1981. - 295 с.

10. Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике. Учебн. пособие. - М.: Высшая школа, 1991. - 140 с.
11. Ахманова О.С. О стилистической дифференциации слов // Сборник статей по языкознанию, посвященный проф. МГУ акад. В.В. Виноградову. - М.: Изд-во МГУ, 1958. - С. 3-16.
12. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. - М.: Советская энциклопедия, 1966. - 607 с.
13. Бабенко В.С. Состав и функционирование общественно-политических терминов в немецком языке (по произведению Ф.Энгельса "Herrn Eugen Duhrings Umwälzung der Wissenschaft (Anti-Duhring)"). Автореф. дисс... канд. филол. наук. - Львов, 1965. - 19 с.
14. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. - Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989. - 184 с. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Пер. с франц., 3-е изд-е. - М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1955. 416 с.
15. Белл Р.Т. Социолингвистика : цели, методы и проблемы. - М., 1980.
16. Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа // Новое в лингвистике. - М.: Прогресс, 1965. - Вып. 4. - С. 434-449.
17. Береговская Э.М. Об определении и классификации синонимов // Сб. научн. трудов Киевского инж.-строит. ин-та. - Киев, 1962. Вып.19. - С.170-185.
18. Береснев С.Д. Классы слов при моделировании лексики немецкого научного функционального стиля // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. - Свердловск: Свердловск. гос. пед. ин-т, 1970. - С. 14-20.
19. Береснев С.Д. Исследование лексики немецких научных текстов с позиции получателя речи: Дис. ... докт. филол. наук. Л., 1973. - 453 с.

20. Береснев С.Д., Исследование лексики немецких научных текстов с позиции получателя речи. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. - Л., 1974. - 35 с.
21. Береснев С.Д., Крылова Р.Р., Фих И.М. Субъязыки, стили и художественная литература // Субъязыки и функциональные стили. – Ульяновск, 1980. - С. 3-16.
22. Береснев С.Д. Грамматика декодирования немецкого научно-технического текста русским реципиентом. – Киев, УМК МО 1991. – 142 с.
23. Бертельс А.Е. Разделы словаря, семантические поля и тематические группы // Вопр. языкознания. 1982.- N4. - С. 52-64.
24. Брагина А.А. Синонимы и их истолкования // Вопр. языкознания. - 1978. - N6. - С. 63-73.
25. Брандес М.П. Стиль и перевод. - М.: Высшая школа, 1988. - 127 с.
Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили. - М.: Высшая школа, 1967. - 375 с.
26. Будагов Р.А. В.И. Ленин о научном стиле языка // Научн. доклады высшей школы. Филологические науки. - 1970. - N1. - С. 62-68.
27. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. - М.: Высшая школа, 1990. - 176 с.
28. Вердиева З.Н. Семантические поля в современном английском языке. М.: Высшая школа, 1986. - 120 с.
29. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.-Л.: Учпедгиз, 1947. - 784 с.
30. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Вопр. языкознания. - 1953. - N5. - С. 7-14.
31. Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. - М.: Гослитиздат, 1961. - 614 с.

- 32.Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. // Проблемы русской стилистики. - М., 1981. - С. 20-171.
- 33.Вихованець І.Р. Частини мови в семантико-граматичному аспекті. К.: Наукова думка, 1988. - 256 с.
- 34.Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. - М.: Международные отношения, 1977. - 264 с.
- 35.Галахов Н.В. Гносеологические и онтологические аспекты принципа системности в языке // Структурно-семантическое исследование немецкой лексики. - Калинин: Изд-во Калининского гос. ун-та, 1980. - С. 57-62.
- 36.Гальперин И.Р. К проблеме дифференциации стилей речи // Проблемы современной филологии. - М., 1965. - С. 68-73.
- 37.Гальперин И.Р. О понятиях "стиль" и "стилистика" // Вопр. языкознания. 1973. - № 3. - С. 14-25.
- 38.Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. - 139 с.
- 39.Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. - М.: Учпедгиз, 1955. - 463 с.
- 40.Гвишиани Н.Б. Классовый характер терминологии общественных наук. - М., 1973.
- 41.Гвишиани Н.Б. Полифункциональные слова в языке и речи. - М.: Высшая школа, 1979. - 200 с.
- 42.Глушко М.М. Синтактика, семантика и прагматика научного текста. Учебное пособие. - М.: Изд-во МГУ, 1977. - 208 с.
- 43.Гнатюк А.Д. Средства создания экспрессии и ее интенсификация в газетно-журнальных жанрах (на материале современной французской прессы): Автореф. дис ... канд. филол. наук. - Киев, 1984. - 25 с.

44. Горшкова Т.М. Опыт изучения терминологии на материале философских текстов. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. - Горький, 1979. – 16 с.
45. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Пер. с англ. - М.: Прогресс, 1989. - 312 с.
46. Денисов П.Н. Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1974. - 255 с.
47. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. - М.: Русский язык, 1980. - 253 с.
48. Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика. К основам общей теории. – М.: Наука, 1977. - 382 с.
49. Жирмунский В.М. О природе частей речи и их классификации // Вопросы теории частей речи: на мат-ле языков различных типов. Л.:Наука, 1968. - С. 7-32
50. Зайцева З.Н. Немецко-русский философский словарь. М.: Изд-во МГУ, 1981. - 362 с.
51. Звегинцев В.А. Искусственный интеллект и лингвистика // Вопр. философии. - 1983. - N11. - С.62-75.
52. Ивлева Г.Г. Тенденции развития слова и словарного состава. - М.: Наука, 1986. - 136 с.
53. Ирисханова К.М. Стилистическая маркированность и норма // Проблемы стилистической маркированности. Сб. научн. трудов Моск. ин-та иностр. яз. имени М.Тореза, 1990. - С. 10-15.
54. Кацнельсон С.Д., Чейф У. Значение и структура языка. - М.:Прогресс, 1975. 432 с.
55. Келтуялла В.В. О путях развития и обогащения общенаучной и общественнополитической интернациональной лексики //

- Общественно-политический и научный текст как предмет обучения иностранным языкам. М.: Наука, 1987. - С.124-133.
- 56.Кириллова Е.А. Стратификация лексики в научном тексте (на мат-ле совр. англ. научно-исторической прозы). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. - М., 1985. - 16 с.
- 57.Кияк Т.Р. Мотивированность лексических единиц: количественные и качественные характеристики. Львов: Изд-во Львовского ун-та, 1988. - 164 с.
- 58.Кодухов В.И. Общее языкознание. Учебник для студентов филол. специальностей. - М.: Высшая школа, 1974. - 303 с.
- 59.Кодухов В.И. Введение в языкознание. - М.: Просвещение, 1979. - 351 с.
- 60.Кожина М.Н. К основаниям функциональной стилистики. - Пермь: Книжное изд-во, 1968. - 251 с.
- 61.Комарова З.И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание. - Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991. - 156 с.
- 62.Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе: некоторые особенности языка газетной публицистики. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1971. - 267 с.
- 63.Кравченко Л.А. Структура, частотность и семантика именных словосочетаний в немецком научном тексте (подъязык зоотехнии): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. - Одесса, 1990. - 16 с.
- 64.Крючкова Т.Б. К вопросу о многозначности "идеологически связанной" лексики // Вопр. языкознания. - 1982. - N1. - С. 28-36.
- 65.Крючкова Т.Б. О методах описания и исследования идеологизированной лексики // Известия АН СССР. Серия лит-ры и языка. - 1989.Т. 48. - N1. - С. 38-48.

- 66.Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М.: Наука, 1981. - 200 с.
- 67.Кузнецов В.Г. Функциональные стили современного французского языка. - М.: Высшая школа, 1991. - 160 с.
- 68.Кулик Л.В. Состав и функции общенаучной лексики. Автореф: дис... канд. филол. наук. - М., 1987. - 16 с.
- 69.Кусков В.В. Социально-экономическое развитие и немецко-русские лексические эквиваленты // Иностранный язык для специалистов. Психологические, методические, лингвистические аспекты. М.: Наука, 1990. - С.115-127.
- 70.Левицкий В.В. Типы лексических микросистем и принципы их различия // Научн. доклады высшей школы. Филологические науки. - 198. - N5. - С. 66-73.
- 71.Левковская К.А. Именное словообразование в современном немецком языке общественно-политической терминологии. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. - М., 1960. - 24 с.
- 72.Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. - 198 с.
- 73.Лосев А.Ф. Философия имени. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1990. 272 с.
- 74.Лукьянова Н.А., Черемисина М.И. Образность как характеристика значения слова // Синтаксическая и лексическая семантика (на материале языков различных систем). - Новосибирск: Наука, Сибирское отд., 1986. - С. 265-268.
- 75.Малиновская И.В. Реализация идеологического и эмоционального интенционала политэкономического термина в научном тексте (на мат-ле англ. яз.). // Романские и германские языки. Функциональные и

- лингвометодические аспекты описания. Сб. научн. трудов. - К.: Наукова думка, 1985. - С.92-104.
- 76.Мансуров М.П. Опыт моделирования лексики немецких математических текстов. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1974.- 16 с.
- 77.Митрофанова О.Д. Язык научно-технической литературы. - М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1973. - 147 с.
- 78.Митрофанова О.Д. Научный стиль речи: проблемы обучения. - М., 1985. - 154 с.
- 79.Мухин А.М. Лингвистический анализ. Теоретические и методологические проблемы. - Л.: Наука, 1976. - 282 с.
- 80.Наер В.Л. Прагматическая сущность стилистической маркированности // Проблемы стилистической маркированности. Сб. научн. трудов Моск. ин-та иностр. языков им. М.Тореза. - М., 1990. - С. 4-10.
- 81.Нелюбин Л.Л. Частотный англо-русский военный словарь-минимум.- М., 1974. - 124 с.
- 82.Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М.: Высшая школа, 1988. - 165 с.
- 83.Николаев М.Н. О семантической бинарности дефиниции политического термина: Автореф. дис... канд. филол. наук. - Калинин, 1979.- 16 с.
- 84.Никольский Л.Б. Синхронная социолингвистика. Теория и проблемы. - М.: Наука, 1976. - 168 с.
- 85.Новиков Л.А. Антонимия в русском языке. - М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1973. - 290 с.
- 86.Нога С.З. Английская терминология марксистско-ленинской философии в языке и речи. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. - М.,1985. - 16 с.
- 87.Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. Под ред. Б.А.Серебренникова. - М.: Наука, 1973. - 318 с.

88. Павлова С.А. Классы слов и тематические группы лексики в английском подъязыке судостроения и судоремонта. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. - Одесса, 1991. - 17 с.
89. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. - М.: Наука, 1985. - 270 с.
90. Перебийніс В.С. Частотні словники та їх використання. - К. : Наукова думка, 1985. - 204 с.
91. Пиотровский Р.Г. Текст, машина, человек. - Л.: Наука, 1975. - 327 с.
92. Пиотровский Р.Г., Рахубо Н.П., Хажинская М.С. Системные исследования лексики научного текста. - Кишинев: Штииница, 1981. - 159 с.
93. Прохорова В.Н. Об эмоциональности термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. - М., 1970. - С. 68-73.
94. Пумпянский А.Л. Введение в практику перевода научной и технической литературы на английском языке. 2-е, доп. изд. - М.: Наука, 1981. - 344 с.
95. Разинкина Н.М. Стилистика английской научной речи (элементы эмоционально-субъективной оценки). - М.: Наука, 1972. - 168 с.
96. Рахимов С. Речевая коммуникация и проблема дейксиса в разносистемных языках. - Ташкент: Изд-во ФАН УзССР, 1989. - 90 с.
97. Рашидова Д. Философская терминология в произведениях К.Маркса и Ф. Энгельса (на мат-ле русских и узбекских переводов). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. - Ташкент, 1972. - 24 с.
98. Розен Е.В. Новые слова и устойчивые словосочетания в немецком языке. - М.: Просвещение, 1991. - 192 с.
99. Розенталь Д.Э. Современный русский язык. - М.: Высшая школа, 1991. - 559 с.

- 100.Розина Р.И. Социальная маркированность слова в современном английском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. - М., 1977. - 201 с.
- 101.Розина Р.И. Когнитивные отношения в таксономии. Категоризация мира в языке и тексте // Вопр. языкознания. - 1994. - №6. - С. 60-78.
- 102.Семенюк Н.Н. Из истории функционально-стилистических дифференциаций немецкого литературного языка. - М.: Наука, 1972. - 165 с.
- 103.Сенкевич М.П. Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений. - М.: Русский язык, 1984. - 319 с.
- 104.Сидоров О.В. Функционально-семантические особенности общественно-политических терминов в современном немецком языке ГДР и ФРГ: Автореф ... дисс. канд. филол. наук. - Киев, 1986. - 17 с.
- 105.Скребнев Ю.М. Подъязык, стиль, текст // Проблемы лингвистической стилистики. - М., 1969. - С.57-69.
- 106.Скребнев Ю.М. Очерки теории стилистики. - Горький, 1975. - 175 с.
- 107.Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. - М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1956. - 260 с.
- 108.Соколова Т.Г. Терминология марксизма-ленинизма на английском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. - М., 1976. - 16 с.
- 109.Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. - М.: Наука, 1971. - 292 с.
- 110.Соссюр Ф., де. Труды по языкознанию. Пер. с франц. под ред. А.А. Холодовича. - М.: Прогресс, 1977. - 695 с.
- 111.Степанов Ю.С. Номинация, семантика, семиология (виды семантических определений в современной лексикологии) // Языковая номинация. Общие вопросы. - М., 1977. - С.294-358.

112. Степанова М.Д. Методы синхронного анализа лексики. - М.: Высшая школа, 1968. - 199 с.
113. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. - Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1979. - 156 с.
114. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: вопросы теории. М.: Наука, 1989. - 243 с.
115. Тепомес В.И. Семантические поля и словообразовательные структуры имен существительных в немецком подъязыке педагогики. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. - Одесса, 1990. - с.
116. Томашевский Б.В. Стилистика и стихосложение. Курс лекций. - Л.: Учпедгиз, 1959. - 535 с.
117. Трескова С.И. Методика измерения в социолингвистике // Принципы и методы социолингвистических исследований. - М.: Наука, 1989. - С. 7-30.
118. Троянская Е.С. Лингвостилистическое исследование немецкой научной литературы. - М.: Наука, 1982. - 312 с.
119. Троянская Е.С. Научное произведение в оценке автора рецензии. К вопросу о специфике жанров научной литературы // Научная литература: язык, стиль, жанры. - М.: Наука, 1985. - С. 67-81.
120. Тулдава Ю.А. Проблемы и методы квантитативно-системного исследования лексики. Таллинн: Валгус, 1987. - 204.
121. Успенский Б.А. Проблема универсалий в языкознании // Новое в лингвистике. - М.: Прогресс, 1970. - Вып. V. - С. 5-30.
122. Уфимцева А.А. Опыт изучения лексики как системы (на мат-ле англ. яз.). - М.: Изд-во АН СССР, 1962. - 287 с.
123. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. - М.: Наука, 1974. - 206 с.
124. Федорова И.В. Лексическая стратификация научно-технического текста. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. - М., 1986. - 16 с.

- 125.Философский словарь. Под ред. И.Т.Фролова. - М.: Политиздат, 1980. - 444 с.
- 126.Философский словарь. Под ред.И.Т.Фролова. 5-изд.- М.:Политиздат, 1987. -588 с.
- 127.Философский энциклопедический словарь. Гл. ред. Л.Ф.Ильичев, П.Н.Федосеев, С.М.Ковалев, В.Г.Панов. - М.:Советская энциклопедия, 1983. - 830 с.
- 128.Функциональная стратификация языка. Под ред. М.М.Гухман. - М.:Наука, 1985.- 239 с.
- 129.Харитонова Т.А. Семантическая мотивированность и философская терминологизация обозначений абстрактных понятий. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. - К., 1988. - 17 с.
- 130.Харитонова Т.А. Джерела філософської термінології. - Київ: Наукова думка, 1992. -111 с.
- 131.Цвиллинг М.Я. Функциональный стиль, подъязык, жанр, жанровая разновидность. К вопросу о соотношении понятий // Общие и частные вопросы функциональных стилей. - М.: Наука, 1986. - С.3-14.
- 132.Цвиллинг М.Я. Квазитерминологическая лексика в общественно-научном тексте // Иностранный язык для специалистов. - М.: Наука, 1990. - С. 107-114.
- 133.Чекалина Е.М. Язык современной французской прессы (Лексико-семантические аспекты). - Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1991. - 168 с.
- 134.Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. 4-е изд. - Л.: Учпедгиз, 1941. - 620 с.
- 135.Швейцер А.Д. Современная социалингвистика .Теория, проблемы, методы. М.: Наука, 1976. - 176 с.
- 136.Швейцер А.Д. К разработке понятийного аппарата социалингвистики // Социально-лингвистические исследования. -М.: Наука, 1976. - С. 3141.

137. Широкова Т.А. Термины и терминология политической экономики социализма (опыт системного исследования на мат-ле немецкого языка). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. - М., 1978. - 24 с.
138. Шубова Н.А. Об исследовании лексических подсистем языка. Под ред. О.С.Ахмановой. - М., 1970. - 129 с.
139. Шубова Н.А. Функциональный стиль общенаучного языка и методы его исследования. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1974. - 129 с.
140. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. - Л.: Наука, 1974. - 428 с.
141. Эпштейн М.Н. Идеология и язык // Вопросы языкознания. - 1991. - №6. С. 19-33.
142. Юсселер М. Социоллингвистика. - К.: Вища школа, 1987. - 199 с.
143. Яковлева М.А. Лексико-стилистический аспект социально-идеологической дифференциации современного немецкого языка в ФРГ: Автореф. дис... канд. филол. наук. - Л., 1986. - 17 с.
144. Akhmanova O.S. Linguistic Terminology. - Moscow: Moscow University Press, 1977. - 188 p.
145. Ammon, U. Die Stellung der deutschen Sprache in Europa und in der Welt im Verhältnis zu einer Stellung in den EG-Gremien // Soziolinguistica. Internationales Jahrbuch für Soziolinguistik. - Bd.5. Tübingen, - 1991. - 234 S.
146. Badura, B. Sprachbarrieren. Zur Soziologie der Kommunikation. Stuttgart-Bad Cannstatt: Friedrich Fromman Verlag, 1971. - 184 S.
147. Baldinger, K. Die Gestaltung des wissenschaftlichen Wörterbuchs // Rom. Jahrbucher. - Hamburg. - 1954. - H.5. - S. 65-94.
148. Bayer, H. Sprache als praktisches Bewußtsein. Philosophisch-wissenschaftliche Terminologie und Sprach-behandlung // Zeitschrift für Deutsche Philologie. - 1974. - Bd.93 - H.2. - S.321-342.

149. Benes, E. Zur Typologie der Stilgattungen der wissenschaftlichen Prosa // Deutsch als Fremdsprache. - 1969. - H.3. - S.225-233.
150. Betz, W. Zwei Sprachen in Deutschland. Der zweitgeteilte Duden // Fr. Handt (Hrsg.) Deutsch - gefrorene Sprache? - Berlin. - 1964. S.155-178.
151. Betz, W. Wortschatz, Weltbild, Wirklichkeit // Speculum Historiale: Geschichte im Spiegel von Geschichtsdeutung. - Freiberg München: Karl Alber Verlag, 1966. - S.34-44.
152. Blanke, G. Einführung in die semantische Analyse. - München: Hueber Verlag (Hueber Hochschulreihe 15), 1973.- 192 S.
153. Bright, W. Sociolinguistics. - The Hague - Paris: Mouton, 1966. 265 p.
154. Cicourel, A. Sprache in der sozialen Interaktion. - München: Wilhelm Fink Verlag, 1975. - 197 S.
155. Dausen, A. Grundbegriffe der Lexematik. Methoden und Probleme der Wortschatzbetrachtung in Synchronie und Diachronie. - Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1989. - 103 S.
156. Dieckmann, W. Kleine Beiträge: "Sprache und Politik" und "objektive Bezeichnung" // Zeitschrift für deutsche Sprache. - 1971.- B.27. - H.1/2. - S. 124-128.
157. Dieckmann, W. Sprache in der Politik. Einführung in die Pragmatik und Semantik der politischen Sprache. - Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1975.- 147 S.
158. Domaschew A.I. DDR-Deutsch, ade ! // Muttersprache. - 1991.- N.1. - S.1-12.
159. Drozd, L.- Seibicke, W. Deutsche Fach- und Wissenschaftssprache. Bestandaufnahme - Theorie - Geschichte. - Wiesbaden: Brandstetter Verlag, 1973.- 207 S.
160. Eppler, E. Tod der Sprache - Ende der Politik // Der Sprachdienst. - 1993 - Jg.37 - N.3-4. - S.73-87.

161. Erk, H. Zur Lexik wissenschaftlicher Fachtexte. Substantive. Frequenz und Verwendungsweise. - Munchen: Max Hueber Verlag, 1975. 373 S.
162. Eroms, H.-W. Zur Analyse politischer Sprache. // Linguistik und Didaktik. - 1974. - B.17. - S.1-16.
163. Faulseit, D. Das Fachwort in unserem Sprachalltag. Leipzig: Verlag der Karl-Marx-Universität, 1975. - 173 S.
164. Fleischer, W. Terminologie und Fachsprache im Bereich der Politik. // Wiss. Zeitschrift der Pädagog. Hochschule Potsdam. Ges.-Sprachwiss. Reihe 13. - 1969. - S.475-485.
165. Fleischer, W. Grundfragen der Stilklassifikation unter dem funktionalen Aspekt // Wiss. Zeitschrift der Pädagog. Hochschule "Dr. Theodor Neubauer" Erfurt/Mühlheim. - Ges.-Sprachwiss. Reihe. B.7. - 1970. - S.23-28.
166. Fleischer, W. Ideologische Aspekte der Sprache // Deutsch als Fremdsprache. - 1971. - H.8. - S.131-139.
167. Fleischer, W. Zur linguistischen Charakterisierung des Terminus in Natur- und Gesellschaftswissenschaften // Deutsch als Fremdsprache. - 1973. - H.4. - S.193-203.
168. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. 4., durchges. Aufl. - Leipzig: Bibliographisches Institut, 1976. - 263 S.
169. Fleischer, W. Konnotation und Ideologiegebundenheit in ihrem Verhältnis zu Sprachsystem und Text // Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig. - 1978. - H.5. S. 248-267.
170. Fleischer, W. DDR-typische Benennungen und ihre Perspektive // Germanistische Linguistik. - 1992. - B.110-111 - S.15-34.
171. Fluck, H.-R. Fachsprachen. - Munchen: Beck, 1976 - 216 S.
172. Gauger, H.-M. Wort und Sprache. Sprachwissenschaftliche Grundfragen. - Tübingen: Gunter Narr, 1970. - 209 S.

173. Glaser, R. Die Kategorie 'Funktionalstil' in soziolinguistischer Sicht // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. - 1974. - B.2 - H.6. - S. 487-496.
174. Harnisch, H. Zur Analyse des Inhalts politischer Fachwörter // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. - 1974. - H.1/3. - S.65-72.
175. Hartung, W. (Hrsg.) Sprachliche Kommunikation und Gesellschaft. - Berlin: Akademie-Verlag, - 1974. - 359 S.
176. Helbig, G./ Buscha, J. Deutsche Grammatik. 14. Aufl. - Leipzig Berlin - München - Wien - Zürich - New York: Langenscheidt Verlag Enzyklopadie. - 1989. - 736 S.
177. Hellmann, M.- W. Wörter und Wortgebrauch in Ost und West. Ein rechengestütztes Korpus zu Zeitungstexten aus beiden deutschen Staaten in 3 Bd. (Die Welt und Neues Deutschland 1949-74). - Tübingen: Gunter Narr, 1984. - 1243 S.
178. Hellmann, M.-W. DDR-Sprachgebrauch nach der Wende - eine erste Bestandaufnahme // Muttersprache. - 1990.- H.2-3.- S. 266-286.
179. Hertzler, J.-O. A Sociology of Language. - New York: Appleton Century Crofts, 1965. - 219 p.
180. Hoffmann, L. Vom Fachtext zur Fachtextsorte // Deutsch als Fremdsprache. - 1984. - H.6.- S. 356-369.
181. Hymes D. Foundation in sociolinguistics. An ethnographic approach. - Philadelphia: University Press, 1974. - 228 p.
182. Ihlenburg, K.-H. Entwicklungstendenzen des Wortschatzes in beiden deutschen Staaten // Weimarer Beiträge. - 1964.- H.10.- S.372-397.
183. Kinne, M. Deutsch 1989 in den Farben der DDR. Sprachlich markantes aus der Zeit vor und nach der Wende // Der Sprachdienst. 1990. H.1. - S.13-18.

- 184.Klemperer, V. Die unbewaltigte Sprache. Aus dem Notizbuch eines Philologen. - Darmstadt: LTI, 1966. - 169 S.
- 185.Knobloch, J. Sprachwissenschaftliches Wörterbuch. - Heidelberg: Winter Universitätsverlag, 1961. - 534 S.
- 186.Köck, W. Manipulation durch Trivialisierung: Elementare sprachliche Möglichkeiten der Konsumprogrammierung // Sprache und Gesellschaft. Hrsg. u. eingel. v. A. Rücktäschel. - München: Wilhelm Fink Verlag, 1972. - S.275-307.
- 187.Korelen, G. Führt die politische Teilung Deutschlands zur Sprachspaltung? // Satz und Wort im heutigen Deutsch. Jahrbuch 65/66. - Düsseldorf. - 1967. - S. 36-54.
- 188.Korelen, G. Führt die Teilung Deutschlands zur Sprachspaltung? // P.Braun (Hrsg.) Deutsche Gegenwartssprache: Entwicklungen, Entwürfe, Diskussionen. - München: Wilhelm Fink, 1979. - S. 69-92.
- 189.Leech, G. Semantics. - Harmondsworth: Penquin Books, 1974.- 386 p.
- 190.Mackensen, L. Die deutsche Sprache in unserer Zeit. 2. Aufl., Heidelberg: Quelle & Meyer, 1971. - 318 S.
- 191.Marx, K., Engels, F. Werke. - Berlin: Dietz, 1964 - Bd.XII. S.412.
- 192.Mayerthaler, W. Morphologische Natürlichkeit. - Wiesbaden:Akademischer Verlag Athenaion, 1981.- 286 S.
- 193.Moser, H. Sprachliche Folgen der politischen Teilung Deutschland. Düsseldorf: Schwann, 1962. - 153 S.
- 194.Moser, H. Wohin steuert das heutige Deutsch? Triebkräfte im Sprachgeschehen der Gegenwart // Satz und Wort im heutigen Deutsch. Probleme und Ereignisse neuerer Forschung. - Düsseldorf. - 1967. - S.15-35.
- 195.Neubert, A., Große R. Soziolinguistische Aspekte der Theorie des Sprachwandels (Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften der DDR) - Berlin: Akademieverlag, 1982. - 43 S.

196. Neubert, A. Semantische Relationen im Wortschatz // Soziolinguistische Aspekte des Sprachwandels. - Berlin: Akademie-Verlag, 1982. - S.15-28.
197. Neubert, A. Allgemeine Semantik in neuer Sicht // Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Berlin. Berlin: Akademie-Verlag, 1991.- N.2.- S.55-62.
198. Oeschle, W. Wer "re-ideologisiert" denn da so "massiv"? // Muttersprache. - 1991. - H.1. - S.66-70.
199. Polenz, P. von. Geschichte der deutschen Sprache. 9., überarb. Aufl. - Berlin - New York: Walter de Gruyter, 1978. - 226 S.
200. Quine, W.v.O. From a Logical Point of View. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press. - 1953. - 271 p.
201. Reich, H.H. Sprache und Politik. Untersuchungen zu Wortschatz und Wortwahl des offiziellen Sprachgebrauchs in der DDR. - München: Hueber Verlag, 1968. - 174 S.
202. Riesel, E. Stilistik der deutschen Sprache. 2. Aufl. - Moskau: Vysshaya shkola, 1963. - 198 S.
203. Rohl, E. Deutsche Sprache in der DDR - Nostalgischer Rückblick // Sprachpflege und Sprachkultur. - 1990. - H.3. - S. 83-85.
204. Sandig, B. Stilistik: Sprachpragmatische Grundlegung der Stilbeschreibung. - Berlin - New York: Walter de Gruyter, 1977. - 201 S.
205. Scharnhorst, J. Zum Wesen des Begriffs Funktionalstil // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. - 1981. - Bd. 34. - H.3.- S.305-314.
206. Schippan, Th. Die Rolle der politischen und philosophischen Terminologie im Sprachgebrauch beider deutschen Staaten und ihre Beziehungen zum allgemeinen Wortschatz // Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig. - 1968.- B.17. - S.177-183.
207. Schmidt, W. Das Verhältnis von Sprache und Politik // Sprache und Ideologie. - Halle/Saale. - 1972.- S. 35-47.

- 208.Searle, J.-R. *Speech Acts. An Assay in the Philosophy of Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. - 385 p.
- 209.Seiffert, H. *Sprache heute. Eine Einführung in die Linguistik*. München: Beck Verlag, 1977. - 236 S.
- 210.Seiffert, H. *Semantisches und Stilistisches. Bemerkungen zu unserer Gegenwartssprache // Der Sprachdienst*. - 1993.- Jg.37. -H.3-4. S.84-89.
- 211.Starke, G. *Droht uns eine Bindestrich-Inflation? // Muttersprache*. 1993. - Bd. 103. - H.1. - S.50-60.
- 212.Stern, J.P. *Manipulation durch das Klischee // Sprache und Gesellschaft*. Hrsg. u. eingel. v. A. Rucktaschel. - München: Wilhelm Fink Verlag, 1972. - S. 261-272.
- 213.Sternberger, D./ Storz, G./ Süßkind, W.E. *Aus dem Wörterbuch des Unmenschen. Neue, erw. Ausgabe mit Zeugnissen des Streits über Sprachkritik*. - Hamburg - Düsseldorf. - 1968. - S.116-141.
- 214.StrauB, G./ Zifonun,G. *Die Semantik schwerer Wörter im Deutschen*. - Tübingen: Gunter Narr. - 1985. - 461 S.
- 215.StrauB, G./ HaB, U / HARRAS G. *Brisante Wörter von Agitation bis Zeitgeist. Ein Lexikon zum öffentlichen Sprachgebrauch*. - Berlin - New York: Walter de Gruyter, 1989. - 778 S.
- 216.Vachek, J. *Notes on the development of language seen as a system of systems // Sbornik prací filosofické fakulty Brněnské univerzity. Rada jazykovedná*. - Brno. - 1958. - s.5-34.
- 217.Weinrich, U. *Sprachen im Kontakt*. - München: Wilhelm Fink, 1976. 186 S.
- 218.Weißkopf, F.C. *"Ostdeutsch" und "Westdeutsch" oder Über die Gefahr der Sprachentfremdung // Über Sprache und Stil: Material zum Selbststudium III*. - Halle (Saale): VEB Verlag Sprache und Literatur, 1962. - S. 189-202.
- 219.Wunderlich, D. *Pragmatik, Sprechsituation, Deixis*. Papier Nr.9 des Lehrstuhls an der Universität Stuttgart. - Stuttgart: Metzler, 1968. - 71 S.

220. Wüster, E. Einführung in die Allgemeine Terminologielehre und Terminologische Lexikographie. 3. Aufl. – Bonn: Romantischer Verlag, 1991. – 239 S.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. BI-Universal Lexikon. VEB Bibliographisches Institut: Leipzig, Aufl., 1988.- 846 S. (BI)
2. Der Große Duden. Wörterbuch und Leitfaden der deutschen Rechtschreibung. 18. Neubearbeitung, VEB Bibliographisches Institut: Leipzig. 1985.- 768 S. (GDu)
3. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. Hrsg. v. F. Dornseiff. 7. Aufl., Walter de Gruyter: Berlin - London - New York, 1970.- 924 S. (DWS)
4. Duden. Deutsches Universal Wörterbuch. 2., voll. neubearb. und stark erw. Aufl. Dudenverlag: Mannheim - Leipzig - Wien - Zürich, 1989.- 1816 S. (DU)
5. Großes Fremdwörterbuch. 3., durchgesehene Aufl., VEB Bibliographisches Institut: Leipzig, 1980.- 824 S. (GF)
6. Großes Abkürzungsbuch. Hrsg. v. H. Koblischke. 2., durchges. Aufl., VEB Bibliographisches Institut: Leipzig, - 508 S. (AB)
7. Kulturpolitisches Wörterbuch. 2. Aufl. Dietz-Verlag: Berlin, - 904 S. (KuW)
8. Mackensen Deutsches Wörterbuch in 3 Bd. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Verlag GmbH, 1979. - 2453 S. (MACK)
9. Synonymwörterbuch. Sinnverwandte Ausdrücke der deutschen Sprache. Hrsg. v. H. Gerner u. G. Kempke. 7., unveränd., Aufl. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1982.- 643 S. (SYN)
10. Deutscher Wortschatz. Ein Wegweiser zum treffenden Ausdruck. Aufl., 16. Nachdruck. - Stuttgart-Dresden: Ernst Klett Verlag für Wissen und Bildung, 1993. - 821 S. (DW)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ВЫБОРКИ

1. 1.Alexy, R. Probleme der Diskurstheorie. // Zeitschrift für philosophische Forschung. - 1989. - B.43. - S.81-93.
2. Betti, E. Die Hermeneutik als allgemeine Methodik der Geisteswissenschaften // Philosophie und Geschichte. Sammlung v. Vortragen und Schriften aus dem Gebiet der Philosophie und Geschichte. - Tübingen. - 1982.- S.10-17.
3. Bohme, G. Philosophie als Arbeit. // Zeitschrift für Didaktik der Philosophie. - 1991. - H.2. - S.75-78.
4. Borsche, T. Linguistik ohne Langweile. // Archiv für Geschichte der Philosophie. - 1988. - B. 3. - S.296-303.
5. Braun, H.-K. Theorie und Praxis bei Sigmund Freud. // Marxistische Blätter. - 1989. - H.9. - S.12-15.
6. Bremer, D. Von der Physis zur Natur. // Zeitschrift für philosophische Forschung. - 1989. - B. 43. - S.241-264.
7. Brie, M. Die Erarbeitung einer Konzeption des modernen Sozialismus. // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. - 1990. H.3. - S.218-229.
8. Bubner, R. Philosophen und die deutsche Einheit // Philosophische Rundschau. - 1991. - H.1-2. - S.48-82.
9. Cristin, R. Reichendes Denken und besinnendes Denken: Heidegger und die Herausforderung der Leibnizschen Monadologie am Beispiel des Satzes vom Grund // Studia Leibnitiana. Zeitschrift für Geschichte der Philosophie und Wissenschaften. 1992. - B.XXIV. - H.1. - S.93-100.
- 10.Dietrich, Th. Das Konzept einer "wahren" Politik des Friedrich Gentz. // Deutsche Zeitschrift für Philosophie.- 1990. - H.4. -S. 346-353.
- 11.Engelhardt, A./ Steigerwald, R. Umbruchperiode und Reformalternative. Der Beginn einer Debatte. // Marxistische Blätter. - 1989. - H.1. - S.52-56.

- 12.Esterella, J./ de Chile, S. Die Philosophie und ihre Mißbilligungen. // Conceptus. Zeitschrift für Philosophie. 1990. - Nr.61. - Jg.XXIV. - S.3-17.
- 13.Friedrich, W. Bemerkungen zum Generationskonzept // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. - 1990. - H.1. - S.31-33.
- 14.Hoffmann,L./ Soren, T. Der Begriff der Bewegung bei Kant (Über den Grundbegriff der Empirie und die empirischen Begriffe.) // Zeitschrift für philosophische Forschung. - 1991.- H.1. S.38-42.
- 15.Holz, H.- H. Todor Pawlow - die Universalisierung der Widerspiegelung // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. - 1990. H.3. S.245-254.
- 16.Homann, R. Zu neueren Versuchen einer Reaktualisierung des Erhabenen. Lyotards Utilisierung einer ästhetischen Kategorie für eine neue Ethik // Zeitschrift für philosophische Forschung. - 1994. - H.1. - S.43-68.
- 17.Hottois, G. Die Natur der Sprache: von der Ontologie zur Technologie // Studia Leibnitiana. - 1990. - B.XXII.- H.2.- S.184-193.
- 18.Hrachovec, H. Philosophische Anstöße in der computerunterstützten Intelligenz-Forschung // Philosophische Rundschau.1990. - H.3.- S.278-297.
- 19.Ineichen, H. Zur Geschichtsphilosophie der Gegenwart // Archiv für Geschichte der Philosophie. - 1988. - H.2. - S.161-182.
- 20.Kaufmann, A. Die Idee der Toleranz aus rechtspolitischer Sicht // Dialektik. - 1994. - H.1. - S.45-64.
- 21.Kienzle, B. Primare und sekundäre Qualitäten bei John Locke // Studia Leibnitiana. Zeitschrift für Geschichte der Philosophie und Wissenschaften. - 1989. - B.XXI. - H.1.- S.21-41.
- 22.Kienzle, B. Freiheit, Gleichheit, Brüderlichkeit bei Kant // Archiv für Geschichte der Philosophie. - 1991. - H.2. - S.171-187.
- 23.Kinner, K. Identität der Kommunisten // Marxistische Blätter. 1989. - H.11. - S.18-23.

- 24.Klenner, H. Die Menschenrechte im ideologischen Klassenkampf der Gegenwart // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. - 1989. H.7. - S.651-654.
- 25.Kossok, M. Der historische Ort der Französischen Revolution // Marxistische Blätter. - 1989. - H.2. - S.10-16.
- 26.Kramer, H. Das neue Platonbild // Zeitschrift für philosophische Forschung. - 1994. - H.1. - S.1-20.
- 27.Kramer, S. Symbolische Erkenntnis bei Leibnitz (Entdeckung der Sprache als eine Technik) // Zeitschrift für philosophische Forschung. - 1992. - H.2. - 224ff.
- 28.Krober,G./ Laitko, H. Bürgerliche Philosophie im 19/20. Jahrhundert // Einheit. - 1989. - H.3. - S.284-286.
- 29.Kruger, H.P. Zur Differenz zwischen kapitalistischer und moderner Gesellschaft // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. 1990. - H.3. - S.202-217.
- 30.Kuczynski, J. Konservative Revolutionen // Marxistische Blätter. - 1989. - H.12. - S.15-18.
- 31.Kuhler, J./ Nordhofen S. Philosophie ist kein Fach wie Mathe // Zeitschrift für Didaktik der Philosophie. - 1991.- H.1. - S.24-30.
- 32.Loser, Chr. Objektivität und Subjektivität der Zeit. // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. - 1990.- H.2. - S.141-147.
- 33.Losurdo, D. Hegel, die Französische Revolution und die liberale Tradition // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. 1990. - H.4.- S.338-345.
- 34.Luhmann, N. Über systemtheoretische Grundlagen der Gesellschaftstheorie // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. - 1990. H.3. - S.277-284.
- 35.Maretzky, K. Gesellschaftliche Notwendigkeit und Freiheit der Individuen // Marxistische Blätter. – 1989. - H.9. - S.76-79.
- 36.Martens, E. Zur Lehr- und Lernbarkeit der Philosophie // Einführung in die Didaktik der Philosophie. - Darmstadt. - 1989. S.76-85.

- 37.Martens, E. Abbilddidaktik und Zeitweltenlehre // Einführung in die Didaktik der Philosophie. - Darmstadt. - 1989. - S.22-25.
- 38.Menne, A. Das Wortdefinition selbst // Elementare allgemeine wissenschaftliche Denkmethode im Überblick. – Darmstadt, 1984. S.18, 22, 23, 26, 27, 28.
- 39.Mocek, R. Anwendungen zur Autopoiesis // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. - 1990. - H.4. - S.354-363.
- 40.Mueller-Goldingen, H. Politik und Philosophie bei Aristoteles und in früheren Peripatos // Archiv für Geschichte der Philosophie. 1991. - H.1. - S.1-19.
- 41.Muller-Hartmann, I. Sozialstrukturelle Probleme der natur- und technikwissenschaftlichen Intelligenz unter den Bedingungen der Intensivierung // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. - 1990. - H.1. - S.21-30.
- 42.Muntzer, T. Historische Wegfindung und Wirkung // Einheit. - 1989. - H.11. - S.1047-1051.
- 43.Nemeth, E. Wissenschaftliche Weltauffassung zwischen Sozialrevolution und Sozialreform // Conceptus. Zeitschrift für Philosophie. - 1990. - Nr.61. - Jg.XXIV. - S.73-90.
- 44.Noack, H. Allgemeine Einführung in die Philosophie. Probleme ihrer gegenwärtigen Selbstausslegung // Die Philosophie. Einführungen in Gegenstand, Methoden und Ergebnisse ihrer Disziplinen. - Darmstadt, 1984.- S.81-91, 119-129.
- 45.Oberschelp, A. Die Semantik der Klassenlogik // Logik. Mannheim - Leipzig - Wien - Zürich. - 1992. - S.12,13,21,176, 193,212.
- 46.Oelmüller, W. Menschenrechte bei gegenwärtigen gesellschaftlich politischen Auseinandersetzungen // Zeitschrift für Didaktik der Philosophie. - 1991. - H.2.- S.155-162.
- 47.Oisermann, T. Aufklärung und Revolution // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. - 1990. - H.2. - S.130-137.

48. Opitz, H. Die Kommunisten und die Wahrheit // Einheit. - 1989. H.11. - S.1002-1007.
49. Pleines, J.- E. Zur Sache des sogenannten Neoaristotelismus. Metakritik einer Parole. // Zeitschrift für philosophische Forschung. - B.43. - 1989. - S.133-157.
50. Rensoli, L. Über das Ideal des philosophischen Lebens bei G.W. Leibniz // Studia Leibnitiana. Zeitschrift für Geschichte der Philosophie und Wissenschaften. - 1992. - B. XXIV. - H.1. - S.101-111.
51. Rohner, E. / Schubert M. Warum brauchen wir die Kunst? // Einheit. - 1989. - H.2. - S.177-180.
52. Ronnenberg, H. Brauchen wir eine Kategorie Persönlichkeit? // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. - 1990. - H.1. - S.69-70.
53. Sandkuhler, H.-J. Die Wirklichkeit des Wissens und das epistemische Menschenrecht. Praktisch-philosophische Konsequenzen des epistemologischen Realismus // Dialektik. - 1991. - H.1. - S.13-34.
54. Sandkühler, H.-J. Elf Thesen zum Marxismus dieser Zeit. Über die "Krise des Marxismus" // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. 1990. - H.4. - S.314-318.
55. Schafer, L. Pluralismus als variantenreiches, systematisches Denken verlangt eine Aufwendung der Anderen // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. - 1994. - H.2. - S.305-311.
56. Schneider, G. Vom Wesen des Sozialismus. // Einheit. - 1989. H.2. - S.107-109.
57. Schrey, H. -H. Einführung in die Ethik // Die Philosophie. Einführungen in Gegenstand, Methoden und Ergebnisse ihrer Disziplinen. - Darmstadt. - 1988. - S.15-18.
58. Schroder, E.-Chr. Zur transzendentalen Phänomenologie Husserls. // Archiv für Geschichte der Philosophie. - 1988. - S.303-316.

- 59.Schroder, R. Kampf - Verhandlung - Dialog. Versuch einer anthropologischen Verhältnisbestimmung // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. - 1990. - H.4. - S. 376-382.
- 60.Selge, K.-V. Gegenstand der Kirchengeschichte // Einführung in das Studium der Kirchengeschichte. - Darmstadt. - 1988. S.1, 5, 7, 8, 10, 11.
- 61.Seuren, P. Neue Entwicklungen im Wahrheitsbegriff // Studia Leibnitiana. Zeitschrift für Geschichte der Philosophie und Wissenschaften. - 1989. - B.XXI. - H.2.- S.155-173.
- 62.Steffens, R. Das Denken beweglich machen // Zeitschrift für Didaktik der Philosophie. - 1991. - H.1. - S.30-41.
63. Steininger, M. Sozialistische Gesellschaft und menschliches Glück // Einheit. - 1989. - H.2. - S.112-114.
64. Steininger, M. Kapitalismus - Gesellschaft der "ewigen Menschennatur"? // Einheit. - 1989. - H.11. - S.1009-1014.
65. Thieme, K. Vom Wert der Arbeit // Einheit. - 1989. - H.1. - S.39-44.
66. Treml, A.- K. Von der besten aller möglichen Welten zur Welt voll besserer Möglichkeiten // Studia Leibnitiana. Zeitschrift für Geschichte der Philosophie und Wissenschaften. - 1991. B.XXIII.- H.1.- S.40-56.
67. Wagner, F. Religionsphilosophie und philosophische Theologie // Philosophische Rundschau. - 1990. - H.1-2. - S.44-59.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1.БАЗОВЫЙ ЧАСТОТНЫЙ СЛОВАРЬ НЕМЕЦКОГО ПОДЪЯЗЫКА
ФИЛОСОФИИ.

2.СПИСОК ИДЕОЛОГИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫХ ЛЕКСЕМ

СПИСОК ИДЕОЛОГИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫХ ЛЕКСЕМ

A

1. Abgrenzung
2. abspeisen (lassen)
3. Abweichler
4. Achillesferse
5. Agitator
6. Agression
7. aktive Mitgestaltung
8. Aktivistenbewegung
9. Alberne Poltron
10. Alles jetzt!
11. allgemeine Naturgeschichte
12. Allgemeinwillen
13. Allmacht marxistischer Lehre
14. alte Schreckbild
15. das "Andere"
16. Anti-
17. Anhangsel
18. Apeasment-politik
19. Arbeiter-und-Bauern-Inspektion
20. Arbeitgeber
21. Arbeitskraft
22. Armenrecht
23. atemraubende Logik
24. Asylant
25. Aufeinanderprallen
26. Aufgabe von hoher nationalen Bedeutung
27. aufklaffen
28. aufklaren Auf-sich-Selbst-Gestelltsein
29. ausfechten

30. Ausgeflippte
31. Ausgegrenzte
32. ausklammern
33. Auslanderfeindlichkeit
34. Auslanderfreundlichkeit
35. ausschalten
36. Aussiedler

B

37. Banner der Arbeit
Bedurftigkeitsprufung
38. Befreiung Osteuropas aus den Fesseln
der roter Diktatur Begriffshierarchie
39. Begriffsumdrehung
40. Begriffsverschiebung
41. "beitreten"
42. Belastung
43. Berufsverbieter
44. Besserwessi
45. Bildbruch
46. Billig-
47. Bindestrich
48. Binnenmoral
49. Blasphemie
50. bloßes Sein
51. blühende Landschaften (verheißen)
52. Bolschewismus
53. Bonzokrat
54. bruderlich
55. bundesdeutsch
56. Bündnisfreiheit
57. bürgerliche Soziologie

58.Burokratie

59.bürokratische Filz

C

60.Condottiere des Industriekapitals

D

61.Dampfgeysir

62.Demokratie

63.demokratische Gleichheit

64.Demokratisierung

65.Demokratismus

66.Destabilisation

67.Deuschtum

68.deutsches Blut

69.dialektische Einheit

70."die" Geschichte

71.Dirigismus

72.drüben

73.Dunstkreis der Macht

74.Durchbruch

75.Du-zu-Du-Verhältnis

76.dynamisch

E

77.eigentliche Fakt

78.Eilbot der Idee

79.einbringen

80.eindeutschen

81.einengen

82.eiserner Vorhang

83.elegant

84.Ellenbogengesellschaft

85.empirischer Rohstoff

86.entscheidungsrelevant

87.entspringen

88.Entwicklungsland

89.erdiskutieren

90.Erfahrungsaustausch

91.erhellende Idee

92.ersticken

93.europäischer Sozialraum

94.Evangelium des Krieges

95.Ewiggestrige

96.Ex-Heilige Romische Reich deutscher Nation

97.Existenzangst

F

98.Fahne der Freiheit

99.Farben des Sozialismus

100.faule Zauber

101.Feindbild

102.feuern

103.Folterstube der deutschen

Gastronomie

104.Fortbestehen des dritten Reiches

fortschrittlich

105.Fraktionsbildung

106.Freiheit

107.freiheitlich freiheitlich-demokratische Grundordnung

108.Friedenskampf Friedenslager

109.Friedensvertrag

110.friedliche Koexistenz

111.Frustrierte

112.Funktionswandel

113.Funfjahrplanzeitraum

114.führender Kopf

115.Fußvolk

G

116.gangige Mißdeutung

117.Gastarbeiter

118.Gegengesellschaft

119.Gegenkultur

120.Gegenkunst

121.Gegenwind der Logik

122.gemeinsames europäisches Haus

123.Gemeinwohl

124.Gesellschaft

125.Gesellschaftstechnik

126.gesicherte Grenze

127.Gespann der Utopien

128.gesunde Menschenverstand

129.Gewordensein

130.Glasnost

131.Gleichmacherei

132.glücklichste Volk der Welt

133.große sozialistische Experiment

134.großmächtig

135.Grundeinkommen

H

136.Harmonisierung

137.Heimatvertriebener

138.Heim-ins-ReichAnspruch

139.Heimlichtuerei

140.Helfer

141.Herrschaft des Volkes

142.Herzstück der Partearbeit

143.hinwegdisputieren

144.historischer und dialektischer
Materialismus

145.hochkaratiger Mann

146.humaner und demokratischer
Sozialismus

I

147.Ideennirvana

148.Ideologisierungswahn

149.Idylle Lockung

150.Imperialismus

151.individuelle Kuh

152.initiativreiche Massenbewegung

J

153.Jahressoll

154.Jammerossi

155.Jammerreich

156."Jenseits"

K

157.Kaderentwicklung

158.Kaltesozialismus

159.Kamikaze-Manier

160.Kandidatenaussprache

161.kapitalistischer Profit

162.Kapitulantum

163.Katastrojka

164.Kennziffern

165.Klasse

166.Klassenkampf

167.Klassenprofil

168.klassenverbunden

169.Kollektiv

170.Kommunikationsgemeinschaft
171.Kommunismus
172.Kommunistenschweine
173.kommunistische Bedrohung
174.konservative Revolution
175.Konvergenztheorie
176.Kosmopolitismus
177.kraß
178.kreative Kader
179.Kriegsminister
180.Kultur des Politfreaks
181.Kunde König
182.Kungelei

L

183.lahmen
184.Lastenausgleich
185.Lebenswahrheit
186.Leihware
187.Leistung
188.Leistungsgesellschaft
189.Leutung und Leistung
190.List der Vernunft
191.Labyrinth
192.Lobbisierung der Gesellschaft
193.Lobeshymne
194.Lohnarbeiter

M

195.Machen der Geschichte
196.Mandat des Himmels
197.Manipulierung
198.Mantelchen der Philosophie
199.Manteltarifvertrag

200.Markt
201.Marktchance
202.Martyrer der Friedensidee
203.marxistisch-leninistische Erneuerung
Marxologie
204.Marxsche Diagnose
205.Massen
206.Masseneinsatz
207.Massengesellschaft
208.Masseninitiative
209.Massenkarambolage
210.Maßigung
211.metaphysische Anfangsgründe
212.Milieu
213.militaristisch
214.Mitbürger
215.Mitspracherecht
216.Mitteldeutschland
217.moderne bürgerliche Gesellschaft
218.moderner Kapitalismus
219.Modernisierung
220.modische "Ismen"
221.monolithischer Block
222.Monopolherr
223.Monopolkapitalismus

N

224.nackter Subjektivismus
225.nationale Aufgabe der Eingliederung
226.nationale Herausforderung
227.Nationaler Verteidigungsrat
228.Nationalgefühl
229.Naturbelastung
230."natürlich"

231.naturrechtlich
232.Nebel von Begriffen
233.Negerkuß
234.Neues Denken
235.neue Selbständige
236.Neufunfland
237.Nicht-mehr-Existieren
238.noch besser!
239.Noch-nicht-Sein

O

240.Obhutspflicht
241.ökonomische Wurzeln
242.Onto-theo-logie
243.Opposition
244.Ostblock (unter sowjetischer Führung)
245.ostdeutsch
246.Ostneufunfland

P

247.parasitärer Charakter des Kapitals
248.parteiamtlich
249.Parteiphilosophie
250.Partner
251.Passivposten
252.philosophical community
253.philosophische Leere
254.Phrasendrescherei
255.Phrasnost
256.Planerfüllung
257.Plankommission
258.polemische Allerweltswort
259.polemische Feder
260.Politbüro des ZK

261.Pragephase
262.praktizistisch
263.Pressezar
264.produktiv
265.profaner Mensch
266.Proletarier
267.Propagandist
268.Provo

Q

269.Quadratur des Kreises
270.Qualitätsphilosophie

R

271.Racheerien
272.Randgruppe
273.Rauschen des Wortes
274.ratselhaft
275.real existierender Sozialismus
276.Rechenschaftslegung
277.Rechtswahler
278.Reformismus
279.reine kapitalistische Gesellschaft
280.Reingewinnrechnung
281.Reinseiendes
282.Republikanismus
283.Republikflucht
284.Revanschist
285.revanschistisch
286.Revision
287.Rotes Reich
288.Rustunstaumel

S

- 289.Sackgassenkonzept
- 290.Schandmauer
- 291.schicksalvoller Wendepunkt
- 292.Schlammflut des VolkerhaBes
- 293.Schokoladenseite
- 294.schopferische Anwendung des Marxismus
- 295.schmackhaft machen
- 296.schwarzer Kanal
- 297.Schwarzer Peter
- 298.Schwarz-Weiß-Malerei
- 299.Schwarz-Weiß Technik
- 300.schwere Brocken
- 301.schlichtes Plädoyer
- 302.Selbstverpflichtung
- 303.sich alles leisten
- 304.Sicherausarbeit
- 305.Siebenmeilenstiefel
- 306.siegreich
- 307.simple Machtwechsel
- 308.Skala von Wissensformen
- 309.social ranking
- 310.Sollschwein
- 311.soziale Marktwirtschaft
- 312.sozialistischer Aufbau
- 313.sozialistischer Lager
- 314.sozialistischer deutscher Friedensstaat
- 315.sozialistischer Gewinn
- 316.Sozialabbau
- 317.Sozialhilfeempfänger
- 318.Sozialpartner
- 319.Sozialprodukt

- 320.Sozialstaat
- 321.Spatheimkehrer
- 322.Spekulationen
- 323.Spiel-mir-das-Lied-vom-Tod
- 324.Sprachorgie
- 325.sprengen
- 326.Stimme des Sozialismus
- 327."stimmen"
- 328.Stand
- 329.Stasi
- 330.stabsmaBig
- 331.Staatsbürgerschaft

T

- 332.Tabuisierung
- 333.Talmudismus
- 334.Tapetenwechsel
- 335.tatige Seite
- 336.technologisch hochentwickelte Gesellschaft
- 337.Territorium
- 338.tiefgreifende gesellschaftliche Wandlungen
- 339."trockenes" Thema

U

- 340.Ulbrichtmauer
- 341.Umbruch
- 342.Umgestaltung
- 343.Unableitbarkeitsthese
- 344.Unbedingtheit
- 345.Ungewissheit des nächsten Tages
- 346.Universum der Bedeutungen
- 347.unkonkret

348.unkühn
349.unmarxistisch
350.unser "Bild"
351.unser Denken ist ein Werkzeug
352.Unser Mann
353.unser sozialistischer deutscher
Friedensstaat
354.unterbelichtet
355.Ur-Sache
356.Überbau
357.übererfüllen

V

358.verankern
359.Vereinigungsinstrument
360.Vereledung
361.Vergesellschaftung
362.Vergleichsakrobatik
363.Verhüllung der Klassegegensätze
364.Verkehrsform
365.verklären
366.Verklemmungen der deutschen Seele
367.vernünftiges Leben
368.verordnete Denk- und Verhaltensweise
369.Verpflchtung
370.Versohnler
371.Verständigungshorizont
372.Vertrauen
373.vertrauensvoll
374.Viersektorenstadt
375.vierte Gewalt
376.Volksdemokratie
377.volkseigen
378.Volkseigentum

379.Volksempfänger
380.Volkserrungenschaft
381.Volksgeist
382.Volks Glaube
383.Volksherrschaft
384.Volksrepublik
385.volle Klarheit
386.von "oben"
387.Vordenker
388.Vorfahrt der Vernunft
389.vorfristig
390.Vorposten des Sozialismus

W

391.Waffenbündnis
392.wahre Volksstaat DDR
393.Wahrhaftigkeit
394.Wahrheitstheorie
395.Weckung des Klassenbewußtseins
396.Weite des Globus
397.Weiterführung des sozialistischen
Wettbewerbs
398.Wellenbrecher
399.Weltbildsemantik
400.Weltverbesserer
401.Wende
402.Wertätige
403.Wert
404.westdeutsche Teilbevölkerung
405.westlerisch
406.Wiederaufrüstung
407.Wiedereinbürgerung
408.Wildwirtschaft

- 409.wir
- 410.Wir Europäer
- 411.Wir-Gefühl
- 412.wirklich revolutionares Projekt
- 413.Wolfsgesetz des Kapitalismus
- 414.Wortopium
- 415.Würgegriff der Dichotomie

Z

- 416.Zeit des Wissens
- 417.Zitierwut
- 418.Zone
- 419.Zuckerbrot-und-Peitsche-Politik
- 420.Zwangsapparat
- 421.Zweckpatriotismus
- 422.Zwei-Drittel-Gesellschaft
- 423.Zwei-Nationen-These